

Коми отделение
Академии военно-исторических наук

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН

Вологодский региональный
научно-исследовательский центр краеведения
и локальной истории «Северная Русь»

**ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Выпуск 9

*Юбилею Отечественной войны 1812 года
посвящается*

Сыктывкар–Вологда 2012

УДК 94:355:930 «1812»

Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар; Вологда, 2012. Вып. 9. 232 с.

Очередной выпуск «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» приурочен к проведению в России Года российской истории и юбилейных мероприятий, посвященных победе русского оружия в Отечественной войне 1812 года.

Сборник содержит новейшие исследования, отражающие историографическую традицию эпохи 1812 года, статьи и сообщения об участии регионов России в военных действиях во время наполеоновского нашествия, истории Москвы в этот период, а также о событийном восприятии Отечественной войны и ее последствиях.

Книга адресована научным сотрудникам, специалистам в области музейного, архивного и библиотечного дела, а также широкой читательской аудитории.

Редакционная коллегия

д.и.н., академик АВИН **И.Л. Жеребцов** (председатель), к.и.н., член-корр. АВИН **И.О. Васкул** (зам. председателя), к.э.н., член-корр. АВИН **Е.Н. Рожкин** (отв. секретарь), к.и.н., член-корр. АВИН **А.Д. Напалков**, д.и.н., академик АВИН **А.А. Попов**, к.и.н., член-корр. АВИН **М.В. Таскаев**, д.и.н., академик АВИН **В.И. Чупров**

Ответственные редакторы и составители выпуска:

д.и.н. **И.Л. Жеребцов**, **С.А. Тихомиров**

Рецензент: д.и.н. **М.А. Мацук**

Сборник подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

ISBN 978-5-89606-487-9

- © Коллектив авторов, 2012
- © Коми отделение Академии военно-исторических наук, 2012
- © Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2012
- © Вологодский региональный научно-исследовательский центр краеведения и локальной истории «Северная Русь», 2012
- © Жеребцов И.Л., Тихомиров С.А., сост., науч. ред., 2012

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Ю.Л. Жмодиков*

«ЗА ОТЕЧЕСТВО» ИЛИ... (О МОТИВАХ ВСТУПЛЕНИЯ В ОПОЛЧЕНИЕ В ЭПОХУ 1812 ГОДА)

Принято считать, что основная масса людей, добровольно вступавших в 1812 г. в губернские ополчения, делала это из патриотических побуждений. На такой позиции стояли историки как XIX — начала XX в., так и, сместив, правда, акценты с дворянства и чиновничества на разночинные слои, исследователи Отечественной войны последних десятилетий.

Однако знакомство со сведениями об ополченцах-добровольцах биографического характера, прежде всего, по периоду, предшествующему их поступлению в «народную военную силу», заставляет усомниться в правоте такого тезиса. Не претендуя на полноту анализа всего массива этих сведений — только по Петербургскому ополчению к числу добровольцев можно отнести более 1000 чел., от большинства из которых сохранились лишь сухие формулярные списки, почти не дающие материала для каких-либо выводов, — можно выявить ряд типичных мотивов вступления в ополчение, по крайней мере, петербургских чиновников и отставных военных. Эта категория лиц, из которых комплектовался офицерский корпус ополчения, составляет значительную по численности группу (около 500 чел.) и достаточно широко представлена в отложившихся в архивах документах.

Из этих документов достаточно определенно проступают следующие мотивы:

1. Большую роль играл фактор материальный. Во-первых, по «Положению о составе и устройении Санкт-Петербургской военной силы» каждому обер-офицеру ополчения полагалось жалование в 30 руб. в месяц, т.е. 360 руб. в год, что примерно соответствовало годовому жалованию чиновников X–XII классов. Это обстоятельство не могло не привлечь в ополчение большое число служащих чиновников низших классов и, особенно, находившихся к лету 1812 г. «не у дел», а также отставных военных в невысоких чинах, получавших небольшие пенсии или вообще не имевших таковых. Наглядно характеризующими материальное положение части офицеров-ополченцев могут служить следующие факты:

*Жмодиков Юрий Леонидович (Санкт-Петербург) — старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

а) из 14 чиновников Артиллерийского департамента, изъявивших желание поступить в ополчение, только четверо не имели перед департаментом долгов (один из этих четырех, возможно, только потому, что поступил на службу в департамент лишь в начале июля 1812 г.);

б) в начале 1813 г. шестеро чиновников-ополченцев X–XIV кл. обратились с просьбой выдать им не только полагающееся за службу в ополчении жалование, но и «провиант и порции, положенные нижним чинам, ибо оные (чиновники. — *Ю.Ж.*) по неимению никакого состояния терпят даже нужду в дневном пропитании».

Для состоявших на службе к лету 1812 г. чиновников вступление в ополчение представляло и ту выгоду, что по решению Комитета министров за ними сохранялось не только их прежнее место службы, но и полагающееся им по этому месту жалование, которое выплачивалось по возвращении из похода. Для некоторых чиновников соблюдение этого положения было чуть ли не основным условием их вступления в ополчение — так медалер Монетного двора И.А. Шилов в прошении об увольнении прямо просил: «оставить при мне то жалование, которое я ныне получаю, и числить по службе при том же месте которое я ныне занимаю, сия награда доставит мне случай совершить мои предприятия». Кроме того, известно, по крайней мере, два случая, когда чиновничье жалование ополченцев по их прошению с самого начала выплачивалось другим людям (у одного — родственнику, у другого — знакомому). Очень возможно, что причиной таких просьб была необходимость содержать родных, ушедших в ополчение.

2. Достаточно явно из документов проступает желание многих бывших военных, покинувших службу (нередко не по собственному желанию) в невысоких чинах, вернуться к ней. Имелись в составе Петербургского ополчения и штаб-офицеры, отставленные за нарушения по службе. Для тех и других вступление в ополчение было в какой-то мере возвращением на свое прежнее поприще. Одним из наиболее ярких представителей первых из них может служить отставной поручик М. Перегудов. Еще до начала войны он изъявил желание вернуться на военную службу, но когда стало собираться «для защиты отечества военное ополчение», он, «горя любовью к оному (т.е. отечеству. — *Ю.Ж.*) и не дождав[шись] приказа (о зачислении на военную службу. — *Ю.Ж.*), поступил в оное». После излечения от ран, полученных в Полоцком сражении 6-8(18-20) октября 1812 г., Перегудов вернулся в свою дружину, но так как к этому времени (весна 1813 г.) дружина стояла гарнизоном в глубоком тылу, он стал ходатайствовать «об отправлении ... в действие к армии». В июне он получает такое разрешение, и вместе с еще 35-ю офицерами Петербургского ополчения приказом Александра I от 3 июля 1813 г. переводится в регулярные войска (еще осенью 1812 г. рус-

ское командование для восполнения недостатка офицеров в регулярных войсках предложило поступать на военную службу офицерам ополчений, и многие петербургские ополченцы откликнулись на это).

3. К вышеуказанной причине примыкает еще одна — попытка службой в ополчении заглазить свои какие-либо прежние провинности. Эта причина была не столь распространенной — из имеющихся документов она хорошо прослеживается только у одного генерала, трех штаб- и одного обер-офицера (один из штаб-офицеров, например, майор И. А. Галяменский был отставлен от службы в 1805 г. за неповиновение начальству и вступил в ополчение буквально сразу после выхода из-под продолжавшегося три года ареста). Однако, учитывая указ Александра I от 3 сентября 1812 г. о дозволении принимать в ополчение чиновников, «которые обвинены за маловажные проступки и не должны быть приговорены к лишению чести или чинов», таких людей явно было больше. Правда, следует отметить, что командование Петербургского ополчения достаточно строго подходило к отбору кандидатов на офицерские вакансии. Одно из свидетельств тому — документы об отставном гвардейском поручике Н. С. Витковиче. Этот офицер уже вступил в один из конных полков Петербургского ополчения, когда начальству стало известно, что он «прикосновенен к судному делу», находящемуся в производстве. Витковича немедленно исключают из полка и, несмотря на то, что тот изъявил желание «оправдать поступок свой на поле чести», обратно, судя по всему, уже не принимают.

4. Нельзя сбрасывать со счетов и такой побудительный мотив, как стремление прославиться, быстро сделать карьеру. Любая эпоха потрясений, нестабильности, к которой относится и война, поднимает на поверхность большое число честолюбивых людей, которым в иных условиях было бы трудно себя проявить. И вполне естественно, что с объявлением сбора ополчения, такие люди откликнулись на этот призыв. К числу таковых, судя по имеющимся о нем сведениям, относится коллежский регистратор П. Ф. Вильгельмов. Он один из первых — уже к 26 июля — изъявляет желание поступить в ополчение. Именуя себя во всех документах инженер-прапорщиком (очевидно, на том основании, что за год до этого учился в институте корпуса путей сообщения, где и получил этот чин, хотя после этого перешел на гражданскую службу с чином коллежского регистратора), он вступает в ополчение «по избранию дворянства» (не являясь при этом дворянином и явно сам предложив свою кандидатуру), но не в пешие дружины, в которые, собственно, и «избирало» дворянство своих представителей, а в один из конных полков Петербургского ополчения, формировавшихся из добровольцев (волонтеров) и поэтому являвшихся более «престижными» частями. А буквально накануне отправки на театр военных действий пе-

шего ополчения Вильгельмов переводится в него, по-видимому, потому, что формирование и, соответственно, выступление в поход конного полка затянулись — и устраивается дружинным адъютантом. В 1813 г. он уже служит в высоких штабах и возвращается из похода подпоручиком с двумя российскими и прусской наградами.

5. В какой-то мере близкими к предыдущему являются и такие факторы, как использование вступления в ополчение для ухода от трудностей будничной жизни, от ставших непосильными житейских проблем и забот или просто нежелание работать, нести какие-либо обязанности. Так, 49-летний титулярный советник Ф.Г. Борзиков после непродолжительной службы в гвардии сначала дважды «определялся» в Тверскую управу благочиния и увольнялся из нее, затем также дважды — в петербургскую полицию и, наконец, после трехлетней службы в Коммерц-коллегии, после увольнения из которой нигде не служил почти 5 лет, поступил в Артиллерийскую экспедицию, но через 3,5 года при реформировании этого ведомства был уволен. Летом того же года он уходит в ополчение, оставив дома жену и трех детей в возрасте от 5 до 12 лет.

К числу таких, по-видимому, можно отнести и помещика Курской губернии И. Устинова: у себя на родине он оказался вовлеченным «в тяжбу с казенными поселянами», завладевшими его наследственной землей, и приехал в Петербург «для исходатайствования у верховного начальства правосудия», однако, не завершив этого дела, вступил в ополчение. Хотя, вполне возможно, у Устинова, как бывшего военного, в 1794 г. «за болезнь отставленного в отставку» был и другой мотив вступления в ополчение, отмеченный выше, а именно — материальный, так как по возвращении из похода обратился в учрежденный императрицей Елизаветой Алексеевной комитет с просьбой о денежной помощи, «не имея никакого пропитания ни здесь в Санктпетербурге проживать, ни возвратиться ... в место всегдашнего жительства в Курскую губернию».

Показательным примером того, что у одного человека могло быть несколько причин для вступления в ополчение, может служить и биография губернского секретаря О.С. Ступина. Прослужив 10 лет на различных чиновничьих должностях в провинции (Могилев и Бабиновичи), он после полуторалетнего перерыва появляется в Петербурге — поступает в Артиллерийскую экспедицию, но к лету 1812 г., очевидно, в связи с реорганизацией учреждения весной этого года, оказывается состоящим сверх комплекта, получая вследствие этого жалование (кстати, как и ряд других чиновников Артиллерийского департамента, служивших как и он писцами и изъявивших желание вступить в ополчение) «большой частью из остатков от положенной на штатных (т.е. находящихся в штате. — Ю.Ж.) чинов-

ников, по неполному комплекту оных...» и имея долг перед департаментом в 46 руб. 50 коп.

Какую часть от всех офицеров Петербургского ополчения составляли люди, вступившие в него по одной или по нескольким из вышеперечисленных причин, или не без их влияния из тех, кто пошел в ополчение в первую очередь под воздействием патриотического порыва, естественно невозможно установить точно. И хотя документы дают право утверждать, что таких людей было немало, этот вывод ни в коей мере не умаляет значения совершенного ими — в той или иной мере они внесли свой вклад в победу над врагом, защитили от него свое отечество.

Литература и источники

1. Подробнее см.: Жмодиков Ю.Л. Вопросы формирования Петербургского ополчения в отечественной историографии // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994. С. 17–23.
2. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 3. Оп. Генеральное повытье., Д. 2388. Л. 23, 25, 26.
3. Центральный Государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 189. Оп.1. Д. 238. Л. 134об–135об.
4. РГИА. Ф. 37. Оп. 20. Д. 1008. Л. 12–12об.
5. Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–8; Ф. 37. Оп. 20. Д. 1008. Л. 8–9; Д. 1261. Л. 1–2.
6. ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 275. Л. 62 и об.
7. Там же. Д. 221. Л. 661; Д. 222. Л. 418, 511об.; Д. 275. Л. 64, 244–247.
8. Там же. Д. 226. Л. 66; Д. 308. Л. 105, 117.
9. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2, 1812. Д. 280. Л. 15 и об.; Д. 298а. Л. 52об.
10. ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 160. Л. 4об., 92об.; Д. 221. Л. 483об., 486; Д. 222. Л. 715; РГИА. Ф. 37. Оп. 20. Д. 992. Л. 3об. Д. 1008. Л. 3; Д. 1170. Л. 123об.–125.
11. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Генеральное повытье. Д. 2429. Л. 13об.–14.
12. Там же. Л. 445–446об.
13. Там же. Д. 2388. Л. 17об., 30об.–34.

В.П. Тотфалушин*

**САРАТОВСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ 1812 ГОДА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ****

Уже два столетия прошло со времени Отечественной войны 1812 г., в которой с огромной силой проявились беспримерный героизм и мужество русского народа. Хотя Саратовская губерния оказалась в стороне от театра военных действий, она в полной мере испытала их влияние. В краеведческой и исторической литературе участие саратовцев в той кампании традиционно связывается с рекрутскими наборами, пожертвованиями на нужды армии и мобилизацией ополченцев.

Действительно, после выхода Высочайшего Манифеста от 6 июля 1812 г. здесь начались хлопоты по формированию ополчения [1]. Однако спешно принятые местным дворянством постановления в конечном итоге осуществлены не были, так как Манифестом от 18 июля 1812 г. Саратовская губерния была отнесена к числу «неополчающихся» [2].

Это решение было воспринято саратовцами с облегчением. «По отмене милиции, — записал в своем дневнике возмущенный современник, — никто из дворян не пожертвовал. Вот патриоты Отечества! Жалкие люди... Так-то любят защищать то место пребывания, которое их покоит!» [3].

Правда, уже 2 сентября 1812 г. саратовский губернатор А.Д. Панчулидзе довел до сведения местного дворянства повеление Императора, разрешившее по причине недостатка чиновников в III (Поволжском) ополченческом округе прием в формируемые там полки штаб- и обер-офицеров из соседних губерний [4]. Саратовские добровольцы поступали преимущественно в состав симбирских и пензенских формирований, их общее число, по подсчетам А.П. Сидоровичева, составило свыше 150 чел. [5]. Очевидно, их малочисленность явилась главной причиной, по которой этот факт не был отмечен в итоговой «Записке об исполнении поручений, возложенных на саратовского губернатора А.Д. Панчулидзева в 1812–1813 годах» [6].

Дореволюционные историки хорошо знали эти факты. Например, уже первый саратовский краевед А.Ф. Леопольдов отметил, что в 1812 г. «с Саратовской губернии не было набора людей...» [7], а в книге Н.Ф. Хован-

*Тотфалушин Виктор Петрович (Саратов) — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

**В основу статьи легли положения доклада, прочитанного 25 апреля 2002 г. в музее-панораме «Бородинская битва». Об этом см.: Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы V Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 3.

ского вся история несостоявшегося Саратовского ополчения расписана более чем подробно [8].

Однако позднее из-за невнимательного подхода к опубликованным и архивным материалам, из-за погони за конъюнктурой и идеологических соображений сюжет о Саратовском ополчении оказался чрезвычайно мифологизирован. В первую очередь, это коснулось вопроса о степени участия саратовцев в ополчении.

Так, в годы Великой Отечественной войны двумя изданиями выходит брошюра, в которой уже утверждалось, что из 9356 ополченцев Пензенской и Саратовской губерний и 8871 ратника Симбирской и Саратовской губерний были сформированы два конных и восемь пеших полков [9].

В юбилейных публикациях известных саратовских историков Е.К. Максимова и И.В. Пороха, появившихся в 1962 г., без каких-либо ссылок на источники информации число только саратовских ратников было определено уже в 13 000 чел. [10], а позднее эта цифра возросла до 13 266 ратников [11]. Пиетет перед этими авторитетами был столь велик, что эти сведения до недавнего времени «кочевали» из работы в работу [12] и лишь недавно (подчас с оговорками) стали исчезать из употребления [13].

Мифологизированной оказалась и судьба поволжских колонистов, пожелавших вступить в ополчение. Напомню, что первыми (уже к 30 июля 1812 г.) откликнулись на призыв правительства жители Тонкошуровского округа, наибольшее же число добровольцев (108 человек) дал Тарлыцкий округ. Всего же выразил желание вступить в ряды ополченцев 271 колонист [14].

Контора опекунства иностранных распорядилась составить на волонтеров ведомости с указанием их лет, состава семейства и суммы казенного долга, но «чтобы желающие оставались при своих семействах и работе впредь до предписания...» [15].

Их дальнейшей судьбой историки распоряжались по-разному: Я.Е. Дитц полагал, что они «поступили в войска» [16], В.И. Бабкин считал, что они влились в ополчение [17], наконец, ряд исследователей по сей день утверждает, что они оказались в рядах Российско-германского легиона [18].

Действительно, как явствует из протокола заседания Комитета по делам Германии от 13 (25) ноября 1812 г., Александр Первый «первоначально распорядился об их зачислении в германский легион», но позднее «ввиду большого количества пленных, готовых служить в германском легионе» решил, что «предпочтительнее было бы отклонить патриотическое предложение этих колонистов» [19]. Поэтому 5 декабря 1812 г. в Конторе было получено предписание министра внутренних дел О.П. Козодавлева от 22 ноября, согласно которому Император, «находя затруднение по от-

мене внутреннего ополчения Саратовской губернии... повелеть соизволил оставить их в своих жилищах...» [20].

К «всемирной помощи ополчению» краеведы традиционно относили и факт спасения груза с баржи, затонувшей на Волге осенью 1812 г. Первые сведения о ней были приведены в книге Н.Ф. Хованского, который опубликовал два рапорта Саратовского губернского прокурора министру юстиции. В одном из них (от октября 1812 г.) говорилось о барже, затонувшей в Вольском округе, близ колонии Екатериненштадт. На ней находились 100 тыс. руб. медной монетой, отправленных Департаментом горных и соляных дел в Саратовскую казенную палату, и 58 пушек, следовавших в посад Дубовка. В другом рапорте (от 4 ноября 1812 года) прокурор донес, что медные деньги в бочонках «помощью наемных обывателей» вынуты и теперь они занимают вытаскиванием пушек [21].

В брошюрах военной поры этот сюжет «оброс» патриотическими подробностями. Без каких-либо ссылок на источники информации теперь утверждалось, что это вооружение было приобретено по ходатайству саратовцев для ополчения на средства Соляной конторы, для него же якобы предназначались и деньги. Когда весть о кораблекрушении дошла до саратовцев, они де «еще до обращения губернатора» стали стекаться к Екатериненштадту. Несмотря на холодную погоду «сотни патриотов» работали в воде, и «общими усилиями груз, предназначенный для армии, был спасен» [22].

В этой редакции сюжет поныне «кочует» из работы в работу. При чем в новейших изданиях исчезло уже и упоминание о деньгах: согласно им, жители, «стоя по колено в воде, вытащили на берег пушки и другой военный груз» [23]. Однако в ходе проведенного обследования фонда Конторы опекунства иностранных была выявлена переписка, позволяющая утверждать, что почти все в этом сюжете фальсифицировано. Так, выявленные материалы хотя и подтверждают состав груза, но напрочь отвергают его связь с ополчением: перевозимые деньги являлись «медною монетою нового тиснения» и ассигновались «в здешнюю Казенную палату», а орудия плыли «в посад Дубовку и в город Царицын...». Очевидно, этим объясняется длительная процедура спасения орудий, последние из которых были вытасканы из воды лишь 3 мая 1814 г. [24].

Еще одну легенду породил поиск ветеранов 1812 г. и их потомков, который развернулся в России в преддверии столетнего юбилея. В Саратовской губернии эта работа была завершена к 1 ноября 1910 г.: представив сведения о выявленных потомках, полицмейстеры и уездные исправники единодушно отрапортовали губернатору о том, что живых участников и очевидцев событий 1812 г. в их уездах нет [25].

Между тем в юбилейном сборнике Саратовской ученой архивной комиссии появилась фотография «современника 1812 года» крестьянина деревни Багаевка Александровской волости Саратовского уезда Гаврилы Семеновича Котлова, которому в 1912 г. якобы было 121 год от роду [26]. В советской и постсоветской краеведческой литературе Г.С. Котлов предстает уже ратником Саратовского ополчения, прошедшим «славный боевой путь... от Багаевки до Парижа» [27]. Почти девять десятилетий этот факт ни у кого не вызывал сомнения, пока при подготовке к очередному юбилею архивисты не подняли ревизские сказки и не выяснили, что Г.С. Котлов действительно жил в деревне Багаевка, только родился он... в 1824 году! Что заставило почтенного старца ввести всех в заблуждение, мы, наверное, не узнаем никогда. Возможно, он отождествил свою судьбу с судьбой своего дяди Ефима, отданного в рекруты в 1800 г., а может быть, просто стал жертвой любителей сенсации [28].

Последняя «ополченческая» легенда связана с главным саратовским памятником Отечественной войне 1812 г. — кафедральным собором святого Александра Невского. Со второй половины XIX в. в краеведческой и справочной литературе прочно укореняется версия о том, что в соборе хранились знамена ополченческих дружин 1812 [29] или 1812 и 1856 гг. [30]. Толчком к ее возникновению, очевидно, стал факт передачи в храм знамен в 1856 г. Четырнадцать знамен Саратовского ополчения, сформированного в Крымскую кампанию [31], ибо более ранние описания этого сооружения ничего не знают о каких-либо реликвиях 1812 г. в интерьере храма [32]. Подтвердил это предположение архивный документ. Согласно ему, 13 июля 1911 г. Высочайше учрежденная комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и русских знамен, состоящая при военно-походной канцелярии Его Императорского Величества, направила запрос в Саратовскую губернию, с просьбой дать информацию о хранящихся в казенных учреждениях, местных музеях и учреждениях знаменах, флагах, бунчуках, трофейных ключах и других ценных экспонатах. В ответ на него 11 ноября 1911 г. благочинный Саратовского кафедрального собора сообщил в городскую управу, «что в соборе хранятся 14 ополченческих знамен в память Крымской войны с надписью “За Веру, Царя и Отечество” с гербом Николая I-го из шелковой зеленого цвета материи..., других исторических святынь в соборе не имеется» [33].

Таким образом, саратовским краеведам, сняв «розовые очки» ложного патриотизма, следует расстаться с рядом, ставших хрестоматийными, сюжетов, которые возникли как по объективным, так по субъективным мотивам.

Литература и источники

1. См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. 32. № 25176; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962. С. 15.
2. См.: ПСЗ. Т. 32. № 25188; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов... С. 15.
3. Скопин Н.Г. Записки дневные о делах и вещах достопамятных // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 452.
4. См.: Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912. С. 41–56; Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 73.
5. Сидоровичев А.П. Военные в истории Саратовского края // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 313.
6. См.: Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 407. Оп. 1. Д. 1661. Л. 2–5 об.
7. Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 142.
8. Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 39–40.
9. См.: Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года / П. Жибарев, Д. Эпштейн. Общ. ред. П. Софинова. Саратов, 1941. С. 17; Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П. Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 1942. С. 23, 26. См. также: Муратов Х. Крестьяне Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года // Коммунист (Саратов). 1941. 23 окт.
10. См.: Максимов Е. Саратовцы в народном ополчении // Коммунист (Саратов). 1962. 21 авг.; Порох И. Великий подвиг народа: К 150-летию Отечественной войны 1812 года // Блокнот агитатора (Саратов). 1962. № 17. С. 9.
11. См.: Минкин М.А., Порох И.В., Шилов К.В. От «грозы 12-го года» до откликов на декабризм: (Саратовское Поволжье в первой трети XIX века). Саратов, 1983. С. 5; Очерки истории Саратовского Поволжья / Под ред. И.В. Пороха. Саратов, 1993. Т. 1. С. 157.
12. См.: Тотфалушин В., Левин С. Великий подвиг народный // Политическая агитация (Саратов). 1987. № 13. С. 29; Максимов Е.К., Тотфалушин В.П., Булычев М.В. Саратовский край: Учеб. пособие по истории родного края для учащихся 8–9-х кл. Саратов, 1991. Ч. 1. С. 62; История Саратовского края: [С древнейших времен до 1917 года] / Под общ. ред. В.П. Тотфалушина. Саратов, 1996. С. 105; История Саратовского края: [С древнейших времен до 1917 года] / Под общ. ред. В.П. Тотфалушина. 2-е изд., испр., доп. Саратов, 2000. С. 109; Два века губернии: Саратовский край — из прошлого в настоящее. Саратов, 1997. С. 45; Саратовской губернии черты: К 200-летию Саратовской губернии. Саратов, 1997. С. 486.
13. См.: Мишин Г.А. Из прошлого Саратовской губернии. Саратов, 2002. С. 98; Сидоровичев А.П. Указ. соч. С. 313; Тотфалушин В.П. Общественно-политическая жизнь губернии в 1-й половине XIX века // Энциклопедия Саратовского края... С. 251.

14. Тотфалушин В.П. Поволжские колонисты и Отечественная война 1812 года // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции (Анапа, 20–25 сентября 1995 года). М., 1996. С. 142.

15. Там же.

16. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 1999. С. 190.

17. Бабкин В.И. Указ. соч. С. 82.

18. См.: Остроух И.Г., Шервуд Е.А. Российские немцы: вклад в историю и культуру (XVIII — начало XX века) // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы российско-германской научной конференции (Анапа, 22–26 сентября 1994 года). М., 1995. С. 19; Русская армия: 1812–1814 / В.М. Безотосный, А.А. Васильев, А.М. Горшман, О.К. Пархаев, А.А. Смирнов. М., 1999. С. 131.

19. Anhang I // Venzky G. Die russisch-deutsche Legion in den Jahren 1811–1815. Wiesbaden, 1966. S. 127.

20. Тотфалушин В.П. Поволжские колонисты... С. 142.

21. Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 68–69.

22. См.: Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года... С. 22–23; Софинов П., Эпштейн Д., Жибарев П. Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года... С. 31–32.

23. См.: Максимов Е. Указ. соч.; Минкин М.А., Порох И.В., Шилов К.В. Указ. соч. С. 9; Тотфалушин В., Левин С. Указ. соч. С. 30; Очерки истории Саратовского Поволжья... С. 160.

24. Тотфалушин В.П. Этнод из истории участия Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года // Сообщения Энгельского краеведческого музея. Вып. 5: Немцы в Саратовском Поволжье: Материалы научной конференции. Саратов, 1997. С. 23–24.

25. См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10424.

26. Хованский Н.Ф. Указ. соч. С. 75.

27. См.: Минкин М.А., Порох И.В., Шилов К.В. Указ. соч. С. 8; Тотфалушин В., Левин С. Указ. соч. С. 31; Максимов Е.К., Тотфалушин В.П., Булычев М.В. Указ. соч. С. 64; Очерки истории Саратовского Поволжья... С. 159; История Саратовского края: [С древнейших времен до 1917 года]... Саратов, 1996. С. 107; История Саратовского края: [С древнейших времен до 1917 года]... Саратов, 2000. С. 109; Мишин Г.А. Указ. соч. С. 98.

28. См.: Недаром помнит вся Россия: К 190-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 9; Самохвалова Н.В. Обзор документов по Отечественной войне 1812 года из фондов Государственного архива Саратовской области // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 2002. С. 221–222.

29. Саратовский вестник. 1913. 5 мая.

30. Семенов П. Географо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1876. Т. IV. С. 485; Спутник по реке Волге и ее притокам Каме и Оке на 1909 год. Саратов, 1909. С. 85; Валеев В.Х. Из истории саратовских церквей: Краткий иллюстрированный справочник. Саратов, 1990. С. 19–20; Мишин Г.А. Указ. соч. С. 85.

31. См.: Жеребцов В.И. Знамена Саратовского ополчения 1855 года // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. 32.

32. См.: Леопольдов А. Александровский собор в Саратове // Северная пчела. 1839. 28 апр.; Он же. Исторический очерк Саратовского края ... С. 181–185.

33. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2854. Л. 213–213 об.; О том же см.: Самохвалова Н.В. Указ. соч. С. 221.

Д.Г. Целорунго*

СОЦИАЛЬНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК РЕКРУТОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ ЭПОХИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Рекрут в русской армии 1705–1874 гг. — лицо, зачисленное в армию по рекрутской повинности. Рекрут в дореформенной России — это новобранец, лицо из податного населения (крестьян, мещан), призванное на военную службу. По нашим данным, 89,8% рекрутов были выходцами из крестьянства и соответственно около 10% — из других податных сословий (табл. 1).

Таблица 1

Сословное происхождение рекрутов, конец 1812 г.

Сословное происхождение	Кол-во, чел.	Доля, %
Из крестьян	1110	89,8
Из мещан	40	3,2
Из малороссийских казаков	26	2,1
Из солдатских детей	12	1,0
Из национальных меньшинств Российской империи	35	2,8
Из военных поселенцев, военных обывателей	8	0,6
Из рабочих (казенных фабрик и заводов)	1	0,1
Прочие	4	0,3
Всего	1 236	100,0
Нет данных	33	2,6
Всего	1 269	100,0

Для дворян служба в армии с 1762 г. была добровольной, а для остальных сословий до 1874 г. — общинной, т.е. правительство предъявляло свои требования по рекрутскому набору не к отдельным своим подданным, а к общине в целом, указывая только количество требуемых рекрутов. Срок службы солдат в 1793 г. был сокращен до четверти века, до этого он был пожизненным. Обыкновенный рекрутский набор предписывал в течение года набирать пять-семь рекрутов с 1000 человек податного мужского населения, усиленный — до десяти рекрутов, чрезвычайный — свыше десяти рекрутов.

В 1812 г. были проведены три набора: 82-й, 83-й и 84-й. В 82-й набирали два, в 83-й — пять, а в 84-й — десять рекрутов с пятисот человек.

*Целорунго Дмитрий Георгиевич (Бородино, Московская область) — старший научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, кандидат исторических наук.

Для «сдачи в рекруты» по каждому селу, деревне и имени составлялись списки. Большую степень вероятности попасть в такой список давал мирской приговор — решение мирской сходки (собрания крестьянской общины, «мира») относительно кандидатов в рекруты. Приговор выносили на рассмотрение помещика, причем общество обосновывало свои постановления по каждой кандидатуре. С течением времени у населения сама собой выработалась так называемая очередная система, основанная на крайне сложном и дробном учете рабочей силы каждой семьи. Но все-таки список представлялся барину и нередко им изменялся. Хороший, исправный элемент в нем заменялся лодырями или просто неугодными лицами, поэтому до последней минуты было неизвестно, кого «забреют».

Вполне объяснимо, что мирская сходка старалась отправить в рекруты наименее полезных членов общества. Однако именно эти плохие крестьяне, возможно, становились хорошими солдатами — ведь российская армия, набранная из крепостных, выигрывала сражение за сражением, войну за войной [1].

Разрядка о числе рекрутов («даточных людей») до каждой сельской общины доводилась вышестоящей властью. Кого конкретно отправить в солдаты, общины решали на общем сходе, выбирая среди лиц, в основном уже достигших двадцатилетнего возраста. В 1812–1814 гг. требовалось, чтобы рекрут был не моложе 18 и не старше 37 лет [2]. Однако бывали и исключения (табл. 2). Кроме того, известен случай, когда рядовой Рязанского пехотного полка Иванов Иван Иванович в 72 года был взят в рекруты в 1811 г. и в 1814-м еще состоял на службе в том же полку в чине рядового.

Таблица 2

Возраст рекрутов, конец 1812 г.

Возраст, лет	Количество человек	Доля, %
16–17	49	3,9
18–20	532	42,0
21–25	402	31,7
26–30	149	11,8
31–35	73	5,8
36–40	52	4,1
41–45	8	0,6
Старше 45	2	0,2
Нет данных	2	0,2
Всего	1269	100,0

В литературе встречается мнение, что в рекруты брали в основном холостых мужчин. Действительно, большинство рекрутов были холосты (70,6%), но доля женатых была весьма значимой — около 30%, причем половина женатых имела от одного (2/3 семей, имевших детей) до четырех детей (табл. 3, 4).

Таблица 3

Семейное состояние рекрутов, конец 1812 г.

Семейное состояние	Количество человек	Доля, %
Холост	840	66,2
Женат	418	32,9
Вдовец	4	0,3
Нет данных	7	0,6
Всего	1269	100,0

Таблица 4

Количество детей в семьях рекрутов, конец 1812 г.

Количество детей в семье	Количество семей	Доля, %
Бездетные, включая семьи вдовцов	232	63,0
Один ребенок	86	23,4
Двое детей	41	11,1
Трое детей	6	1,6
Четверо детей	3	0,8
Всего	368	100,0

Согласно «Положению об учреждении запасных рекрутских депо» от 10 октября 1808 г., годность кандидата в рекруты к военной службе устанавливали лекари, проверяя, нет ли у рекрута застарелых болезней, увечий, не страдает ли глазной болезнью, не редковолос ли (то есть лыс), нет ли шелудей. Негодными к службе признавались «не имеющие трех передних зубов сряду, имеющие поврежденные члены, глухие, слабого в корпусе сложения, слабоумные, паче же в совершенном безумии, а также наказанные палачевными руками» [3].

При наборе в рекруты учитывался рост человека. Норма составляла 2 аршина 3 вершка (155,4 см). Если до нормы не хватало вершка и даже полувершка, то рекрут годился лишь только к службе на флоте. Взамен забракованного малорослого можно было поставить в рекруты малолетнего от двенадцати лет и отослать его в Военно-сиротское отделение до достижения им восемнадцатилетнего возраста [4]. Необходимо отметить, что в 1812 г. на стандарты роста рекрутов не обращали внимания, и более

1/5 рекрутов были ниже необходимых 155,4 см (табл. 5). Для сравнения: по нашим расчетам, среди рядовых в 1812 г. солдат ниже 155,4 см было всего 6% [5].

Таблица 5

Параметры роста рекрутов, конец 1812 г.

Рост, см	Рекруты	
	Количество человек	Доля, %
142–143	7	0,6
144–155	280	22,3
156–160	378	30,1
161–165	311	24,8
166–170	169	13,5
171–175	83	6,6
176–180	24	1,9
Выше 181	2	0,2
Данные отсутствуют	15	1,2
Всего	1269	100,0

В 1812 г. средний рост рекрута, по нашим подсчетам, составлял 161,3 см. Для сравнения: средний рост рядового солдата в 1812 г. – 164,7 см. Рост русского мужчины из центральных регионов России, по результатам исследований отечественных антропологов, в 50–60 гг. XX в. составлял 167,5 см [6].

Таблица 6

Описание лиц рекрутов

Лицо	Количество человек	Доля, %
Белое чистое	793	64,3
Белое рябое	98	7,9
Белое малорябоватое	86	7,0
Смуглое	158	12,8
Малосмуглое	60	4,9
Смуглое рябое	2	0,2
Смуглое малорябоватое	3	0,2
Черное	4	0,3
Весноватое	1	0,1
Угреватое	1	0,1
Круглое	10	0,8

Окончание табл. 6

Лицо	Количество человек	Доля, %
Продолговатое	10	0,8
Одугловатое	1	0,1
Полное	1	0,1
Худощавое	1	0,1
Красноватое	5	0,4
Всего	1 234	100,0
Нет данных	35	2,8
Всего	1269	100,0

В основном рекруты были белолицы (79,2%), смуглолицых отмечено только 18,4% (табл. 6).

Размер и форма носа у рекрутов обозначалась в формулярных списках преимущественно как «посредственен» или «средний» (табл. 7).

Таблица 7

Размер и форма носа рядовых солдат

Размер и форма носа	Человек	Доля, %
Посредственен	307	47,6
Средний	69	10,7
Прямой	48	7,4
Острый	55	8,5
Продолговатый	50	7,8
Широкий	21	3,3
Куковат (крючковатый)	5	0,8
С горбинкой	2	0,3
Умеренный	1	0,2
Небольшой	17	2,6
Малый нос	35	5,4
Большой	26	4,0
Курносый	9	1,4
Всего	645	100,0
Нет данных	624	49,2
Всего	1269	100,0

Преобладающие цвета глаз — серые (63%) и карие (22,9%), на остальные оттенки глаз приходилось 13,9% (табл. 8).

Таблица 8

Цвет глаз рекрутов

Цвет глаз	Количество человек	Доля, %
Серые	648	63,3
Карие	234	22,9
Желто-серые	3	0,3
Желтые	3	0,3
Голубые	103	10,1
Синие	3	0,3
Светло-карие	10	1,0
Черные	13	1,3
Темно-серые	1	0,1
Серо-карие	4	0,4
Желто-карие	1	0,1
Пучеглаз	1	0,1
Всего	1024	100,0
Нет данных	245	19,3
Всего	1269	100,0

Цвет волос у русских солдат преимущественно был русым и с его оттенками. Черноволосых было относительно мало, а другими цветами волос (рыжими, белокурыми, белыми и т.п.) обладали лишь доли процента рекрутов (табл. 9).

Таблица 9

Цвет волос рекрутов

Цвет волос	Количество человек	Доля, %
Русые	360	38,1
Темно-русые	280	29,6
Светло-русые	227	24,0
Черные	72	7,6
Рыжие	2	0,2
Белокурые	3	0,3
Белые	2	0,2
Всего	946	100,0
Нет данных	323	25,5
Всего	1269	100,0

Интересно отметить, что в приведенном статистическом исследовании не встретилось ни одного лысого солдата. И это неслучайно, так как в то время лысые и редковолосые даточные люди признавались негодными к воинской службе [7]. Здесь следует добавить, что перечисленные антропологические показатели совпадают или близки, за исключением параметров роста, к аналогичным данным рядовых солдат российской армии эпохи Отечественной войны 1812 г., что также подтверждает репрезентативность выборки [8].

Для места сбора рекрутов в каждой губернии определялся один или несколько уездных городов, власти которых отдавали под так называемое рекрутское присутствие необходимое количество зданий с прилегающей территорией. Здесь же проводилось медицинское освидетельствование кандидатов в рекруты. Годным в рекруты «брили лбы», т.е. выбривали полголовы и переодевали в рекрутскую форму одежды, близкую к солдатской. Рекруту полагались: кафтан солдатского покроя (простого крестьянского сукна, из овечьей, а не коровьей шерсти), панталоны суконные на льняной подкладке, фуражка, галстук, шуба, ранец, сапоги с подвертками или чулками [9].

От гражданских чиновников в рекрутском присутствии рекрутов принимал главный (рекрутский) командир или партионные офицеры, тотчас приводили к присяге на верность в церквях и расписывали по артелям. В каждой состояло не менее десятка человек, «а чтобы они на побег не покушались, то опуручить их как и прежде, круговую порукой, в том чтобы один за другим имел смотрение» [10].

По инициативе военного министра графа А.А. Аракчеева в 1808 г. формировались запасные рекрутские депо, где призванные рекруты в течение девяти месяцев проходили предварительную подготовку, и только после этого их направляли в воинские части. Всего насчитывалось три десятка депо, которые получили название «депо 1-й линии». Незадолго до вступления Наполеона в пределы России, 10 октября 1811 г., при гарнизонных внутренних батальонах было образовано десять новых депо, которые были отнесены к «депо 2-й линии» [11].

В 1812 г. все рекрутские депо вошли в состав действующей армии. В Манифесте о наборе рекрут от 23 марта 1812 г. велено было «рекрут по сему набору принимаемых содержать в губернских городах при гарнизонных полках и внутренних батальонах на том же основании, как содержатся и приготавливаются рекруты в запасных депо» [12].

Таким образом, роль рекрутских депо перешла к гарнизонным частям и внутренним батальонам, куда рекруты попадали из рекрутских присутствий и где некоторое время, сообразно обстановке, осуществлялась их

первоначальная военная подготовка. Затем они направлялись в воинские части и там продолжали их обучение. Даже на маршах, во время которых по два дня шли, а на третий отдыхали, половина третьего дня обычно отводилась на занятия.

По прибытии в воинскую часть рекрут несколько месяцев (но не более шести) числился рекрутом, а затем переходил в разряд старослужащих и в документах пехотных полков числился уже как рядовой. «В полках обученных рекрут считать шесть месяцев, со дня их обмундирования, даже если до того времени от господ дивизионных начальников не будет предписания о зачислении оных в число старослужащих рядовых; по истечении же сего срока, хотя и не были бы они на инспекторском смотре, то не показывать уже их в числе рекрут» [13]. С началом войны этот срок значительно сократился.

Современница Отечественной война 1812 г. М.А. Волкова писала В.И. Ланской 30 сентября 1812 г.: «Мы живем против рекрутского присутствия, каждое утро нас будят тысячи крестьян: они плачут, пока им не забреют лба, а сделавшись рекрутами, начинают петь и плясать, говоря, что не о чем горевать, что такова воля Божия» [14]. Этот эпизод показателен. Действительно, крестьянин вырывался из привычной для него жизни в незнакомый мир, и адаптация проходила трудно и болезненно. Однако социальный статус солдата был выше статуса крепостного крестьянина или мещанина. Более того, перед ним открывалась перспектива ревностной службой повысить свой социальный статус — здесь можно было представить и гвардейских «орлов», и унтер-офицерские галуны, и даже офицерские эполеты. Правда, реализовать эти возможности получалось только у самых энергичных и мотивированных к службе нижних чинов.

Для менее энергичного и удачливого солдатского большинства у царской службы имелись «утешительные призы» — переводы из боевых частей после ранения или болезни в гарнизонные полки и инвалидные команды, расположенные в тихих губернских и уездных городах, где можно было наладить семейную жизнь. У нижних чинов в мирное время имелись и другие поощрения за хорошую службу: отпуска на родину сроком до полугода, возможность вольных работ с целью заработка денег для своей солдатской артели.

Литература и источники

1. Предеин Е. Рекруты // Московский журнал. 2002. 1 фев.
2. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. XXXII. № 25021.
3. ПСЗ. Т. XXX. № 23297.
4. ПСЗ. Т. XXXII. № 25021.

5. Целорунго Д.Г. Социальный облик рядовых солдат 1-й и 2-й Западных армий // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Мат-лы науч. конф. Можайск, 2009. С. 223.
6. Алексеева Т.И. Антропологический облик русского народа // Русские. М., 1997. С. 65.
7. ПСЗ. Т. XXXV. № 10996.
8. См.: Целорунго Д.Г. Социальный облик рядовых солдат 1-й и 2-й Западных армий... С. 212–227.
9. ПСЗ. Т. XXX. № 23297.
10. Там же.
11. ПСЗ. Т. XXXI. № 24559, 24762.
12. ПСЗ. Т. XXXII. № 25051.
13. ПСЗ. Т. XXXI. № 23195.
14. ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 18; Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1990.

В.В. Накропин*

**УЧАСТИЕ А.П. ЕРМОЛОВА В ВОЙНАХ
С НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИЕЙ 1805–1815 ГОДОВ
(КРАТКИЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР)**

Россия начала XIX в. была богата выдающимися государственными и военными деятелями. В это время на политическом небосклоне фигурировали М.М. Сперанский, А.А. Аракчеев, М.И. Кутузов, П.И. Багратион, М.Б. Барклай де Толли и другие политики и военачальники. Большинство из них стали известны в эпоху Александровских реформ и войн с Наполеоном. В их ряду достойное место занимает генерал А.П. Ермолов, чей полководческий талант, проявивший себя на Кавказе, целиком сформировался и развивался именно в годы этого противоборства между двумя европейскими державами.

За многие годы изучения эпохи наполеоновских войн так и не появилось полноценного научного труда, посвященного деятельности генерала в указанный период. В данной статье кратко остановимся на основной массе источников, как опубликованных, так и ранее не издававшихся, по которым можно осуществить комплексное изучение военной биографии А.П. Ермолова.

Довольно много материалов, касающихся войн 1805–1815 гг., было издано еще до 1917 г. Большинство документов выявлено сотрудниками Военно-ученого архива (ВУА) Главного штаба, они вошли в многотомное издание 1900–1914 гг. [1]. В этом фундаментальном издании скопилось огромное количество различных сведений, касающихся войн России с Наполеоном, особенно войны 1812 г. и подготовке русской армии к этой войне, а также приказы и донесения русских генералов, переписка современников о событиях той эпохи. Генерал А.П. Ермолов на страницах издания упоминается множество раз. Отметим лишь самые важные документы и материалы, касающиеся его деятельности:

Участие А.П. Ермолова в построении крепости в Киеве на «Зверинецкой горе», 1810 г. (Т. I. Ч. 1. С. 37; Т. I. Ч. 2. С. 271);

О подчинении А.П. Ермолову запасных батальонов 18-й и 26-й пехотных дивизий, 1811 г. (Т. II. С. 236, 270; Т. IV. С. 285, 289);

Исходящий журнал военного министра М.Б. Барклая де Толли, 1811 г. (Т. VII. С. 305);

***Накропин Владимир Валентинович** (Ярославль) — доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, кандидат исторических наук.

О просьбе П.И. Меллер-Закомельского к М.Б. Барклаю де Толли назначить А.П. Ермолова инспектором крепостей: Рижской, Динамюндской, Бобруйской и Киевской, 1812 г. (Т. IX. С. 142);

Квартирное расписание гвардейских частей под командованием А.П. Ермолова, начало 1812 г. (Т. X. С. 212);

Приказы А.П. Ермолова по 1-й Западной армии, 1812 г. (Т. XIV. С. 1, 14);

Служебная переписка (письма к А.П. Ермолову и от него), 1812 г. (Т. XIV. С. 21, 25, 30, 38, 78, 147 [письмо Александру Первому], 229, 259; Т. XVIII. С. 23, 33, 50, 110);

Подвиг А.П. Ермолова на Бородинском поле. (Т. XVI. С. 114);

Исходящая переписка М.Б. Барклая де Толли, 1812 г. (Т. XVI. С. 205; Т. XVII);

Исходящая переписка П.И. Багратиона, 1812 г. (Т. XVI. С. 215);

Исходящая переписка М.И. Голенищева-Кутузова, 1812 г. (Т. XVI. С. 231; Т. XVII);

Исходящая переписка разных начальствующих лиц (имеются письма от А.П. Ермолова к М.Б. Барклаю де Толли), 1812 г. (Т. XVI. С. 275);

Исходящая переписка штаба Главного командующего, 1812 г. (Т. XVIII. С. 1).

Рапорты разных лиц о Бородинском сражении. 1812 г. (Т. XVIII).

Документы и материалы, собранные Военно-ученым архивом, явились первым в России *массовым* сборником источников по эпохе наполеоновских войн. В этом издании нет четкого деления по типам источников, не всегда соблюдено даже деление по хронологии, что достаточно затрудняет его использование.

Кроме материалов ВУА, большой интерес для освещения эпохи наполеоновских войн имеют и другие дореволюционные издания документов [2]. Большинство этих сборников, как и исторические труды, издавались к юбилею Отечественной войны 1812 г. и выходили в первое десятилетие XX в. Что касается А.П. Ермолова, то в указанных сборниках его имя упоминается не так часто, как в «Материалах ВУА». Но, например, в X части сборника «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г.» (под редакцией П.И. Щукина) содержится полное собрание приказов начальника штаба 1-й Западной армии А.П. Ермолова с 1 (13) июля по 26 сентября (8 октября) [3].

Следует заметить, что личный архив А.П. Ермолова был передан в Главный архив Министерства иностранных дел в Москве (сейчас Российский государственный архив древних актов) только в 1907 г., поэтому до 1917 г. лишь немногие документы этого собрания были опубликованы.

Заслуги советских историков в деле опубликования новых источников по истории наполеоновских войн также велики [4]. Если в дореволюционных изданиях документы часто публиковались без всякой системы, то сборники документов, вышедшие в советское время, как правило, отличает точная классификация (как по типам источников, так и по хронологии).

В сборниках документов имя А.П. Ермолова также нередко упоминается.

Много раз имя генерала встречается в сборнике «М.И. Кутузов: Документы» (под редакцией Л.Г. Бескровного) [5]. Опубликованные материалы этого издания хорошо показывают, как менялись отношения М.И. Кутузова и А.П. Ермолова в 1805–1812 гг: как во время первых войн с Наполеоном, Михаил Илларионович поддерживал молодого офицера, предоставлял ему возможность выслужиться, стать известным в армии... И как впоследствии, больше узнав о тяжелом неуживчивом характере Алексея Петровича, его интригах против своего непосредственного начальника — М.Б. Барклая де Толли — М.И. Кутузов отнесся к нему с некоторой долей презрения, не давал назначения, ведь практически все время «изгнания неприятеля из пределов России», Алексей Петрович оставался без команды.

Интересно отметить, что в издании «Генерал Багратион: Сборник документов и материалов» (Л., 1945), содержится лишь *одно* письмо П.И. Багратиона к А.П. Ермолову в 1812 г. из известных десяти и ни одного письма (*из пяти*) от Алексея Петровича к князю! Правда, позднее, в сборнике «Секретная переписка генерала П.И. Багратиона» (М., 1992) была опубликована практически вся переписка двух генералов в 1812 г. [6].

Последние годы *ни одного крупного* тематического сборника документов по наполеоновской эпохе в нашей стране не выходило, за исключением отдельных публикаций в журналах «Родина», «Император», «Цейхгауз», «Воин».

Делопроизводственные документы позволяют лучше разобраться в событиях той эпохи, уточнить многие факты, касающиеся как военных действий, так и деятельности отдельных личностей. Сведения о генерале А.П. Ермолове как активном участнике наполеоновских войн в этой группе источников представлены достаточно полно, особенно в дореволюционных документальных изданиях.

Особую важность для исследования эпохи имеют мемуарные источники и переписка. Мемуары — это сложный вид источников, они, как правило, очень субъективны, но являются прекрасным пособием для выявления межличностных отношений. Из огромного количества опубликованных мемуаров отметим только воспоминания Н.А. Дуровой, Ф.Н. Глинки, С.Н. Глинки, Л.Л. Беннигсена, М.Д. Бутурлина, П.А. Вяземского, Н.Б. Го-

лицына, С.Г. Волконского, В.С. Норова, Ф.В. Ростопчина и других военных деятелей. В большинстве мемуарных источников о А.П. Ермолове или нет ни слова, или он только упоминается в связи с описываемыми событиями, но привлечение указанных воспоминаний позволяет лучше понять ту эпоху и избежать презентизма при описании событий двухсотлетней давности.

Из опубликованных мемуаров Алексей Петрович наиболее часто встречается в воспоминаниях Д.В. Давыдова (двоюродного брата А.П. Ермолова), в записках М.Б. Барклая де Толли о войне 1812 г., в мемуарах и дневниках его бывших адъютантов П.Х. Граббе и М.А. Фонвизина [7]. Однако записки Д.В. Давыдова, П.Х. Граббе и М.А. Фонвизина, касающиеся А.П. Ермолова, крайне не критичны. Последние двое были очарованы Алексеем Петровичем еще со времени, когда были у него адъютантами (многие современники генерала отмечают его качество привораживать к себе людей, даже влюблять их в себя), а Д.В. Давыдов, как брат А.П. Ермолова, просто не мог писать о своем родственнике плохо. Записки же М.Б. Барклая де Толли, наоборот, чересчур ругательные, что и не удивительно, принимая во внимание отношения двух генералов в 1812 г.

Следует упомянуть сборник документов под редакцией Н.Ф. Дубровина «Отечественная война в письмах современников» [8]. Он содержит письма участников войны 1812 г., а также походов 1813–1815 гг., среди которых есть письма А.П. Ермолова (а также к А.П. Ермолову). Здесь частично опубликована переписка Алексея Петровича с князем П.И. Багратионом, М.И. Кутузовым, М.И. Платовым и другими героями Отечественной войны 1812 г. Особенно ценно это издание тем, что содержит материалы не только по истории 1812 г., но и по истории заграничных походов русских войск.

Большая часть мемуаров и переписки была издана (или переиздана) к столетию Отечественной войны 1812 г. Много дополнительного материала, касающегося деятельности А.П. Ермолова, содержится в частных архивах известных деятелей той эпохи, с которыми генерал поддерживал отношения на протяжении всей своей жизни — это Н.Н. Раевский, А.А. Закревский, М.С. Воронцов [9], а также в частных архивах М.И. Кутузова и Н.И. Тургенева [10].

Следует назвать мемуары иностранцев — участников наполеоновских войн [11]. Хотя в иностранных дневниках и записках А.П. Ермолов упоминается в качестве начальника штаба у М.Б. Барклая де Толли, но эти документы отражают противоположную точку зрения на происходящие события — точку зрения противника, что важно для объективной оценки событий той эпохи. Отметим отдельно воспоминания Р.Т. Вильсона, который будучи представителем английской короны в русской армии хоро-

шо и подробно описал те сложности, которые испытывал М.Б. Барклай де Толли от русского генералитета, в том числе и от своего начальника штаба, а также о противостоянии М.И. Кутузова и Л.Л. Беннигсена и фактическом разделении русских военачальников на две партии в дни контрнаступления в 1812 г.

Главнейшим же источником по теме, безусловно, являются «Записки» А.П. Ермолова. Они довольно полно отражают особенности характера Алексея Петровича и затрагивают все основные события его биографии.

Остановимся на этом сюжете подробнее.

Изданные в Москве в 1991 г. «Записки А.П. Ермолова» охватывают период 1798–1826 гг. Это годы активной военно-административной деятельности генерала. В те годы он принимал непосредственное участие во многих войнах (в первую очередь, с наполеоновской Францией) и управлял Кавказским регионом (причем вел довольно самостоятельную политику). В 1812 г., будучи начальником штаба 1-й Западной армии, генерал вел достаточно точные записи о ходе событий. На Кавказе же Алексей Петрович и вовсе писал с предельной откровенностью [12].

Сначала А.П. Ермолов вел дневник и лишь после начал писать мемуары, причем первоначально эти записи не предназначались для печати. Известно, что в первом варианте «Записок» содержались довольно злые, уничижительные и не всегда справедливые характеристики многих генералов-героев 1812 г. [13] (впоследствии генералу пришлось переработать эти записи, чтобы не портить репутации умерших и еще живых участников войны, чтобы не навредить собственному авторитету). Генерал А.П. Ермолов использует в записках отрывки из своего дневника, так как некоторые события описаны им с точностью до часа. Известно также, что А.П. Ермолов начал писать записки еще в 1795 г., во время поездки в Италию, но когда в 1798 г. его арестовали по Смоленскому делу, эти записи пропали. Неизвестно, по какой причине Алексей Петрович не писал о Польском восстании 1794 г., Персидском походе В.П. Зубова 1796 г. и заграничных походах русских войск 1813–1814 гг., непосредственным участником которых он являлся. Не осветил А.П. Ермолов в своих записках и начальный этап русско-иранской войны 1826–1828 гг., не рассказал об обстоятельствах своей отставки (ведь она была в большей степени связана с восстанием декабристов), и так до самой смерти генерал дальше 1826 г. повествование не продолжает, что очень затрудняет исследование его жизни в годы отставки. Записки Алексея Петровича о войне с Францией 1805–1807 гг. также были утеряны. Их находкой мы обязаны М.П. Погодину [14]. Есть также утверждение М.П. Погодина, что он видел записки генерала о походах 1813–1815 гг., но их обнаружить, пока не удалось.

Более всего записей сделано по Отечественной войне 1812 г. и по Управлению Кавказом (1816–1826 гг.). Генерал А.П. Ермолов приводил в порядок свои записки, когда жил в Москве (примерно последние двадцать пять лет жизни). Но только в самые последние годы жизни смогли уговорить генерала подготовить «Записки» к печати [15]. Еще при его жизни ходило по рукам три рукописных варианта «Записок» (из которых ни один из них автором не признавал подлинным) [16]. Надо сказать, что в 1863 г. записки А.П. Ермолова были опубликованы, но, к сожалению, по этим искаженным вариантам [17]. В 1865–1868 гг. племянник генерала Н.П. Ермолов осуществил наиболее точное издание «Записок» (по оригиналу, исправленному А.П. Ермоловым). До 1991 г. это было наиболее полное издание «Записок» А.П. Ермолова [18]. По существу издание 1991 г. также сделано по изданию Н.П. Ермолова. Сюда вошли заметки А.П. Ермолова об его аресте и ссылке в 1798–1801 гг. и автобиография, написанная генералом в 1858 г.

Издание 1991 г. заслуживает высокой оценки, в чем несомненная заслуга составителя В.А. Федорова. Оно снабжено комментарием, краткой библиографией по теме и именным указателем. Кроме того, в начале издания помещена вступительная статья В.А. Федорова, где дана краткая биография А.П. Ермолова, а также краткий анализ его «Записок». Представляет огромный интерес — сравнить опубликованные «Записки» с записками, переписанными от руки, и в большом количестве хранящимся в различных архивах [19]. В большинстве этих записок текст практически полностью совпадает с изданием 1991 г., но есть и некоторые «разночтения». Например, содержатся более подробные сведения о деятельности А.П. Ермолова в 1812 г., особенно об его участие в Бородинском сражении. Но основной текст «Записок», а главное — их стиль, во всех изданиях и рукописных вариантах остается неизменным. Однако представляется интересным проследить эти мельчайшие разночтения между разными рукописными вариантами записок, тем более что в некоторых рукописях есть перечеркнутые куски текста, которые не вошли ни в один из опубликованных вариантов «Записок» генерала А.П. Ермолова [20].

Интересна судьба архива генерала А.П. Ермолова. После его смерти документы перешел по наследству к племяннику генерала Николаю Петровичу Ермолову (который позже издал записки Алексея Петровича), а после смерти последнего в 1879 г. — к его сестре Екатерине Петровне Ермоловой. Она же в 1907 г. передала основную часть архива в Главный архив Министерства иностранных дел в Москве, где он находится и поныне.

Итак, мемуарные источники являются важнейшими при исследовании жизни и деятельности А.П. Ермолова в 1805–1815 гг. Важно исполь-

зовать не только мемуары самого генерала, но и воспоминания его друзей и сослуживцев.

Документы, относящиеся к жизни и деятельности генерала А.П. Ермолова в годы наполеоновских войн, есть во многих архивных хранилищах нашей страны. Основная их масса находится в пяти федеральных архивах России: Государственном архиве древних актов (РГАДА), Государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Государственном историческом архиве (РГИА), научно-исследовательском отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ) и отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ).

Прежде всего следует отметить фонд 1406 из РГАДА (фонд Ермоловых). В данном фонде, как видно из его названия, содержится множество сведений об Алексее Петровиче Ермолове, касающихся различных периодов его жизни, в том числе и эпохи наполеоновских войн.

Интересны документы, относящиеся к жизни генерала в отставке и его управлению имениями, доставшимися в наследство от отца, а также сведения о наследстве А.П. Ермолова [21]. Несмотря на то, что эти материалы не относятся непосредственно к теме исследования, они наглядно показывают материальную обеспеченность семьи А.П. Ермолова, его принадлежность к мелкопоместному дворянству, составлявшему основу офицерского корпуса русской армии. На основе сведений из вышеназванных дел подтверждается, что А.П. Ермолов до самой смерти отца не пользовался доходами с его имений, а жил только на свое жалование.

Среди дел из фонда 1406 РГАДА достойное место занимают записки А.П. Ермолова, сделанные рукой самого генерала и им же переплетенные. Здесь есть и «Записки из военной жизни полковника Ермолова, 1801–1812 гг.» [22], и «Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 г.» [23], и «Записки А.П. Ермолова об управлении Грузией» [24], которые являются рукописным вариантом опубликованных в 1865–1868 гг. и переизданных в 1991 г. записок генерала.

Больше всего источников из фонда А.П. Ермолова относится к периоду войн с Наполеоном. Во-первых, это патенты на чины и рескрипты на пожалованные знаки отличия за все время, что А.П. Ермолов прослужил в армии [25]. Эти документы позволяют, наконец, устранить существовавшую в отечественной историографии неопределенность во времени награждения А.П. Ермолова российскими орденами и уточнить многие даты его жизни, а также вехи его продвижения по служебной лестнице.

Частично сохранилась переписка А.П. Ермолова с вышестоящими начальниками, сослуживцами и подчиненными. Здесь есть донесения, при-

казы, рапорты, циркуляры, отношения, ордера, аттестаты, наконец, просто письма [26]. Отдельно следует отметить рескрипты и письма А.П. Ермолову от Александра Первого [27], правда, они относятся уже ко времени окончания войн с Наполеоном, но наглядно показывают, какие отношения были у генерала А.П. Ермолова с Императором. Среди корреспондентов генерала назовем П.И. Багратиона, М.Б. Барклая де Толли, А.А. Аракчеева, М.А. Милорадовича, Я.П. Кульнева, А.И. Остермана-Толстого, А.С. Фигнера, Н.Н. Муравьева (Карского) и др. Кроме писем можно назвать немалое количество аттестатов и ордеров А.П. Ермолову от разных лиц: В.А. Зубова, М.И. Голенищева-Кутузова, М.Б. Барклая де Толли, А.П. Эйлера, В. Дерфельдена и др. Все эти документы показывают, какие отношения были у А.П. Ермолова с различными представителями русского генералитета в годы наполеоновских войн, как вышестоящие начальники отзывались о способностях Алексея Петровича, какую давали ему характеристику.

Особый интерес представляет родословная Ермоловых [28], которая подтверждает древнее происхождение рода генерала, отмечает наиболее выдающихся представителей этого дворянского рода. Тем более что родословная из РГАДА отличается от официального издания под редакцией П.Н. Петрова [29]. Кроме вышеперечисленного, в фонде есть сведения, касающиеся детей А.П. Ермолова [30], хозяйственные записи самого генерала [31], реестр всем бумагам А.П. Ермолова за 1806–1857 гг. [32].

Сведения, несколько расходящиеся с содержанием «Записок» Алексея Петровича, а также дополняющие их, находятся в двух любопытных делах: «Исходящий журнал по назначению Ермолова начальником штаба 1-й Западной армии. 6 июля — 4 августа, 9 октября 1812 г.» [33] и «Рассказы, записанные со слов А.П. Ермолова Н.П. Ермоловым» [34]. В первом документе подробно рассмотрены действия штаба 1-й Западной армии под руководством А.П. Ермолова в начальный период войны 1812 г., а во второй включены рассказы генерала (часто анекдотичного характера) о событиях, которым он сам был свидетелем (в том числе и в годы наполеоновских войн). К сожалению, почерк, которым написан «Исходящий журнал», оставляет желать лучшего, поэтому по нему можно лишь с должной долей уверенности установить фамилии людей, к которым А.П. Ермолов относился как начальник штаба, а также названия воинских частей.

Итак, РГАДА содержит как различного характера делопроизводственные материалы (здесь и рескрипты Императора на имя А.П. Ермолова, и рапорты Алексея Петровича и к нему, и разного рода хозяйственная документация, и прочие источники), так и мемуары (записки генерала), часть переписки А.П. Ермолова с разными лицами. Все эти сведения позволяют уточнить ряд спорных моментов, связанных с биографией гене-

рала А.П. Ермолова. Во-первых, устранить путаницу в наградах и в производстве в чины. Во-вторых, дополнить сведения об участии Алексея Петровича в войнах с Францией и, как следствие, точнее определить его роль в этих событиях. В-третьих, более полно проследить межличностные отношения генерала со своими сослуживцами, как начальниками, так и подчиненными.

В Государственном военно-историческом архиве сведения, касающиеся деятельности генерала, хранятся в нескольких фондах. Во-первых, это документы фонда 25, относящиеся ко времени, когда А.П. Ермолов командовал гвардейскими частями (1811–1814 гг.). Интерес представляют рапорты Алексея Петровича, касающиеся подчиненных ему войск, т.е. относящиеся к типу делопроизводственных документов. Эти источники позволяют взглянуть, насколько успешно генерал командовал элитными подразделениями русской армии [35].

Во-вторых, это сведения из фонда 26 (Военно-походная канцелярия Его Императорского Величества). Здесь хранятся документы, касающиеся командования А.П. Ермоловым конно-артиллерийской ротой, 9-й артиллерийской бригадой и Лейб-гвардии артиллерийской бригадой [36].

Переписка разных лиц с А.П. Ермоловым содержится в ряде фондов РГВИА: фонд 43 (Суворовы), 62 (П.Х. Граббе), 100 (М.П. Фабрициус), 169 (Н.Н. Муравьев), 194 (Д.В. Давыдов), 209 (Н.М. Сипягин) [37].

Очень много сведений, особенно касающихся 1812 г., а также 1813–1815 гг., содержат документы фонда 103 (М.Б. Барклай де Толли). Здесь и рапорты А.П. Ермолова о деятельности подчиненных ему войск, и рапорты его начальников о действиях Алексея Петровича в том или ином сражении [38]. Рапорты М.Б. Барклая де Толли, Д.С. Дохтурова и др. дополняют сведения о действиях А.П. Ермолова в Бородинском, Малоярославском, Вяземском сражениях во время Отечественной войны 1812 г.

Интересен именной фонд 217 (А.П. Ермолов), особенно часть переписки Алексея Петровича, опись его документов и документов его отца, краткая биография генерала, составленная Н.Ф. Дубровиным [39].

В фонде 263 (П.В. Чичагов) хранится характеристика полководцев 1812 г., написанная А.П. Ермоловым, она была опубликована Н.А. Троицким в журнале «Родина» [40], а биография, написанная Н.Ф. Дубровиным, издана в седьмом томе «Русского архива», посвященного Отечественной войне 1812 г.

Послужной список генерала, который позволяет уточнить многие вехи его жизни и исправить ошибки в описании биографии генерала А.П. Ермолова, находится в РГВИА (Ф. 395. Оп. 16. Д. 33).

В РГВИА хранятся и собрания документов, посвященные войнам, которые вела Российская империя в начале XIX в. Генерал А.П. Ермолов нередко упоминается здесь как активный участник многих военных действий.

Фонд 471 посвящен войнам с Наполеоном в 1805–1807 гг. В документах этого фонда имя Алексея Петровича встречается в переписке канцелярии Артиллерийского департамента, а также в списке офицеров, награжденных прусскими наградами за кампанию 1807 г. [41].

Больше всего документов хранится в фонде 474, содержащем источники по истории Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. Это выписки из формулярных списков генералов, краткие сведения о ходе военных действий, расположении войск, их численности, потерях. В этом же фонде находятся и «Записки» Алексея Петровича о войне 1812 г. [42]. Два дела в этом фонде написаны рукой А.П. Ермолова. Это «Записи о подготовке русской армии к Бородинскому сражению» и «донесения А.П. Ермолова в 1812–1814 гг.» [43]. Интересно отметить, что первый документ на самом деле оказался запиской о подготовке к сражению под Москвой, содержит отзыв генерала А.П. Ермолова о негодности позиции под стенами столицы.

Так же, как и среди опубликованных источников, ведущее место среди архивных материалов занимают материалы военно-ученого архива Главного Штаба. В РГВИА есть фонд ВУА (Ф. 846. Оп. 16), в котором хранится большое число дел, относящихся к периоду наполеоновских войн, особенно к войне 1812 г. Безусловно, есть и документы, непосредственно касающиеся А.П. Ермолова [44]. Из них особенную ценность представляют письма генерала в 1812 г. Императору Александру Первому и князю П.И. Багратиону (часть из которых опубликована в сборнике «1812–1814 годы: Секретная переписка князя П.И. Багратиона»), а также описание качеств и способностей русских генералов (на французском языке) [45]. Что касается дела 3572, то в нем содержатся два из четырех писем Алексея Петровича царю (от 16 и 27 июля 1812 г.) и четыре письма генерала к П.И. Багратиону. Эти письма являются важнейшим источником для исследования взаимоотношений А.П. Ермолова с этими людьми в 1812 г.

В целом, материалы РГВИА позволяют уделить больше внимания военной деятельности А.П. Ермолова, определить его роль в реформировании русской артиллерии, его вклад в победу над армией Наполеона.

Материалы Государственного исторического архива в Санкт-Петербурге по данной теме представлены делами из фондов И.Ф. Паскевича-Эриванского (ф. 1018), А.А. Закревского (ф. 660), Епанчина (ф. 937), графов Бобринских (ф. 899) и других фондов [46]. Сведения этих фондов охватывают самый широкий период жизни А.П. Ермолова: от на-

чала его службы адъютантом у генерал-прокурора А.Н. Самойлова до службы в Государственном Совете и содержат помимо переписки с названными лицами еще и документы делопроизводственного характера. Сведения из указанных дел помогают дополнить и уточнить общую характеристику деятельности генерала в годы наполеоновских войн. Так, например, письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому показывают, как за несколько летних месяцев 1812 г. сдружились два непохожих друг на друга человека [47]. Причем А.А. Закревский по длительности переписки с Алексеем Петровичем был на втором месте после друга детства генерала А.В. Казадаева, а по количеству писем — на первом. Из переписки видно, что А.П. Ермолов считал А.А. Закревского своим лучшим другом.

В фонде 774 содержатся черновики книги М.П. Погодина «А.П. Ермолов» [48]. Особенно интересна запись: «может быть дозволена к напечатанию, за исключением отмеченных красными чернилами мест», однако таких исправлений немного, и ни одно не относится к периоду наполеоновских войн.

В фонде 775 хранится рукописный вариант «Записок» А.П. Ермолова об Отечественной войне 1812 г. [49]. Этот экземпляр интересен маленькой заметкой: «эта книга может быть выдаваема лишь известным лицам без находящегося в ней предисловия Петра Долгорукого». Интересно, что никакого предисловия к рукописи не содержится.

Еще один экземпляр записок о 1812 г. находится в фонде Епанчина [50]. Этот вариант совершенно не отличается от опубликованного.

И, наконец, в фонде 1101 содержатся «Записки А.П. Ермолова об Отечественной войне 1812 г., составленные ранее 1-го издания» [51]. От опубликованного варианта их отличает лишь более подробное описание действий А.П. Ермолова на полях сражений в 1812 г.

Документы фонда 1018 (И.Ф. Паскевича-Эриванского) хотя и отражают со всей полнотой противостояние А.П. Ермолова и И.Ф. Паскевича в годы русско-иранской войны 1826–1827 гг., но также показывают, когда зародилась эта вражда, относя ее появление ко времени контрнаступления русских войск в 1812 г. и заграничным походам 1813–1814 гг., когда И.Ф. Паскевич находился под командованием генерала и не смог сойтись с ним характером [52].

Два экземпляра «Изображений военных действий 1-й Западной армии в 1812 г.» М.Б. Барклай де Толли находятся в фондах 1075 и 1101 [53]. Здесь интересен, прежде всего, отзыв Главнокомандующего 1-й армией о своем начальнике штаба.

О молодых годах А.П. Ермолова сведения содержатся в фондах 899 (графы Бобринские) и 1374 (генерал-прокурор Сената). Это документы,

касающиеся его службы адъютантом у А.Н. Самойлова, и дела об аресте Алексея Петровича по Смоленскому делу [54].

Наибольший интерес представляет фонд 1409 (Собственная Его Императорского Величества канцелярия). Сюда входят дела, касающиеся военной службы А.П. Ермолова, а также дела, в той или иной мере связанные с войнами, в которых Алексей Петрович участвовал [55]. Особую ценность имеют донесения русских генералов в 1812 г. (донесения П.И. Багратиона, П.Х. Витгенштейна, М.Б. Баркляя де Толли, М.И. Кутузова, А.П. Ермолова, князя Лобанова-Ростовского) [56].

Хотя в фондах РГИА и не содержится большого комплекса источников, повествующих о деятельности А.П. Ермолова в эпоху наполеоновских войн, но данное архивное собрание тем не менее позволяет уточнить многие моменты его жизни, в том числе и в период 1805–1815 гг. Например, полнее отразить его взаимоотношения с А.А. Аракчеевым и И.Ф. Паскевичем, проследить начало его дружбы с А.А. Закревским и т.д.

Небольшие собрания документов, хранящиеся в центральных российских библиотеках, своими архивными коллекциями они часто неплохо дополняют материал к основному комплексу неопубликованных источников. В отделе рукописей Российской Государственной библиотеки содержится довольно обширный материал о наполеоновских войнах и, особенно, войне 1812 г. Кроме того, есть различные сведения, относящиеся к деятельности А.П. Ермолова.

Наиболее интересные документы содержатся в фондах 231/1 (М.П. Погодин), 201 (А.С. Норов), 233 (В.А. Полторацкий), 471 (А.А. Аракчеев).

В фонде М.П. Погодина находятся все черновые материалы для книги знаменитого историка о А.П. Ермолове. Здесь и черновой список материалов для биографии генерала, и часть переписки Алексея Петровича (как служебной, так и семейной), и стихотворения о нем, различные биографические сведения, касающиеся его военной службы, сообщения об отношении А.П. Ермолова к религии, анекдоты о нем, сообщения в иностранной прессе о генерале и многое другое [57]. Особенную ценность эти материалы сохраняют в том, что абсолютное их большинство не вошло в известную книгу М.П. Погодина и хорошо ее дополняет. Отдельно отметим то, что в этом фонде впервые вместе собраны письма П.И. Багратиона и М.И. Платова к А.П. Ермолову, а также его ответы первому и рапорты Императору [58]. Выделим среди документов также копии рескриптов и грамот на имя А.П. Ермолова от Александра Первого и Николая Первого [59], уточняющие особенности его продвижения по служебной лестнице.

Фонд историка войны 1812 г. А.С. Норова также содержит донесения и рапорты А.П. Ермолова Императору и переписку с П.И. Багратионом [60], а в фонде А.А. Аракчеева обнаружена переписка графа с А.П. Ермоловым

в период 1804–1806 гг., благодаря которой можно по-новому взглянуть на их взаимоотношения в указанный период. Отдельный интерес для исследования взаимоотношений А.П. Ермолова и А.А. Аракчеева представляют «повеления и приказы А.П. Ермолову от А.А. Аракчеева по части пограничной стражи, 1809 г.» [61], материалам которых позволяют с большой полнотой восстановить события в жизни и службе А.П. Ермолова в период 1809–1810 гг.

Интересна характеристика А.П. Ермолова, данная М.А. Фонвизиным, бывшим адъютантом генерала и активным членом тайных обществ декабристов [62]. В фондах отдела рукописей РГБ хранятся три рукописных экземпляра «Записок» А.П. Ермолова о 1812 г. [63], а в фонде 23 (Белокуров) – донесение А.П. Ермолова о сражении при Березине [64] и прочие документы.

Итак, в отделе рукописей РГБ содержится большое количество вспомогательных материалов для описания деятельности А.П. Ермолова в 1805–1815 гг., среди них — ранее не издававшиеся документы, касающиеся его службы в 1809–1810 гг. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки обогатил работу сведениями по Отечественной войне 1812 г., а также некоторым количеством писем от А.П. Ермолова и к нему [65].

Полезную информацию находим в фондах 274 (А.П. Ермолов) и 488 (А.И. Михайловский-Данилевский). Обнаруженные здесь письма А.П. Ермолова к другу детства А.В. Казадаеву, переписка А.П. Ермолова с разными лицами и несколько донесений Алексея Петровича относительно первой Смоленской операции русских войск в 1812 г. позволяют не только полнее охарактеризовать личность А.П. Ермолова, но и оценить его полководческий талант, организаторские способности на посту начальника штаба.

Таким образом, следует заметить: основная масса источников, относящихся к периоду наполеоновских войн, уже введена в научный оборот, однако, что касается документов, содержащих сведения об отдельных личностях, то здесь еще до сих пор можно обнаружить интересные находки.

Литература и источники

1. Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1900–1914. Т. I–XXI.
2. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. / Под ред. К.А. Военского // Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1909–1912 гг. Т. 128, 133, 139; Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 г. Ч. 1 / Под ред. В.Л. Никольского. М., 1913; Бумаги из эпохи 1812–1814 гг. // Русский архив. 1871. № 10; Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона Первого / Под ред. А.С. Трачевского // Сборник

Русского Исторического общества. Т. 70, 77, 82, 88; Журнал военных действий Императорской Российской армии с начала до окончания кампании, т. е. с ноября 1806 г. по 7 июля 1807 г. СПб., 1807; Журнал военных действий Российской армии против французов 1812 г., с самого начала вероломного вторжения французских войск в пределы России, до совершенного их истребления. СПб., 1813; Известия о военных действиях Российской армии против французов 1812 г. СПб., 1813; Липранди И. Материалы для Отечественной войны 1812 г. СПб., 1867; Российские главнокомандующие соединенными армиями, 1812–1815 гг. / Под ред. В.П. Никольского. М., 1912; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии / Под ред. Н.Ф. Дубровина. М., 1912. Вып. I–XIV; Труды Московского отдела Императорского русского военно-исторического общества. М., 1912–1913. Т. 2, 4 (Материалы по Отечественной войне); Шукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. М., 1897–1908. Ч. I–X и др.

3. Шукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. М., 1908. Ч. X. С. 429–462.

4. Среди наиболее известных изданий назовем: Афанасьев В. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 г. М., 1918; Бородино, 1812–1962: Документы, письма, воспоминания. М., 1962; Внешняя политика России, XIX – начало XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел. Т. 6: 1811–1812 гг. М., 1962. Т. 7: Январь 1813 – май 1814 г. М., 1970; Генерал П.И. Багратион: Сборник документов и материалов. Л., 1945; Гроза двенадцатого года: Документы, письма, воспоминания / Сост. А.И. Саплин, Е.В. Саплина. М., 1991; Документы штаба М. И. Кутузова, 1805–1806 гг.: Сборник. Вильнюс, 1951; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Документы / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962; Недаром помнит вся Россия...: Сборник документов и материалов / Сост. В.Г. Левченко, В.В. Володин. М., 1987; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии: Документы / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1964.

5. М.И. Кутузов: Документы / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1951. Т. II; М., 1954; Т. IV. Ч. 1; М., 1955. Т. IV. Ч. 2; М., 1956. Т. V.

6. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона // 1812–1814: Из собрания Государственного исторического музея / Сост. А.К. Афанасьев и др. М., 1992. С. 9–204.

7. Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940; Он же. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года, января 26-го и 27-го // Русская военная проза XIX века / Сост. Е.В. Свиясов. Л., 1989; Он же. Дневник партизанских действий 1812 г. М., 1941; Он же. Сочинения. М., 1962; Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912; Записная книжка графа П.Х. Граббе. М., 1888; Из памятных записок графа П. Х. Граббе. М., 1873. Ч. 1–2; Фонвизин М.А. Сочинения и письма: В 2-х т. Иркутск, 1979. Т. 1: Дневник и письма; Иркутск, 1982. Т. 26: Сочинения.

8. Отечественная война в письмах современников / Под ред. Н.Ф. Дубровина // Записки Императорской академии наук. СПб., 1882. Т. 43.

9. Архив князя Воронцова. М., 1890. Кн. XXVI: Письма А.П. Ермолова и других лиц; Архив князя Воронцова. М., 1891. Кн. XXVII: Бумаги князя М.С. Воронцова; Архив Раевских / Под ред. П.М. Раевского и Б.Л. Модзалевского. СПб., 1903. Т. I; СПб., 1908. Т. II. С. 75–484 (письма А.П. Ермолова). СПб., 1910. Т. III. С. 112–153.

10. Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. I: Дневник Н.И. Тургенева, 1806–1811; Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, (1745–1813 гг.) // Русская Старина. 1870. Т. I. С. 249–325.

11. Сегюр Ф. де. Поход в Москву в 1812 г.: Мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра. М., 1911; Он же. Поход в Россию: Записки адъютанта Императора Наполеона I. М., 1916; Он же. Бегство французов из России // Мемуары. Историческое знание. М., 1912. Вып. III; Он же. Гибель французской армии в России // Мемуары. Историческое знание. М., 1912. Вып. IV; Роос Г. С Наполеоном в Россию: Записки врача Великой армии. М., 1912; Руа И. Французы в России: Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб., 1912; Вильсон Р.Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812–1813 гг. СПб., 1995; Он же. Личный дневник 1812 г. // Звезда. 1995. № 7. С. 131–157; Де-ла-Флиз. Поход Наполеона в Россию в 1812 году: Мемуары современников и очевидцев. М., 1912; Талейран. Мемуары. М.; Л., 1934; Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991; Россия первой половины XIX века глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. Л., 1991.

12. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 62.

13. Он же. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века. М., 1991. С. 210.

14. Они были найдены в 1863 г. Об этом см.: Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов, 1777–1864 гг. Тула, 1977. С. 106.

15. Генерал А.П. Ермолов принялся за окончательную переработку текста записок в 1858 г. Об этом см.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX века... С. 210.

16. Ермолов А. А. П. Ермолов, 1777–1861: Биографический очерк. СПб., 1912. С. 5.

17. Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. М., 1863; Записки А.П. Ермолова о войне 1812 года. Londres-Bruxelles, 1863; Записки о 1812 года генерала А.П. Ермолова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1863.

18. Хронологические рамки этого издания — 1801–1826 гг., т.е. издание 1991 г. на сегодняшний день самое полное. См. Записки А.П. Ермолова. М., 1865, 1868. Ч. 1–2.

19. ОР РГБ. Ф. 233 (Полторацкий). К. 27. Д. 1: Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 г. (Начало); Д. 2: Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 г. (Продолжение); Д. 3: Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 г. (Окончание); ОР РГБ. Ф. 298/IV (Тихонравов). К. 2. Д.23: Материалы

для Отечественной войны 1812 г. (Записки А.П. Ермолова и его же Характеристика полководцев 1812г.); Д. 9878: Замечания о войне 1812 г. начальника штаба 1-й Западной армии генерал-майора А. П. Ермолова; ОР РНБ. Ф. 274 (А.П. Ермолов). Д. 6: Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 г. Л. 1–119; Д. 7: Собственные записки о кампании 1812 г. генерала от артиллерии А.П. Ермолова; РГАДА Ф. 1406. Оп. 1. Д. 229: Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 г.; Д. 1008: Записки из военной жизни полковника Ермолова, 1801–1812 гг.; РГВИА. Ф. 474 (Отечественная война 1812 г. и 1813–1814 гг.). Оп. 1. Д. 116: Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 г.; РГИА. Ф. 775. Оп. 1: 1863 г. Д. 327: Записки А.П. Ермолова о войне 1812 г.; РГИА. Ф. 937 (Епанчин). Оп. 1. Д. 11: Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 г.; РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 285: Записки А.П. Ермолова об Отечественной войне 1812 г., составленные ранее 1-го издания.

20. См., например, ОР РГБ. Ф. 201 (Норов). Папка 5. Д. 3: Замечания о войне 1812 г., где содержатся не только записки А.П. Ермолова, но и М.Б. Баркляя де Толли.

21. РГАДА. Ф. 1406 (Ермоловы). Оп. 1. Д. 3: Купчие на землю 1722–1864 гг.; Д. 4: Документы о размежевании земли в имениях Ермоловым, 1733–1867 гг.; Д. 18: Акты о разделе имений между наследниками, 1824–1863 гг.; Д. 21: Краткая записка из справок Вотчинного департамента по имению А.П. Ермолова, 1845 г.; Д. 81: Купчие на продажу крепостных крестьян, 1731–1841 гг.; Д. 89: Отпускные крестьянам; Д. 90: Ревизские сказки, 1811–1850 гг.; Д. 91: Квитанции на представление помещиками в Рекрутское присутствие рекрутов; Д. 128: Разные документы по духовному завещанию П.А. Ермолова, 1803–1838 гг.; Д. 130: Документы по наследству А.П. Ермолова; Д. 131: Записи по расчетам, связанным с духовным завещанием А.П. Ермолова, 1861 г.; Д. 132: Расписки разных лиц в получении денег по завещанию А.П. Ермолова; Д. 133: Переписка по выполнению духовного завещания А.П. Ермолова, 1861 г.; Д. 134: Записи А.П. Ермолова по расчетам с детьми.

22. Там же. Д. 1008.

23. Там же. Д. 229.

24. Там же. Д. 307.

25. Там же. Д. 149, 150: Рескрипты на знаки отличия с 1795 по 1835 г. и патенты на чины с 1806 по 1817 г.

26. Там же. Д. 226: Циркулярное предписание генерал-майору Ермолову о препровождении чертежей орудий от инспектора всей артиллерии барона Меллера-Закомельского, 1809 г.; Д. 227: Донесение А.П. Ермолова М.И. Кутузову о преправе Наполеона через Березину, 1812 г.; Д. 230: Письмо генерал-квартирмейстера К.Ф. Толя А.П. Ермолову об отступлении французской армии в 1812 г.; Д. 231: Дневной рапорт о числе военных чинов, могущих быть в строю и действии в Лейб-гвардии артиллерийской бригаде, 1812 г.; Д. 239: П.Н. Ермолов (адъютант А.П. Ермолова) «Описание Кульмского сражения», 1813 г.; Д. 248: Рескрипты и письма Александра Первого А.П. Ермолову, 1814–1825 гг.; Д. 339: Рескрипт Екатерины Второй генерал-поручику В.А. Зубову о войне с Персией, 1796 г.; Д. 556: Письма

А.А. Аракчеева к А.П. Ермолову, 1807–1818 гг.; Д. 556а: Письма П.И. Багратиона А.П. Ермолову, 1812 г.; Д. 574: Письмо В. Краснокутского (адъютант Бернадота) А.П. Ермолову, 1813 г.; Д. 578: Письма Н.Н. Муравьева-(Карского) А.П. Ермолову, 1823–1859 гг.; Д. 582: Письмо графа А.И. Остермана-Толстого к А.П. Ермолову после Кульмского сражения, 1813 г.; Д. 590: Письма А. Фигнера А.П. Ермолову, 1813 г.; Д. 892: Аттестат генерал-поручика В. Дерфельдена капитану артиллерии А.П. Ермолову, 1794 г.; Д. 893: Аттестат, данный М.И. Голенищевым-Кутузовым конно-артиллерийского батальона подполковнику Ермолову, о хорошем состоянии его роты и о подвигах во время минувшей кампании, 1806 г.; Д. 894: Отношение управляющего военным министерством князя Горчакова к Ермолову, с сообщением о пожаловании ему в награду за подвиги в сражении против французских войск золотой шпаги; Д. 909: Ордер графа В.А. Зубова капитану А.П. Ермолову о следовании его к своей команде, 1797 г.; Д. 910: Ордер генерал-лейтенанта Эйлера А.П. Ермолову о командировании его в г. Луцк, 1798 г.; Д. 912: Отношение военного министра М.Б. Барклая де Толли с запросом, не желает ли А.П. Ермолов занять место командира Лейб-гвардии артиллерийского батальона, 1811 г.; Д. 913: Отношение военного министра М.Б. Барклая де Толли с уведомлением о прибавке Ермолову жалования, 1811 г.; Д. 920: Письмо А.П. Ермолову от генерал-лейтенанта фон Линденера с сообщением об освобождении его от ареста, 1798 г.; Д. 969: Письма А.П. Ермолову от А.А. Аракчеева, 1810–1817 гг.; Д. 974: Письма А.П. Ермолову от Я.П. Кульнева, 1811 г.; Д. 976: Письма А.П. Ермолову от М.А. Милорадовича; Д. 983: Письма к А.П. Ермолову от разных лиц (здесь письмо генерал-квартирмейстера К.Ф. Толя А.П. Ермолову об отступлении французской армии в 1812 г.); Д. 1025: Записки М.Б. Барклая де Толли А.П. Ермолову, 1812 г.; Д. 1027: Письма П.И. Багратиона к А.П. Ермолову, 1812 г. (подлинники); Д. 1028: Письма, рапорты, приказы генерала Ермолова и письма к Ермолову от разных лиц, 1812 г.; Д. 1031: Письма и рапорты, 1812 г. (здесь рапорт Милорадовича Кутузову о действиях Ермолова под Красным; О распоряжениях Ермолова при наступлении армии и корректировка их Кутузовым; письма Коновницына к Ермолову; переписка с Платовым; рапорт Ермолова Кутузову о действиях Алексея Петровича во время наступления армии; Расписание войскам при переходе за границу), 1812 г.; Д. 1042: Докладная записка А.П. Ермолова М.И. Кутузову об ошибке в дате его производства в генерал-лейтенанты, 1813 г.

27. Там же. Д. 248.

28. Там же. Д. 891.

29. История родов русского дворянства / Под ред. П.Н. Петрова. Т. 2. СПб., 1886.

30. РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 160.

31. Там же. Д. 878, 879, 880, 881, 882.

32. Там же. Д. 1010.

33. Там же. Д. 1026.

34. Там же. Д. 999.

35. РГВИА. Ф. 25. Оп. 1/160. Д. 1463, 1532, 1539, 3218, 3292, 3298, 3443, 3491, 3705; Оп. 2/161а. Д. 36, 41.

36. РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 229, 421, 433, 501, 673.
37. РГВИА. Ф. 43 (Суворовы). Д. 1810: Письма А.П. Ермолова А.А. Суворову; РГВИА. Ф. 62 (П.Х. Граббе). Д. 78: Письма к А.П. Ермолову и от Ермолова; РГВИА. Ф. 100 (М.П. Фабрициус). Д. 134: Письмо А.П. Ермолова; РГВИА. Ф. 169 (Н.Н. Муравьев). Д. 9: Письма от А.П. Ермолова; РГВИА. Ф. 194 (Д.В. Давыдов). Д. 71: Письма к А.П. Ермолову; Выдержки из Записок А.П. Ермолова; РГВИА. Ф. 209 (Н.М. Сипягин, начальник штаба Гвардейского корпуса в 1814–1819 гг.). Д. 11: Письма от А.П. Ермолова.
38. РГВИА. Ф. 103 (М.Б. Барклай де Толли). Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 1: Рапорт М.Б. Барклая де Толли о подвиге А.П. Ермолова на батарее Раевского; Д. 7: Рапорт А.П. Ермолова Д.С. Дохтурову о сражении при Малоярославце, 1812 г.; Представление Д.С. Дохтурова на А.П. Ермолова; Рапорт Д.С. Дохтурова о сражении при Малоярославце; Д. 8: Рапорты А.П. Ермолова М.И. Кутузову о деятельности подчиненных ему войск, 1812 г. (от взятия Вязьмы до Березины; представления на награждения офицеров, состоящих при Ермолове); Д. 106: Рапорты А.П. Ермолова о действиях 1-й и 2-й армий при отступлении из Смоленска и при д. Заболотье (Валутиной Горе), 1812 г.; Св. 120. Д. 10: Отчет А.П. Ермолова о наличии и о состоянии в армии артиллерийских и огнестрельных припасов; Недовольство М.Б. Барклая де Толли А.П. Ермоловым; Св. 130. Д. 13: Представления А.П. Ермоловым генерал-фельдмаршалу М.Б. Барклаю де Толли, полученные им на его имя бумаги из Вильны; Оп. 3/209 а. Д. 5, 18, 19, 29, 34, 36, 65, 194: Рапорты и отношения к М.Б. Барклаю де Толли (имеются документы за подписью А.П. Ермолова).
39. РГВИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2, 3, 9, 15, 16.
40. РГВИА. Ф. 263. Оп. 1. Д. 123; Ермолов А. Характеристика полководцев 1812 г. // Родина. 1994. № 1. С. 56–60.
41. РГВИА. Ф. 471. Оп. 1. Д. 9, 10.
42. РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 116.
43. РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1347, 1860.
44. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3464: Рапорт И.Ф. Паскевича А.П. Ермолову о сражении под Вязьмой; Д. 3468: Рапорты А.П. Ермолову, как начальнику штаба 1-й армии, от разных лиц, 1812 г.; Д. 3572: Донесения и письма А.П. Ермолова в 1812 г., переписка разных лиц, относящаяся до событий 1812 г.; Д. 3649: Рапорт полковника Монахтина А.П. Ермолову о состоянии артиллерийских парков, 1812 г.; Д. 3651: Копии с писем А.П. Ермолова в 1812 г.; Д. 3888: Рапорт А.П. Ермолова А.И. Остерману-Толстому о сражении при Кульме; Рапорт А.И. Остермана-Толстого М.Б. Барклаю де Толли о сражении при Кульме, 1813 г.
45. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3572, 3597.
46. РГИА. Ф. 652. Оп. 1. Д. 1113: Письмо А.П. Ермолова неизвестному лицу, 1812 г.; РГИА. Ф. 660 (А.А. Закревский). Оп. 1. Д. 111: Письма А.П. Ермолова А.А. Закревскому, 1812–1818 гг.; РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 3–137: Собрание статей об Отечественной войне 1812 г.; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3046: Военно-исторический обзор кампании 1813 г.; РГИА. Ф. 774. Оп. 1. 1864 г. Д. 19: Погодин М.П. Материалы к биографии А.П. Ермолова; РГИА. Ф. 899 (графы Бобринские). Оп. 1. Д. 793: Письмо А.П. Ермолова графу А.Н. Самойлову, 1801 г.; РГИА. Ф. 937 (Епанчин). Оп. 1. Д. 11: Записки генерала А.П. Ермолова, начальника Главного штаба 1-й За-

падной армии, в Отечественную войну 1812 г.; РГИА. Ф. 1018 (И.Ф. Паскевич). Оп. 1. Д. 25: Письмо А.П. Ермолову, 1816 г.; РГИА. Оп. 2. Д. 25: Письмо М.Б. Барклай де Толли А.П. Ермолову, 1816 г.; РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 1227: Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1-й армии в 1812 г.; РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 299: Барклай де Толли М.Б. Истинное изображение войны 1812 г.; РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 313: Выписка из записок М.Ф. Орлова о взятии Парижа, 1814 г.; РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 285: Записки А.П. Ермолова об Отечественной войне 1812 г., составленные ранее 1-го издания; РГИА. Ф. 1284. Оп. 2. Д. 537: О взятии Парижа; РГИА. Ф. 1374 (генерал-прокурор Сената). Оп. 4. 1801 г. Д. 347: О снятии надзора с подполковника А.П. Ермолова в г. Костроме.

47. РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 111.

48. РГИА. Ф. 774. Оп. 1. 1864 г. Д. 19.

49. РГИА. Ф. 775. Оп. 1. 1863 г. Д. 327.

50. РГИА. Ф. 937. Оп. 1. Д. 11.

51. РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 285.

52. РГИА. Ф. 1018 (И.Ф. Паскевич). Оп. 1. Д. 25: Письмо А.П. Ермолову, 1816 г.; РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 25: Письмо М.Б. Барклай де Толли А.П. Ермолову, 1816 г.; РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 288: Записка о действиях А.П. Ермолова на Кавказе; РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 432: Рапорт о действиях А.П. Ермолова на Кавказе; РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 437: Журнал А.П. Ермолова; РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 457: Письма И.Ф. Паскевича об А.П. Ермолове; РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 461: Письма И.Ф. Паскевича об А.П. Ермолове; РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 462: Споры И.Ф. Паскевича и А.П. Ермолова; РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 466: Письма И.Ф. Паскевича об А.П. Ермолове; РГИА. Ф. 1018. Оп. 9. Д. 185: Записка А.П. Ермолова; РГИА. Ф. 1018. Оп. 10. Д. 1: Переписка И.И. Дибича и И.Ф. Паскевича об А.П. Ермолове, 1826–1827 гг.

53. РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 1227; Ф. 1101. Оп. 1. Д. 299.

54. РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 793; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 569; Оп. 4. 1801 г. Д. 347.

55. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. 1805 г. Д. 205; 1806 г. Д. 223, 224; 1812 г. Д. 649, 656, 668, 696, 698, 710, 738, 776, 1445.

56. РГИА. 1812 г. Д. 668, 696, 698, 710, 738, 776.

57. ОР РГБ Ф. 231/1 (Погодин). К. 15. Д. 7: Черновой список материалов для биографии А.П. Ермолова; Д. 11в: Семейная переписка А.П. Ермолова; Д. 13: Стихотворения об А.П. Ермолове; Д. 14: Стихотворения об А.П. Ермолове; Д. 20: Биографические сведения об А.П. Ермолове; Записки не установленного лица об осаде англичанами Соловецкого монастыря, и роли Ермолова в этом событии, 31 марта 1855 г.; Д. 21: Биографические сведения об А.П. Ермолове, касающиеся его военной службы в 1812 г.; Д. 22 б: Сообщения об отношении А.П. Ермолова к религиозным делам; Д. 22 в: Отрывки из воспоминаний А.П. Ермолова, сообщенные Д.В. Давыдовым — материал для книги М.П. Погодина; Д. 23: Погодин М.П. Об Ермолове А.П.; Д. 24: Любопытные выписки и анекдоты об А.П. Ермолове; Д. 27 а: Иностранная пресса об А.П. Ермолове (на французском языке); Д. 27 б: Иностранная пресса об А.П. Ермолове (на французском языке); Д. 27 в: Иностранная пресса об А.П. Ермолове (на французском языке); Д. 27 г: Иностранная пресса об А.П. Ермолове (на немецком языке); Д. 27 д: Иностранная пресса об А.П. Ермо-

лове (на французском языке); Д. 27 е: Иностранная пресса об А.П. Ермолове (на французском языке); Д. 28: Письмо А.П. Ермолова к Александру Первому, 16 июля 1812 г.; Письмо А.П. Ермолова князю П.И. Багратиону, 30 июля 1812 г.; Д. 29: Письма П.И. Багратиона и М.И. Платова к А.П. Ермолову, 1812 г.; Д. 30: Копии писем А.П. Ермолова официально-делового характера и рапортов: письмо к Александру Первому, 27 июля 1812 г.; письмо князю П.И. Багратиону, 31 июля 1812 г.; Рапорты Александру Первому, 27 июля, 12 октября 1812 г.; Д. 31: Письма А.П. Ермолова А.А. Закревскому, 12 октября 1817 г., Д.В. Денисову, генералу Д.А. Гурьеву; Приказы А.П. Ермолова по войскам, 1819–1822 гг.; Д. 37 а: Копии рескриптов и грамот Александра Первого и Николая Первого на имя А. П. Ермолова, 1807–1827 гг.; Д. 37б: Копии рескриптов и грамот Александра Первого и Николая Первого на имя А.П. Ермолова, 1807–1827 гг.; Д. 38: Повеления и приказы А.П. Ермолову от А.А. Аракчеева по части пограничной стражи, 1809 г.; Д. 39: Копии приказов А.П. Ермолова по войскам (Кавказский корпус).

58. ОР РГБ. Ф. 231/Л. К. 15. Д. 28: Письмо А.П. Ермолова к Александру Первому, 16 июля 1812 г.; Письмо А.П. Ермолова князю П.И. Багратиону, 30 июля 1812 г.; Д. 29: Письма П.И. Багратиона и М.И. Платова к А.П. Ермолову, 1812 г.; Д. 30: Копии писем А.П. Ермолова официально-делового характера и рапортов: письмо к Александру Первому, 27 июля 1812 г., письмо князю П.И. Багратиону, 31 июля 1812 г., рапорты Александру Первому, 27 июля, 12 октября 1812 г.

59. ОР РГБ. Ф. 231/Л. К. 15. Д. 37 а, 37 б.

60. ОР РГБ. Ф. 201 (А.С. Норов). Папка 5: Сборник записок, донесений и писем, относящихся к войне 1812 г.; Дела без номеров (в списке дел указаны по порядку просмотра автором): 1. Донесение А.П. Ермолова Александру Первому, 16 июля 1812 г.; 2. Донесение А.П. Ермолова Александру Первому, 27 июля 1812 г. и письмо к А.А. Аракчееву, сопроводительное к донесению; 3. Замечания о войне 1812 г.; 4. Письма А.П. Ермолова к князю П.И. Багратиону, 30 июля — 6 августа 1812 г.

61. ОР РГБ. Ф. 231/Л. К. 15. Д. 38.

62. ОР РГБ. Ф. 319. К. 5. Д. 1.

63. ОР РГБ. Ф. 233. К. 27. Д. 1–3; ОР РГБ. Ф. 298/IV. К. 2. Д. 23; Ф. Музейное собрание. Д. 6334.

64. ОР РГБ. Ф. 23 (Белокуров). К. 5. Д. 27.

65. ОР РНБ. Ф. 73 (В.А. Бильбасов и А.А. Краевский). Д. 354; ОР РНБ. Ф. 274 (А.П. Ермолов). Д. 1, 2, 3, 4, 6, 7, 10, 14, 15, 16, 17, 18; ОР РНБ. Ф. 325 (А.В. Казадаев). Д. 33; ОР РНБ. Ф. 488 (А.И. Михайловский-Данилевский). Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8; ОР РНБ. Ф. 608 (П.В. Помяловский). Оп. 1. Д. 4869.

ЭПОХА НАПОЛЕОНА. ЖИЗНЬ А.С. ГРИБОЕДОВА

Одной из главных миссий музея является формирование у посетителей чувства личной причастности к истории страны, возрождение исторической памяти, воспитание чувства патриотизма и гордости за подвиги своих предков, а героическая и патриотическая тема войны 1812 г. содержит благодатный для этого материал. Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита» не является исключением.

Писатель и дипломат А.С. Грибоедов — свидетель и участник этого важнейшего для России исторического события, которое оказало огромное влияние на формирование личности будущего драматурга и отразилось в его творчестве. Его имя, среди имен тысяч русских ополченцев, высечено на стене Храма Христа Спасителя в Москве.

Откликаясь на патриотический порыв русского общества, А.С. Грибоедов вступил добровольцем в Московское ополчение. Служба в армии стала для него первой серьёзной школой жизни и свела его со многими замечательными людьми (братья Д.Н. и С.Н. Бегичевы, А.А. Шаховской, А.С. Кологривов, И.Н. Толстой). С военной службой связаны его первые выступления в печати со статьями «Письмо из Брест-Литовска к издателю» и «О кавалерийских резервах», опубликованные в 1814 г. в двух номерах известного журнала «Вестник Европы». Кроме того, как отмечают военные историки, в своей статье «О кавалерийских резервах» А.С. Грибоедов первым обратил внимание «на роль резервов в разгроме Наполеона» [1].

Пребывание А.С. Грибоедова на территории Герцогства Варшавского и его приобщение к польской культуре отозвалось позже в прозаической части водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», а запас жизненных впечатлений, почерпнутый писателем в период службы в Брест-Литовске, нашел отражение в комедии «Горе от ума», когда Чацкий в разговоре с Платоном Михайловичем вспоминает «шум лагерный, товарищей и братьев».

Сохранились также план и наброски драмы «1812 год», которую хотел написать А.С. Грибоедов в 20-е гг. XIX в. (скорее всего, в 1822 г. к десятилетнему юбилею Отечественной войны 1812 г.). Главной темой драмы должна была стать судьба ополченца из крепостных крестьян, который возвраща-

*Филиппова Альбина Александровна (Хмелита, Смоленская область) — заместитель директора по научной работе Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита».

ется «под палку господина» и в отчаянии кончает жизнь самоубийством. При изучении набросков драмы все исследователи обращают внимание на антикрепостническую тему и на описание героики войны 1812 г., во многом предвосхитившую опыт Л.Н. Толстого в романе «Война и мир». Кроме того, некоторые литературоведы отмечают, что прототипом главного героя, скорее всего, стал крепостной помещицы Н.С. Грибоедовой из ее имения в Сычевском уезде Смоленской губернии Павел Савельев, «отличившийся в сражениях против неприятеля. Савельев командовал особым отрядом и подавал другим собою пример в мужестве». Известно, что в партизанском движении участвовали также крестьяне Н.С. Грибоедовой: Пётр Иванов, Анисим Максимов, Прохор Семенов, Степан Филиппов, Василий Ефремов [2].

Тем не менее в научной литературе о А.С. Грибоедове исследованный биографии периода Отечественной войны 1812 г. не так уж много. До 1980-х гг. сведения, которыми оперировали исследователи и биографы писателя и автора комедии «Горе от ума» об этом периоде жизни, восходили, как правило, к коротким упоминаниям современников, к книге историка Иркутского гусарского полка Евг. Альбовского и биографическому очерку Н.К. Пиксанова [3]. Долгое время не было точных сведений о том, где, когда и даже кем служил в 1812–1814 гг. во время войны России с наполеоновской Францией А.С. Грибоедов.

В 1989 г., к 160-летию кончины А.С. Грибоедова, вышел в свет сборник научных статей «Александр Сергеевич Грибоедов: Материалы к биографии», где среди изысканий о литературном наследии и дополнительных материалов к биографии писателя появились статьи «В военные годы» С.В. Свердлиной и «Из истории семьи Грибоедовых» Е.В. Цымбал, Б.П. Николаева, Г.Д. Овчинникова [4]. Отметим, что авторы упомянутых исследований многие невятные до этого времени или неизвестные факты о военной службе А.С. Грибоедова в эпоху 1812 г. выяснили, уточнили, конкретизировали.

В 90-е гг. XX столетия к изучению военной биографии драматурга обращались А.В. Архипова, М.В. Строганов, белорусские исследователи В.Н. Черепица и Н.С. Калинкович [5]. Об окружении А.С. Грибоедова в 1812–1814 гг. писала С.В. Свердлина. Её перу принадлежат исследования «Грибоедов и ссыльные поляки», «Грибоедов и Немцевич: Из творческой предыстории «Горя от ума» [6].

В настоящее время известно, что А.С. Грибоедов, не без противодействия со стороны родных и, несмотря на свою сильную близорукость, 26 июля 1812 г. вступил в Московский гусарский полк, который сформировали на средства и под командованием ротмистра, графа П.И. Салтыкова.

Из литературы последнего времени известно, что «Полк графа Салтыкова в состав военной силы не входил», т.е. это было поначалу добровольческое соединение — «из людей разного звания полк силою в десять эскадронов», «лета от 20 до 45, не затрудняясь, если несколько старше или моложе, имея в виду силу телесную. Мера не назначается, лишь бы представляемый в воины был не урод и не карла» [7].

После оставления М.И. Кутузовым Москвы полк дислоцировался в Казани. Позже, после смерти графа П.И. Салтыкова в Казани Московский полк был слит с Иркутским гусарским полком (бывшим драгунским) и вошел в состав кавалерийских резервов генерала А.С. Кологривова. Для Иркутского гусарского полка была утверждена форма, данная полку П.И. Салтыкова: «Ментик, дулома и ташка — черные с желтыми шнурами, кушак с кистями — желтый с черным; вальтрап черный с малиновым докладом и желтым вензелем. Офицеры отличались золотым шитьем и шнурами».

Таким образом, А.С. Грибоедов стал корнетом Иркутского гусарского полка, который после больших потерь в боях стоял в Брест-Литовске.

Люди из Московского гусарского полка стали прибывать к новому месту службы только в апреле-мае 1813 г. По ежемесячным рапортам полка видно, что А.С. Грибоедов до конца октября 1813 г. значился «за болезнью в г. Владимире» [8].

До недавнего времени все биографы А.С. Грибоедова, как в школьных учебниках, так и в научных комментариях и монографиях писали, что будущий писатель служил адъютантом А.С. Кологривова или, как менее категорично высказывался Евг. Альбовский, «почти что в должности адъютанта». Исследователь С.В. Свердлина, тщательно изучив сохранившиеся в РГВИА документы, определила, что А.С. Грибоедов был назначен к генералу А.С. Кологривову «для производства письменных дел» [9]. Говоря современным языком, А. С. Грибоедов стал личным секретарем командующего кавалерийскими резервами, а должность адъютанта стала фигурировать в рапортах самого А.С. Грибоедова и представлениях А.С. Кологривова, только когда речь зашла о выходе молодого корнета в отставку и награждении его чином коллежского асессора, т.е. чиновником 8-го класса по «Табели о рангах».

Нужно отметить, что при этом А.С. Грибоедов не исполнял обязанностей писаря в буквальном смысле — бумаг, написанных почерком А.С. Грибоедова, в исходящих их «главного дежурства генерала от кавалерии Кологривова» не обнаружено. Назначению на должность личного секретаря при командующем кавалерийскими резервами могли способствовать давние московские связи с семейством Кологривовых, обра-

зование А.С. Грибоедова (к началу войны он готовился защитить исследование на соискание степени доктора этико-политических наук), быстрое и тесное сближение с адъютантом и родственником А.С. Кологривова С.Н. Бегичевым. Как это видно из документов, А.С. Грибоедов находился в хороших отношениях с генералом и действительно часто исполнял обязанности адъютанта, например, часто сопровождал его в разъездах по делам службы или ездил в воинские части один с поручениями от своего командира [10].

К настоящему времени можно назвать следующие памятные места, связанные с пребыванием А.С. Грибоедова в 1812–1814 гг.:

1. Москва.

При формировании Московского гусарского полка по инициативе и на средства графа П.И. Салтыкова А.С. Грибоедов вступил в него добровольцем 26 июня 1812 г. Это происходило в Москве в Хамовнических казармах. Неподготовленный к сражениям, некомплектованный оружием полк по почтовому тракту через Владимир и Муром был эвакуирован в Казань. В Москве происходят многие сцены драмы «1812 год».

2. Покров, Владимирская губерния.

В августе-сентябре 1812 г. в составе Московского гусарского полка А.С. Грибоедов проходил через город Покров. Полк, плохо знакомый с воинской дисциплиной, произвел в городе «великое буйство и разные притеснения...» [11]. Именно здесь, по-видимому, началось для А.С. Грибоедова время, о котором он позднее писал: «Я в этой дружине всего побыл четыре месяца, а теперь четвертый год как не могу попасть на путь истинный» [12].

3. Владимир.

Восьмого сентября 1812 г. корнет А.С. Грибоедов заболел и остался во Владимире до октября 1813 г. Сюда временно переехали многие родные и знакомые писателя, в том числе его родители, сестра, единственный родной дядя А.Ф. Грибоедов, кузины. Сохранился дом, в котором останавливались А.С. Грибоедов и его родственники (ул. Красномилицейская, 17). Все лазареты, обывательские дома и даже окрестные селения были переполнены ранеными и больными. Одновременно с А.С. Грибоедовым на лечении во Владимире находился Н.И. Толстой. Во время пребывания во Владимире А.С. Грибоедов навещал своих родственников Лачиновых в сельце Сущеве, где до революции как память о его пребывании сохранялась «грибоедовская» беседка. Уцелел ее снимок, сделанный в 1909 г., — небольшой бревенчатый домик, вполне пригодный для жилья [13].

4. Вязьма — Дорогобуж — Смоленск.

Осенью 1813 г. А.С. Грибоедов проезжал через эти города к месту службы, посещал, по-видимому, многих знакомых, возвратившихся на

«родные пепелища». Эти города знакомы А.С. Грибоедову с детских лет, Смоленск и Вязьму он упоминает позже в первой редакции своей знаменитой комедии, в Дорогобужском уезде находились имения его родной бабушки по линии матери М.И. Розенберг. Проезжая далее по Смоленскому и Виленскому трактам, А.С. Грибоедов посетил многие города, расположенные по пути следования: Ельню, Красный, Несвиж, Слуцк, Бобруйск, Борисов и т.д.

5. Брест-Литовск.

С 1 ноября 1813 г. А.С. Грибоедов числился среди прикомандированных при генерале А.С. Кологривове военнослужащих. В то время в Бресте насчитывалось около 500 домов и 4000 жителей, среди них дворян — 36 чел. [14]. Несмотря на необходимость постоянно выполнять поручения генерала А.С. Кологривова и сопровождать его в разъездах по территории Герцогства Варшавского по делам службы, драматург находит время для литературных занятий. Первые выступления А.С. Грибоедова в печати связаны со службой в Брест-Литовске. В Бресте состоялось знакомство А.С. Грибоедова с Д.Н. и С.Н. Бегичевыми. Дежурство генерала А.С. Кологривова располагалось в здании Инженерного управления. В этом доме, как и в здании Белого Дворца, расположенного в Брестской крепости, часто бывали драматург и другие офицеры Иркутского гусарского полка.

6. Река Буг.

После награждения генерала А.С. Кологривова орденом Святого Владимира 1-й степени 22 июня 1814 г. в Брест-Литовске в кавалерийских резервах был назначен праздник по этому поводу. Перу А.С. Грибоедова принадлежит восторженно-лирическое поэтическое посвящение — «Письмо из Брест-Литовска к издателю», посвященное этому событию. Река Буг упоминается в «Письме...» как место проведения праздника. Живописное описание реки и окрестностей является первой пейзажной зарисовкой драматурга, который впоследствии стал мастером реалистического пейзажа в литературе первой трети XIX в.

Пока немного известно о пребывании А.С. Грибоедова в городах на территории Польши, хотя, сопровождая А.С. Кологривова по делам службы, он, скорее всего, посетил многие из них. Князь А.И. Горчаков 1-й в своем предписании об организации резервной армии указывал: «Пространство для расположения сей Армии назначается между Гродно, Лиды, Минска, Игумна, Слуцка, Пинска, Ковеля, Люблина, Ветрова, Остроленки и Щучина». Совсем неслучайно резервы генерала А.С. Кологривова часто называли польской армией. По косвенным сведениям, бывал А.С. Грибоедов в Варшаве [15]. К сожалению, кроме двух статей и письма к В.В. Измайлову [16], написанных А.С. Грибоедовым в Брест-Литовске, никаких дру-

гих его записей, писем, заметок, относящихся к периоду военной службы не сохранилось.

Существует мнение, что А.С. Грибоедов писал П.А. и В.Ф. Вяземским в Вологду из Москвы. Но литератор в 1813 г. Москву не посещал. Вероятнее всего, в письме сообщается о появлении в столице дяди драматурга А.Ф. Грибоедова, который был хорошо известен всей Москве своими приемами и «маскерадами» и был знаком с П.А. Вяземским, К.Н. Батюшковым, Н.И. Гнедичем, В.Л. Пушкиным и другими писателями [17].

Отметим, что сегодня неизвестно ни одного прижизненного изображения А.С. Грибоедова периода его военной службы. Правда, в Государственном Театральном музее хранится портрет, на оборотной стороне которого имеется надпись: «Александр Сергеевич Грибоедов в бытность его в гусарском полку». На портрете изображен гусарский офицер в очках, в голубом доломане с серебряными шнурами, с медалью на Георгиевской ленте, в накиннутой шинели, отделанной мехом. Голубые доломаны были введены в русской армии только в 1826 г., их носили офицеры Белорусского гусарского полка, а медаль на Георгиевской ленте с изображением креста на поверженном полумесяце была утверждена только в 1829 г. Белорусский гусарский полк принимал участие в турецкой кампании 1828–1829 гг., но А.С. Грибоедов в этом полку никогда не служил и такой медали не получал. В изображении нет и портретного сходства с писателем (кроме очков), поэтому портрет в настоящее время выведен за пределы грибоедовской иконографии [18].

В 1907 г. художник Д.Н. Кардовский приступил к работе над циклом иллюстраций к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», ставшим главным трудом дореволюционного периода его творчества. Он закончил свою работу в октябре 1912 г., и самая обширная и удачная на этот момент из всех иллюстрационных серий к «Горю от ума» увидела свет в начале 1913 г. Серия открывалась портретом А.С. Грибоедова в парадном гусарском мундире, что должно было напоминать читателям о столетнем юбилее войны 1812 г. и о том, что весь круг передовых идей комедии связан с Отечественной войной 1812 г. и движением декабристов, «детей двенадцатого года» [19].

К двухсотлетию юбилею со дня рождения А.С. Грибоедова, когда в родовой усадьбе Грибоедовых «Хмелита» открывалась музейная экспозиция «Грибоедов и его время», современным художником В.И. Макеевым был написан еще один портрет драматурга в военной форме. Это небольшое акварельное изображение писателя, выполненное с учетом всех особенностей формы Иркутского гусарского полка, украшает зал экспозиции, посвященный Отечественной войне 1812 г.

Сотрудниками музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» ведется большая работа по изучению и поиску новых материалов о военной службе А.С. Грибоедова в годы Отечественной войны 1812 г. Надеемся, что в скором времени многие свидетельства будут обнаружены...

Литература и источники

1. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. СПб., 1999. Т. 2; Прокофьев В.А. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953. С. 262–264.

2. «Список Сычевского уезда Смоленской губернии отличившихся в сражениях против неприятеля» (1812) хранится в Центральном театральном музее; Медведева И.Н. Предисловие // Грибоедов А.С. Сочинения в стихах. Л., 1967; Лихачев Д.С., Фомичев С.А. Пусть будет Грибоедовский музей // Советская культура. 1983. № 17; Война 1812 года и русская литература. Тверь, 1993.

3. Грибоедов А.С. Сочинения. Воспоминания современников. М., 1989; Альбовский Евг. История Иркутского полка (50-й Драгунский Иркутский полк). Минск, 1902; Пиксанов Н.К. А.С. Грибоедов: Биографический очерк // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. 1.

4. А.С. Грибоедов: Материалы к биографии. Л., 1989. С. 61–91.

5. Архипова А.В., Строганов М.В. Комментарии // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. СПб., 1999. Т. 2. С. 453–459, 519–524; Черепица В.Н. Гродненская губерния в 1812 году в жизни и творчестве русских писателей // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы научной конференции. Бородино, 1997. С. 211–213; Калининвич Н. С. Исчезнувшие дали // Заря (Беларусь, Брестская область). 1987. № 14–27.

6. Свердлина С.В. Грибоедов и ссыльные поляки // Грибоедов А.С. Творчество. Биография. Традиция. Л., 1977. С. 212–234; Она же. Грибоедов и Немцевич: (Из творческой предыстории «Горя от ума») // Проблемы творчества А.С. Грибоедова. Смоленск, 1994. С. 82–96

7. Центральный исторический архив Москвы. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4061. Л. 55.

8. Альбовский Е. История Иркутского полка (50-й Драгунский Иркутский полк). Минск, 1902. С. 215–217; А.С. Грибоедов: Материалы к биографии... С. 85.

9. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 16. Оп. 186. Д. 3. Л. 84; А.С. Грибоедов. Материалы к биографии... С. 64.

10. Там же.

11. Государственный архив Владимирской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4150. Л. 118.

12. Грибоедов А.С. Сочинения. Воспоминания современников... С. 445.

13. А.С. Грибоедов: Материалы к биографии... С. 86.

14. Науменко В.Я. Брест: Историко-экономический очерк. Минск, 1970. С. 47.

15. РГВИА. Ф. 125. Оп. 188. Д. 13. Л. 28; А.С. Грибоедов. Материалы к биографии... С. 67–69.

16. Грибоедов А.С. Сочинения. Воспоминания современников... С. 442.

17. См., например, письмо К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу в феврале 1810 г.: «... сегодня ужасный маскарад у г-н Грибоедова, вся Москва будет» // Цит. по Пиксанов Н.К. Биографический очерк... С. 11.
18. А.С. Грибоедов: Материалы к биографии... С. 190–191.
19. Дмитрий Николаевич Кардовский. М., 1952. С. 14–16.

ГОЛИЦЫНЫ — УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

На каждой конференции, посвященной изучению проблем Отечественной войны 1812 года и наполеоновских войн, открываются забытые имена и биографии их участников, по-новому рассматриваются военные события.

Анализируя фундаментальный труд Н.Н. Голицына «Род князей Голицыных» [1], следует, что к началу Отечественной войны 1812 г. в России проживало 97 представителей мужского пола этого древнего княжеского рода. Из них 31 чел. были младенцами или в слишком юном возрасте, чтобы принимать участие в военных событиях, 55 чел. были исключительно людьми гражданскими и только 13 чел. могли воевать во время наполеоновских кампаний, в том числе и в Отечественной войне 1812 г. Из этих 13 чел. шестеро героически пали:

– князь Дмитрий Николаевич Голицын — майор Ахтырского гусарского полка. Он скончался 20 сентября 1812 г. от ран, полученных в Бородинском сражении;

– князь Александр Яковлевич Голицын — полковник, который скончался от ран 8 сентября 1813 г. в Лаоне;

– князь Михаил Сергеевич Голицын — штабс-капитан Лейб-гвардии Семеновского полка, убит 26 января 1807 г. под Прейсиш-Эйлау;

– князь Алексей Борисович — корнет Конной гвардии, убит 2 июня 1807 г. под Фридландом;

– князь Николай Михайлович Голицын — штабс-капитан Лейб-гвардии Егерского полка, убит под Бородино 26 августа 1812 г.;

– князь Борис Владимирович Голицын — генерал-лейтенант, скончался в январе 1813 г. от ран, полученных в Бородинском сражении и последовавшей тяжелой болезни, как значится во многих источниках.

Каждый из этих героев внес свой вклад в победу русского оружия, и был героем. На конференции в Самаре в 1997 г. особое внимание было уделено князю Д.В. Голицыну, сейчас же хотелось вспомнить имена еще двух представителей этого славного рода: князя Николая Яковлевича Голицына (1788–1850) и князя Бориса Владимировича Голицына, биографии которых и участие в военных событиях не столь широко известны нашим современникам.

*Рязанов Александр Михайлович (Большие Вяземы, Московская область) — заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Государственного историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина.

Князь Николай Яковлевич Голицын родился 5 сентября 1788 г. в Москве. Его родителями были предводитель дворянства Воскресенского уезда Московской губернии, бригадир Яков Александрович Голицын (1753–1821) и графиня Наталья Николаевна Головина (1753–1837). В службу он вступил юнкером в Лейб-гвардии Конный полк в 1805 г. Участвовал в сражении при Аустерлице. В чине корнета (с мая 1807 г.) сражался под г. Гельсбергом и Фридландом, где был ранен и за отличие награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и орденом Святой Анны 4-й степени. Спустя несколько месяцев, 12 июля 1808 г., был произведен в поручики. Во время Отечественной войны 1812 г. участвовал в сражении под Витебском, Смоленском, при Бородине. За Бородинское сражение награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. Сражался под Тарутиним, при Малоярославце и Красном, где проявлял личную храбрость и неустранимость перед врагом. В 1813 г. в чине штабс-ротмистра, а затем ротмистра, принимал участие в сражениях при Люцене, Бауцене и Лейпциге, в 1814 г. — при Бриенне. В 1817 г. произведен в полковники, а 15 декабря 1825 г. — в генерал-майоры. 21 апреля 1828 г. назначен командиром 2-й бригады 1-й кирасирской дивизии, а через два года — командиром 1-й бригады той же дивизии. В 1831 г. стал командиром 1-й кирасирской дивизии. Проявил себя при усмирении польского мятежа в сражении при селе Желтках и Старом Якаце и при взятии штурмом Варшавы, а также при преследовании остатков польской армии до прусской границы. 26 марта 1833 г. был отчислен от кавалерии, 25 января 1836 г. произведен в генерал-лейтенанты и уволен в отставку по болезни с мундиром. После выхода в отставку Н.Я. Голицын поселился в Москве, где жил зимой, а летом уезжал в свое загородное поместье в село Роцу под Тарусой.

Имел орден Святого Георгия 4-го класса за выслугу лет, польский орден за военные достоинства. Умер 18 января 1850 г. в Москве и похоронен в Донском монастыре. Характеристику его как человека ярко описал в своих «Записках» граф М.Д. Бутурлин [2]. Он писал: «Добрейшего и большой прямоты души человека, как он, труднее было встретить; в житейских же своих привычках он был методичен и пунктуален до крайности...» [3]. Князь был сторонником соблюдения старых традиций и консерватором, не признававшим новшества, о чем ярко написано у М.Д. Бутурлина.

Князь был женат в 1829 г. на своей дальней родственнице княжне Вере Дмитриевне Голицыной (1801–1850), которая во время посещения могилы своего обожаемого супруга в Донском монастыре 7 апреля 1850 г. была убита послушником Донского монастыря Зыковым. Это происшествие поразило современников и даже послужило темой для рассказа В.Г. Авсеенко «Жадное сердце: Быль прошлого века» [4].

О другом представителе этого славного рода — князе Борисе Владимировиче Голицыне — известно намного больше. Каждый раз его биография пополняется новыми интересными сведениями, но обстоятельства смерти становятся более загадочными и противоречивыми.

Напомним, что князь Борис Владимирович Голицын родился 6 января 1769 г. Он был старшим сыном князя Владимира Борисовича Голицына (1731–1798), бригадира в отставке, и княгини Натальи Петровны (1741–1837), урожденной графини Чернышевой. Почти вся его жизнь была связана с военной службой, в которую он был записан с пяти лет. В девять лет он уже числится сержантом Семеновского полка. Воспитывался дома у родителей, которые значительное время своей жизни провели за границей, поэтому их дети, воспитанные в Западной Европе, в том числе и князь Борис, плохо владели русским языком. Большую роль в воспитании князя Бориса и его младшего брата Дмитрия сыграл их гувернер, швейцарец по происхождению, Мишель Оливье.

В 1782 г. князь Борис вместе с братом были отправлены в Страсбург, где молодые люди обучались военному делу и различным наукам, готовились к поступлению в Парижскую военную школу. В 14 лет князь Борис получает первый офицерский чин. Однако все свое свободное время он посвящает литературе. В Страсбурге, в этом полунемецком городе, он испытывает большое немецкое влияние, выразившееся впоследствии в письме к Ф. Шиллеру (1786), а также в переводе на французский язык повести Х.-М. Вилавда «Диоген и Гликерия» (1788) и в других произведениях. Все его произведения написаны на французском языке и в основном относятся к 1786–1790 гг.

В Париже он получает прозвище «Борис — Вестрис» по имени знаменитого французского танцовщика того времени, Гартано Балтазара Вестриса, искусством которого он овладел в полной мере. Кроме литературы и танцев, он увлекался также фехтованием, музыкой (скрипка, гитара).

Князь Борис, как и его младший брат, был свидетелем событий Великой Французской революции и даже сочувствовал революционным настроениям. По распоряжению Екатерины Великой, семья князя В.Б. Голицына покинула революционный Париж, и в 1790 г. оба брата устремились в Италию, где пробыли около года, изучая культуру и искусство Италии. В Россию они вернулись в конце 1791 г. молодыми франтами, законодателями моды. Известно, что в Петербурге в то время вводили в моду необыкновенно высокие шарфы в якобинском духе. Правительство, остерегаясь последствий, дважды запрещало их носить. В 1794 г. братья поступают в действующую армию и участвуют в Польской компании. За героизм при

взятии Праги (предместья Варшавы) они получают первые боевые ордена — орден Святого Георгия 4-й степени.

В 1798 г. князь Борис становится генерал-майором, а в следующем, 1799 г. производится в генерал-лейтенанты. Если при Павле Первом он был шефом Петербургского Гренадерского полка, то при Александре Первом его назначают шефом Лейб-гвардии Павловского полка.

В 1803 г. князь Борис становится генерал-инспектором инфантерии в Смоленске. И в этом же году он получает во владение от своего дяди, князя А.М. Голицына, имение Вязёмы Звенигородского уезда Московской губернии.

К 1807 г. военная карьера князя Бориса складывается не удачно, и он уходит в отставку, принимаясь за самообразование, изучение русского языка и российской истории. Как помещик, в Вязёмах он пытается провести кое-какие преобразования, основывает новую деревню под своим именем «Борисовка», проявляет большую заботу о крестьянах. Он обустроивает свою усадьбу, превращает дворец «в обитель муз и красоты». Самой большой ценностью в Вязёмах для князя Бориса была библиотека, собранная им. Она насчитывала свыше 40 000 названий и содержала редчайшие издания. Библиотека делилась на иностранную и русскую. Здесь же хранился главный архив Голицыных, в том числе его переписка с матушкой княгиней Натальей Петровной, которая длилась около сорока лет.

Совместно с Г.Р. Державиным и А.С. Шишковым князь Борис находился у истоков создания «Беседы любителей русского слова», которая была Высочайше утверждена в 1811 г. На чтения присутствовала многочисленная и блистательная публика, среди них: Г.Р. Державин, А.С. Шишков, А.С. Хвостов и И.С. Захаров и др. Прочитанные статьи печатались затем отдельными изданиями под заголовком «Чтения в Беседе любителей русского слова».

В 1809 и в 1811 гг. в Москве, а затем и в Петербурге, выходит его большая работа «Предисловие к переводам “Нравственных рассуждений” герцога де ла Рошфуко». Эти переводы осуществил его воспитанник Д.И. Пименов. Князь Борис публикует эту работу сначала на русском языке в сокращении под инициалами «К. Б. Г.». Переводчиком «Предисловия» стал профессор Императорского Московского университета А.Ф. Мерзляков. Затем в полном объеме «Предисловие» печатается в Петербурге на языке оригинала, т.е. на французском языке с обращением к читателям автора. Это было последнее литературное произведение князя Б.В. Голицына.

В 1812 г. он возвращается в армию, и перед Бородинской битвой назначается М.И. Кутузовым в 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова, но состоял он в действительности при самом

Главнокомандующем. В самом начале сражения князь Борис получает ранение и контузию, но не оставляет поле боя. В наградном листе генерал Д.С. Дохтуров отзывался о нем как о храбром и достойном генерале.

После Бородинского сражения Б.В. Голицын отправляется на лечение в город Владимир, около двух месяцев там он находился в госпитале, но, не долечившись, он вернулся в армию, в Вильно. В то время он утверждал, что лучше погибнет на полях сражений, нежели на больничной койке. Однако 24 декабря 1812 г. он простудился на вахт-параде и через пятнадцать дней умер. О кончине князя Б.В. Голицына в рапортах докладывал Императору Александру Первому Литовский военный губернатор, генерал от инфантерии, Римский-Корсаков и генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский.

Все биографии и биографические справки говорят, что он в Бородинском сражении был тяжело или серьезно ранен и умер вследствие ран, полученных в этом сражении. Однако другие источники свидетельствуют, что князь скончался от горячки и даже от тифа (хотя тиф как болезнь была открыта в середине XIX в.).

Несмотря на то, что эти данные противоречат друг другу, можно утверждать, что князь во время сражения был ранен и к моменту возвращения в армию чувствовал себя лучше, но от ран организм был ослаблен и легко подвержен болезням.

Умер князь Б.В. Голицын 7 января 1813 г. в Вильно. Прах его был привезен в любимые и дорогие его сердцу Вязёмы и погребен необычным образом: гроб с прахом был вставлен в одну из ниш храма Преображения Господня, в верхнем приделе Святых Благоверных князей Бориса и Глеба. Там же был установлен большой мраморный памятник с ангелом, печально склоненным над надгробием. В верхней части надгробия был установлен барельефный портрет князя Б.В. Голицына в профиль в форме римского легионера, по торцам с одной стороны был изображен родовой герб князей Голицыных, с другой — ордена, которыми был награжден умерший. Это орден Святого Георгия IV класса и орден Святой Анны 1-й степени. Орден Святого Георгия III класса за участие в Бородинском сражении князь Б.В. Голицын так и не успел получить.

Мать князя, княгиня Н.П. Голицына, отличавшаяся не только своенравным, деспотическим характером, но и государственным умом, тяжело переживала смерть своего старшего сына, как и вся его семья. Она решила увековечить память о сыне, увязав его кончину с ранами, полученными в Бородинском сражении, а не болезнью, от которой он, возможно, умер.

Образ князя Бориса не раз можно встретить в отечественной литературе. У Пушкина он выделен в образе Ленского в «Евгении Онегине»,

отца Полины (в повести «Рославлев»), князя Верейского (в повести «Дубровский»). У Л.Н. Толстого в образе князя Андрея Болконского угадываются черты князя. Это не случайно, ведь Б.В. Голицын считался одним из самых «романтических людей Осьмнадцатого столетия».

Эти два человека не совершили выдающихся подвигов в Отечественной войне 1812 г., но были ее активными участниками, оставив часть своей биографии этому героическому времени и защите Отечества от врага. Поэтому мы вправе вспомнить о них спустя двести лет.

Литература и источники

1. Голицын Н.Я. Род князей Голицыных». СПб., 1892.
2. Бутурлин М.Д. Записки // Русский Архив. 1897. № 3. С. 590–597.
3. Там же. С. 591.
4. Исторический Вестник. 1910. № 1.

Э.А. Цеглеев*

ПРОВИНЦИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Одним из направлений осмысления истории России является обращение к анализу роли и места провинции в процессе ее социокультурного развития и реконструкции связей провинции с центром. Одним из периодов исторического развития, когда органично интегрировались и однонаправленно проявились провинциальное и общероссийское, была эпоха наполеоновских войн. Поэтому исследование закономерностей взаимодействия центра и провинции в этот период в различных его аспектах может быть использовано для анализа современных отношений центра и провинции. Исследование событий, явлений и процессов, происходящих в начале XIX в. в российской глубинке, в их сопоставлении с общероссийскими и мировыми историческими процессами поможет понять сущность и роль провинции как субъекта исторического развития [1]. В качестве объекта подобного исследования можно взять такую глубинную губернию Российской империи, как Вятская губерния.

Следует сказать, что данная проблема практически не отражена в региональной историографии. Между тем в фондах Государственного архива Кировской области (ГАКО), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) содержится обширный комплекс документов, анализ которых на современном уровне позволяет системно рассмотреть имеющийся исторический материал в ракурсе соотношения провинции и центра, регионального, общероссийского и мирового.

Системное исследование российской провинции в эпоху наполеоновских войн представляется плодотворным потому, что в этот период она ярко проявила не только свои основания, но и скрытые ресурсы. Вместе с тем в контексте изучения системы Российской империи и исследования такого ее компонента, как Вятская губерния, в эпоху наполеоновских войн параллельно с системным подходом целесообразно использовать одно из направлений антропологического подхода — военно-историческую антропологию [2]. Объектом исследования военно-исторической антропологии являются человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, а также те аспекты жизни общества, которые характеризуют

*Цеглеев Эдуард Александрович (Вятка) — доцент Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

его подготовку к войне, «вхождение» в нее, ход военных действий и «выход из войны».

Объектом данного исследования является российская провинция (в частности, Вятская губерния) в эпоху наполеоновских войн.

Его предметные рамки включают в себя:

1) характеристику Вятской губернии как специфического компонента системы Российской империи начала XIX в. и процесса ее «вхождения» в эпоху наполеоновских войн;

2) анализ роли Вятской губернии в Отечественной войне 1812 г. и Освободительной войне 1813–1814 гг.;

3) исследование процесса «выхода» Вятской губернии из войны.

Целью исследования является изучение закономерностей, оснований и ресурсов взаимодействия центра и провинции (на примере Вятской губернии) в экстремальных условиях эпохи наполеоновских войн.

Вятская губерния в начале XIX в. занимала пространство в 13 815 793 десятины земли, из которых более 10 млн десятин были заняты лесом. Основу экономики Вятской губернии в XIX в. составляло сельское хозяйство. Энергично развивалась промышленность. На территории Вятской губернии находился Ижевский завод, который наряду с Тульским и Сестрорецким заводами был одним из трех основных центров производства в России стрелкового оружия. В 1810 г. он выпустил 2 500, в 1811 г. — 10 000, в 1812 г. — 13 565 ружей.

Численность населения Вятской губернии в начале XIX в. возрастала в среднем на 1,24% в год. В 1795 г. в губернии насчитывалось 365 651 душа мужского пола, в 1808 г. — 467 551, в 1811 г. — 504 698, в 1834 г. — 660 125 душ мужского пола. В губернии абсолютно преобладало сельское население. Городских жителей насчитывалось около 2%, а из общей массы крестьян 89% были государственными, около 9% — удельными и 2% — помещичьими [3].

В отдаленных от центра губерниях система управления складывалась под влиянием региональной и местной специфики. Трудности управления Вятской губернией были связаны с обширностью ее территории, удаленностью от центра, малочисленностью дворянства и чиновничества. В 1808 г., согласно переписи населения, в Вятской губернии насчитывалось 311 служащих чиновников. Таким образом, перед относительно малочисленным чиновничьим аппаратом Вятской губернии в эпоху наполеоновских войн стояла задача проведения крупных организационных мероприятий в соответствии с установками из центра и с учетом местных особенностей в специфических условиях отдаленной провинции.

Крупнейшим организационным мероприятием и событием общественной жизни Вятской губернии начала XIX в., в котором через призму региональных, общероссийских и мировых исторических процессов отразилось соотношение центра и провинции и произошло ее «вхождение» в эпоху наполеоновских войн, стало формирование во время русско-пруско-французской войны 1806–1807 гг. Вятского земского войска. В соответствии с Манифестом Александра Первого от 30 ноября 1806 г., в котором говорилось о создании в помощь регулярной армии земского войска в количестве 612 000 чел., Вятская губерния должна была выставить 18 000 ратников. Поступивший из центра импульс через посредничество чиновничьего аппарата и органов самоуправления мобилизовал ресурсы провинции. В январе 1807 г. в Вятской губернии началось создание земского войска, развернулось добровольческое движение, был сформирован и отправлен в действующую армию батальон вятских стрелков численностью 600 чел. [4]. В связи с окончанием войны 27 сентября 1807 г. ополчение, основные силы которого не успели принять участие в войне, было распущено. Однако в свете грядущей Отечественной войны 1812 г. опыт формирования земского войска не прошел для России даром. Провинция показала один из ресурсов системы Российской империи, востребованный в экстремальных условиях эпохи наполеоновских войн.

Наиболее ярко и концентрированно основания и ресурсы системы Российской империи проявились на завершающем этапе эпохи наполеоновских войн — в 1812–1815 гг. Противостояние с наполеоновской Францией потребовало от России использования ресурсов разного характера. Одним из факторов, обеспечивших России победу в военном противостоянии, стало использование внутренних резервов, прежде всего, ресурсов провинции. В 1812–1813 гг. в России было проведено четыре рекрутских набора, по которым в рекруты принималось от 2 до 10 человек с 500 душ. В Вятской губернии за этот период в армию и на флот было взято около 25 000 рекрутов (от 1800 до 8500 за один набор). Анализ архивных документов показывает, что вятчане служили во всех родах войск, широко были представлены во всех гвардейских полках. Судя по формулярным спискам и рапортам, в которых отражены их заслуги, характерными признаками воинов из Вятской губернии были дисциплинированность, храбрость, хладнокровие. Своеобразие Вятского края и его жителей отразилось на их военной службе и поведении в экстремальных боевых условиях.

В соответствии с Манифестами Александра Первого от 6 и 18 июля 1812 г. в России вновь, как и в 1807 г., формировалось ополчение. Известие о вторжении наполеоновских войск в Россию и оглашение царских Манифестов нашли горячий отклик в сердцах жителей Вятской губернии. Раз-

вернулось добровольческое движение. Чиновники с согласия губернатора поступали в ополчение на офицерские вакансии. Представители других сословий — рядовыми и урядниками. Всего добровольно вступили в Вятское народное ополчение около 200 чел. [5]. Исследование архивных документов позволяет почувствовать неповторимую атмосферу, царившую тогда в Вятской губернии в связи с формированием ополчения, патриотический подъем, в которых рельефно проявлялись как общероссийские черты, так и особенности вятского менталитета. С 13 000 вятских крепостных в ополчение поступило около 630 чел. [6]. Общая численность вятского ополчения составила около 830 чел. Вятские ополченцы отличились в сражении под Дрезденом 25 октября 1813 г., когда, как сообщал в рапорте их командир Чичагов, они «неоднократно опрокидывали и прогоняли неприятеля» [7].

Проанализировав формы непосредственного участия вятчан в военных событиях 1812–1814 гг. и держа в уме представительство других провинциальных губерний, можно сделать вывод о том, что именно людской ресурс провинции позволил России одержать победу в войне. Решающим фактором здесь стало сочетание организаторских способностей центра с мобилизационными возможностями провинции.

Одним из вопросов, в которых в специфической форме отразилось соотношение центра и провинции в 1812–1814 гг., стало размещение в российской глубинке военнопленных Великой армии. В Вятской губернии за этот период в разное время побывало не менее 5 850 военнопленных, среди которых были представители двадцати национальностей. Военнопленные трудились на Холуницких железоделательных заводах, на ряде винокуренных заводов [8]. До сих пор сохранились построенные с участием военнопленных гидросооружения Кирсинских прудов. Многие из них устроились гувернерами, музыкантами, танцмейстерами, художниками, врачами. Среди содержащихся в Вятке пленных был известный французский генерал Вандам. Несмотря на запрет местным жителям вступать в контакт с военнопленными, многие из них были «приняты в беседах домашних», и по этому поводу Главнокомандующий в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинов сообщал Вятскому губернатору Ф.И. Фон Брадке: «... по самому тому уже, что они состоят под полицейским наблюдением, то и срамят того, кто с ними вступает в сношения, о чем вы поставите внушить публике» [9]. Пребывание военнопленных Великой армии в Вятской губернии в частности и в провинции вообще хоть и не оказало существенного влияния на ход исторических процессов, но оставило заметный след в местной истории. Провинция же выступила здесь в роли резервуара, где в соответствии

с установками из центра и учетом местной специфики временно были размещены около 150 000 военнопленных.

Отечественная война 1812 г. породила резкий подъем благотворительной деятельности. Общая сумма благотворительных пожертвований превысила 9 млн руб. В Вятской губернии сбор пожертвований проводился «в пользу разоренных от неприятеля» по линии Церкви, женского патриотического общества и других учреждений. Судя по социальному и национальному составу жертвователей, среди которых были представители всех сословий и народов, проживающих в Вятской губернии, благотворительность в пользу пострадавших от войны была по-настоящему всенародным делом. Анализ архивных документов позволяет оценить размер благотворительных пожертвований, совершенных жителями Вятской губернии в сумму не менее 100 000 руб. Провинция продемонстрировала свой ресурс щедрости, отзывчивости и человеколюбия.

Таким образом, можно сказать, что отношения центра и провинции в 1812–1814 гг. в целом были грамотно построены. В них учитывались стремления и задачи центра, с одной стороны, и особенности и возможности провинции — с другой. Показательно успешное прохождение на прочность системы Российской империи в эпоху наполеоновских войн.

Символическим актом, ознаменовавшим собой выход России из войны, стало повсеместное проведение в мае–июне 1814 г. праздничных мероприятий по поводу взятия Парижа. С широким размахом они прошли в провинции. Официальные торжества, проходившие в провинции, обладали своей спецификой. Они собирали в административные центры наиболее яркие образцы локальной, в том числе этнической культуры. Так, в Уржуме празднества сопровождалась русскими, удмуртскими, марийскими, татарскими песнями, танцами и забавами и носили всесословный, всенародный характер. В провинции выход России из войны был ознаменован причудливым и в то же время органичным сочетанием официальных торжественных мероприятий и всенародных гуляний.

Роль провинциального города как связующего звена между центром и провинцией заслуживает особого рассмотрения. Он формирует «сеть, воронку, ловушку социокультурных коммуникаций, своеобразный циклон, втягивающий в себя региональные ресурсы, актуализирующий резервы до состояния ресурсов, инициирующий новые ресурсы как естественные, так и искусственные» [10]. Роль провинциального города как центра, в котором аккумулируются потоки и импульсы самых разных направлений, сглаживаются противоречия между ними или сталкиваются взаимоисключающие явления, рельефно проявилась в Вятской губернии в эпоху наполеоновских войн.

В процессе выхода из войны в России была предпринята попытка решения такой проблемы, как оказание материальной помощи солдатам, получившим тяжелые увечья. Для этого 18 августа 1814 г. был создан Комитет пожертвований под председательством коллежского советника Пезаровиуса. Однако размер средств, выделяемых Комитетом вятским инвалидам, был не только ничтожно мал, но и многократно меньшим по сравнению с количеством собранных в Вятской губернии средств. В 1816 г. в Комитет пожертвований из Вятской губернии было отправлено не менее 4 940 руб. В то же время вятским инвалидам Комитет выделил всего 260 руб. [11]. Большая часть средств, собранных вятчанами, шла на содержание русских инвалидов, проживавших в других регионах Российской империи. При этом в силу ограниченности средств, собранных Комитетом, большая часть инвалидов вообще не получила денег. Проблема их материального обеспечения оказалась нерешенной. Главной причиной этого стало отсутствие четкой государственной политики социальной защиты нуждающихся ветеранов.

Таким образом, нельзя не заметить, что провинция рассматривалась в Петербурге, в первую очередь, как почти неиссякаемый источник резервов. Однако их эксплуатация не вышла за пределы необходимости. Их разумное использование позволило победоносно завершить серию труднейших войн, не истощив людские и материальные ресурсы.

Анализ широкого спектра событий, явлений и процессов, происходящих в эпоху наполеоновских войн в российской провинции, и в частности в такой глубинной провинции, как Вятская губерния, позволяет рассматривать проблему соотношения провинции и центра не в ракурсе их противопоставления, а с учетом тех функций, которые они выполняют в рамках единой системы. Актуальной представляется мысль, высказанная по этому поводу М. Каганом, рассматривающим соотношение провинциального и столичного как «два противоположно направленных “механизма” — мобилизирующий и стабилизирующий, то есть обеспечивающий, с одной стороны, развитие системы в соответствии с изменениями среды и ростом ее собственных потребностей обновления, а с другой — освоение, сохранение и упрочение обретенного» [12].

Действие «мобилизирующе-стабилизирующего механизма» в России четко просматривается в эпоху наполеоновских войн и в последующие десятилетия. Так, реформаторское правление Александра Первого с 1812 г. имело выраженную консервативную окраску. Мобилизация глубинных ресурсов системы не могла не оживить те пласты традиционного, которые были затронуты. Оригинальное сочетание в эпоху 1812 г. либерализма и консерватизма, инноваций и традиционализма, провинциального и сто-

личного, регионального, общероссийского, европейского и мирового породило столь же многообразные явления — декабризм и охранительный консерватизм, славянофильство и западничество, расцвет русской культуры.

Таким образом, на основании проанализированного материала можно сделать следующие выводы:

1. Провинция (в частности, Вятская губерния) в системе Российской империи начала XIX в. являлась ее важнейшим компонентом. В ней были заложены основания и ресурсы, которые оказались востребованы в экстремальных условиях эпохи наполеоновских войн. «Вхождение» провинции в эту эпоху произошло во время формирования земского войска 1807 г., затронувшего все сферы жизни тех губерний, в которых оно создавалось.

2. Провинция (в том числе Вятская губерния) при грамотной организаторской роли центра сыграла решающую роль в победоносном завершении Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813–1814 гг., обеспечив необходимые людские и материальные ресурсы.

3. На выходе из войны провинция (в частности, Вятская губерния) продемонстрировала возможности преодоления ее негативных социально-экономических последствий и яркие образцы локальной культуры. Взаимоотношения центра и провинции в этот период носили сложный системный характер. В них проявлялись реформаторские, консервативные и мобилизирующие импульсы из центра, традиционализм, а также стабилизирующие и мобилизационные возможности провинции, мировые модернизационные процессы.

Литература и источники

1. Севастьянова А.А. Ритмы самосознания в истории российской провинции // Методология региональных исторических исследований. СПб., 2000. С. 26–27.

2. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 139.

3. Эммаусский А.В. История Вятского края в XII — середине XIX века. Киров, 1996. С. 150–151.

4. Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО). Ф. 582. Оп. 47. Д. 4. Л. 310–318.

5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 7. Д. 101. Л. 324.

6. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1912 год. Вятка, 1911. С. 28–33.

7. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Т. 1. Д. 3894. Л. 6.

8. Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1912. Вып. 3, отдел 2. С. 34.

9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 176. Л. 2–3.

10. Гомаюнов С.А. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996. С. 39.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 128. Л. 33–35.
12. Каган М. Москва — Петербург — Провинция: Двустоличность России — ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. 1993. № 1. С. 16.

О ПАТРИОТИЗМЕ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Изучение войны с Наполеоном в российской исторической науке началось еще в царствование Александра Первого современниками этого события. Но тем не менее многие аспекты Отечественной войны 1812 г. до сих пор являются предметом исследования, а порой и острых научных дискуссий. Одним из таких спорных моментов был и остается вопрос о проявлениях и характере патриотизма у двух основных классов-сословий российского общества в XIX в. — дворян и крестьянства. Одни историки отвергают идею крестьянского патриотизма, указывая, что, поскольку в начале XIX в. в России крестьянин «стоял ниже раба, был вещью» [1], то патриотические чувства ему были чужды, а бороться с французами его заставляло чувство самосохранения [2]. Другие, напротив, очень высоко отзываются о патриотизме народных масс, но патриотизм дворянства ставят под сомнение. Наконец, третьи утверждают, что патриотизм не был присущ ни тем, ни другим: якобы крестьяне в ходе войны боролись только за освобождение от крепостной неволи [3], а дворяне — за «право самим держать в рабстве собственный народ» [4], т.е. обе социальные группы преследовали только свои интересы.

Для того чтобы понять истинные настроения провинциального общества в 1812 г., обратимся к источникам, которые редко привлекались для анализа российского общественного сознания этого времени, хотя и были оставлены очевидцами и участниками событий Отечественной войны 1812 г. Это «Записки» Ф.Ф. Вигеля, «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки, роман М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», а также воспоминания офицера Пензенского ополчения И.Т. Шишкина «Бунт ополчения в 1812 году».

Изучение этих свидетельств современников позволило сделать следующие выводы. Во-первых, мемуаристы утверждают, что патриотизм, причем бескорыстный, вовсе не был чужд российскому господствующему классу. Пензенский помещик Ф.Ф. Вигель отмечал не просто возникновение патриотических настроений, но «совершенное перерождение» большинства местных дворян, узнавших о вторжении Наполеона: «... они не хвастались, не храбрились, а показывали спокойную решимость жертвовать всем, и жизнью и состоянием, чтобы спасти честь и независимость

*Захарова Мария Евгеньевна (Пенза) — аспирант кафедры изобразительного искусства и культурологии Пензенского государственного педагогического университета.

России. Весьма немногие не об ней думали, а о своей особе и о своем ларце, и те втихомолку только вздыхали» [5]. Еще один уроженец Пензенской губернии, писатель М.Н. Загоскин, подтвердил это свидетельство мемуариста, приводя в романе рассуждения провинциальных помещиков, получивших известие о начале войны: один готов отдать в солдаты свой крепостной оркестр, другой обещает пожертвовать в кавалерию весь свой конный завод, не жалея ради этого своего лучшего жеребца, и даже собирается сам пойти на войну. Общее мнение выражает предводитель дворянства: «Я уверен... что все дворянство нашей губернии не пожалеет ни достоинства своего, ни самих себя для общего дела. Стыд и срам тому, кто станет думать об одном себе, когда отечество будет в опасности» [6]. И действительно, провинциальное дворянство с большой энергией взялось за подготовку ополчения. Так, по свидетельству Ф.Ф. Вигеля, уже в конце июля пензенские помещики начали собирать деньги на снаряжение ополченцев, которых должна была поставить Пензенская губерния, а также выбирать полковых и сотенных начальников для ополчения. «Отставных военных штаб-обер-офицеров не было и десятой доли против нынешнего, а все-таки их было много; не сыскалось ни единого, который бы пожелал остаться дома, все явились на службу» [7].

Часть провинциальных дворян стали членами комитетов пожертвованных для ополчения. Они занимались хранением и распределением средств, которые вносили жители губернии. Кстати, одним из членов подобного комитета в Пензенской губернии выступал Ф.Ф. Вигель [8].

Еще одним проявлением дворянского патриотизма стал своеобразный «классовый мир», воцарившийся на время войны между социальными группами. «В Пензе, — писал Ф.Ф. Вигель, — где дворянство почти всегда не в меру было спесиво и где состояние всегда предпочиталось чинам, вы бы с удивлением увидели почтение и послушание, оказываемое людьми довольно богатыми, вступившими в ополчение, тем, кои становились их начальниками. Самолюбие было первою жертвой, которое дворянство, в этот чудный год, предавало закланию на жертвенники Отечества» [9]. Те, кто не мог или не хотел сам вступать в действующую армию или в ополчение, не скупилась на материальную помощь войскам. Смоленский дворянин, писатель, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии Ф.Н. Глинка отмечал, что «войска получают наилучшее продовольствие; дворяне жертвуют всем. Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам» [10]. Некоторые историки считают, что такие жертвования не были бескорыстными, и после войны отдельные помещики просили у государства плату за провиант и фураж для армии [11], однако, во-первых, подоб-

ные случаи были редкостью, а во-вторых, именно благодаря добровольной помощи провинциального дворянства русские войска не испытывали проблем со снабжением.

Не стоит забывать и о тех дворянах, кто, не будучи в армии или ополчении, сражался с врагом партизанскими методами. Так, Ф.Ф. Вигель приводит следующий пример: «Некоторые помещики (Смоленской губернии. — М.З.) сами собою вооружили дворовых людей и крестьян и составили из них небольшие партизанские отряды, которые при переходе французов тревожили их, нападали на их обозы и захватывали отсталых, и таким образом подали пример и мысль о партизанской войне и всеобщем вооружении. Один из них, доблестный Энгельгардт, попавшийся в плен, правосудным французским начальством был расстрелян» [12]. Ф.Ф. Вигель имел славу человека язвительного [13], и в приведенных выше строках чувствуется не только гордость за русских людей, но и неприкрытый сарказм в отношении захватчиков: П.И. Энгельгардт, будучи дворянином и военнопленным, был казнен без суда, словно разбойник — о каком правосудии и благородстве французов может идти речь?!

Было, впрочем, в провинциальном обществе и меньшинство, которое считало наполеоновское нашествие благом для страны. В своих воспоминаниях Ф.Ф. Вигель упомянул о графине Рыщевской, «богатой и пожилой польке», которая «слишком много любила заниматься политикой» и за свои антироссийские воззвания к вольным помещикам была сослана в Пензу [14]. Она и здесь «не хотела скрывать ни желаний, ни надежд своих», с удовольствием рассуждая в обществе о неизбежности покорения России Наполеоном [15]. Она также привечала у себя ссыльных французов — Радюльфа, который, служа в русской армии, отказался воевать против своих соотечественников [16], и воспитателя будущих декабристов Н.М. и А.М. Муравьевых Магиера, которого, по мнению Ф.Ф. Вигеля, «следовало бы отправить в Нерчинск, ибо он был совершенно каторжный» [17]. Вместе с ними она пыталась отпраздновать взятие Москвы французскими войсками, однако этот вечер был испорчен тем, что двое всадников, проезжавших мимо дома графини, перебили в нем все окна заранее припасенными камнями [18]. Если поведение Рыщевской еще можно понять (в Польше были очень сильны профранцузские настроения, и в Великой армии служило много поляков), то описанные мемуаристом рассуждения двух пензенских помещиков С.М. Мартынова и В.Е. Жедринского вызвали справедливое возмущение современников. Эти двое, в особенности С.М. Мартынов, судя по всему, представляли типичный образец офранцузившегося российского дворянства. Ф.Ф. Вигель писал о них со злой иронией: «Оба они в Пензе щеголяли французским диалектом; у Жедринского

был выговор лучше, зато Мартынов говорил бегло и безошибочно: это, вероятно, дало им надежду, что Наполеон, покорив Россию, назначит их, прапорщика и титулярного советника, префектами в завоеванной им провинции» [19]. Издевка мемуариста становится понятнее, если вспомнить, что прапорщик и титулярный советник — это низшие военный и гражданский чины в «Табели о рангах». Трудно сказать, какие надежды в действительности связывали эти люди с поражением России в войне, однако высказывание С.М. Мартынова о необходимости сдачи Москвы оставляет очень неприятный осадок: «Согласитесь, — улыбаясь, сказал мне Мартынов, — что смешно и безрассудно противиться великому человеку, у которого полмиллиона войска и две тысячи пятьсот пушек» [20]. И это говорилось в то самое время, когда и в народе, и в дворянских провинциальных кругах тяжело переживали сдачу Москвы Наполеону. Но эти случаи, описанные Ф.Ф. Вигелем, представляют собой исключение из общего патриотического настроения провинциального дворянства.

Во-вторых, источники не ставят под сомнение героизм людей из народа. Когда современные историки пытаются утверждать противоположное, то основным аргументом являются факты крестьянских волнений, происходивших в 1812 г. Так, Н.А. Троицкий приводит вроде бы внушительные цифры: 67 крестьянских восстаний в 32 губерниях, 20 из которых были подавлены войсками [21], однако в масштабах Российской империи это не так уж и много. В основном это были локальные, малочисленные по количеству участников выступления, поэтому большинство их либо были усмирены самими помещиками, либо прекратились так же стихийно, как и начались. К тому же есть здесь и некоторое лукавство: Н.А. Троицкий ни слова не говорит о том, какие именно войска подавляли восстания в бунтовавших Витебской, Могилевской и Минской губерниях [22], оккупированных французами. Очевидно, что сделать это могли лишь французские войска. Причем не только могли, но и действительно подавляли. Как пишет Е.В. Тарле, Литва и Белоруссия в июле–августе 1812 г. были охвачены «бурными крестьянскими волнениями, переходившими местами в открытые восстания» [23]. Виной тому были отчасти давние слухи, что Наполеон освободит крепостных крестьян [24], а отчасти, вероятно, грабежи и мародерство французской армии. Перепуганные помещики искали помощи у французских генералов и самого Наполеона и, конечно, получали ее. В частности, наполеоновский маршал Сен-Сир писал, что в Литве крестьяне выгоняли помещиков из усадеб, а «Наполеон, верный своей новой системе, стал защищать помещиков от их крепостных, вернул помещиков в их усадьбы, откуда они были изгнаны» и снабдил их солдатами для охраны от дальнейших выступлений крестьян [25]. Таким образом,

эти крестьянские выступления никак нельзя назвать непатриотическими, и подавляли их французские войска.

Во время войны бунтовали не только крестьяне, но и ополченцы. Одно из таких восстаний, произошедшее в Пензенской губернии, некоторые историки называют «самым грозным» из всех бунтов ополчения 1812 г. [26], когда одновременно восстали полки в уездных городах Инсаре, Саранске и Чембаре. Казалось бы, вот и доказательство того, что вчерашние крепостные не желали защищать Отечество, мечтая лишь о «земле и воле» для себя. На самом же деле лишь инсарское восстание носило более-менее антикрепостнический характер, но и оно было приправлено гремучей смесью патриотизма и наивного монархизма. По свидетельству очевидца этих событий, офицера ополчения И.Т. Шишкина, восстание было спровоцировано слухами о том, что присягнувших ополченцев после войны не вернут хозяевам-помещикам, а объявят свободными. Ратники начали требовать, чтобы их немедленно привели к присяге [27], а когда это требование не было выполнено, взбунтовались и захватили город. Помимо приведения к присяге, ополченцы требовали выдать им на расправу командира полка Кушнерева и двух ротных офицеров, заявляя, что «за неумеренную их строгость хотят с ними расплатиться по-своему» [28]. Офицеры отказались выдать своих товарищей, однако восставшие сами разыскали Кушнерева, избili его и некоторых других офицеров, попавших к ним в руки [29], затем захватили оставшихся офицеров и посадили их в тюрьму, собираясь затем повесить. Восстание не было хорошо организовано, и прекратилось само собой. Когда генерал Кишенский, начальник Пензенского ополчения, поспешивший с артиллерией и отрядами башкир и казаков на усмирение бунта, отправил своих офицеров разведать обстановку, оказалось, что «в Инсаре все ратники находятся по квартирам, и что там все тихо так, как будто никогда ничего не происходило» [30]. Расследование, учиненное Кишенским, показало, что после расправы с офицерами восставшие намеревались «отправиться целым ополчением к действующей армии, явиться прямо на поле сражения, напасть на неприятеля и разбить его, потом с повинной головой предстать пред лицо монарха и в награду за свою службу выпросить себе прощение и вечную свободу из владения помещиков» [31]. Два других восстания в Чембаре и Саранске произошли по гораздо более прозаической причине, а именно из-за воровства начальства. По словам Ф.Ф. Вигеля, «двое из начальствовавших над ними полковников, люди через меру расчетливые, нашли, что о прокормлении ратников много заботиться нечего и что, при всеобщем усердии жителей, они без пищи их не оставят, а между тем исправно принимали и клали себе в карман суммы, из нашего комитета отпускаемые, для продовольствия воинов» [32]. Результат

такой «экономии» был закономерным. «Пока средства не истощались у жителей, ни они, ни ратники роптать не смели. Но когда голод привел их в отчаяние, последние возмутились, из своей среды выбрали себе начальников, а офицеров перевязали и, вероятно, сделали бы то же с полковниками, если бы сии последние заблаговременно не успели спастись бегством. <...> Ни бесчинства, ни грабежа не было, воины требовали одной пищи и, понаевшись, сделались спокойнее и смиреннее» [33]. Усмирение этих двух восстаний было проведено относительно малой кровью: в Чембаре было убито пять человек, ранения получили 23, еще четверо были засечены до смерти [34] (это действительно немного, если учесть, что в Инсаре только засечены до смерти были 34 чел. [35]), в Саранске же и вовсе обошлось без жертв — «виновных не нашлось, полковники с глазу на глаз названы мошенниками, а рядовым перед фронтом объявлено, что их хорошо будут кормить; но если впредь что-нибудь подобное они затеют, то десятый из них будет расстрелян...» [36]. Следовательно, ни в инсарском восстании, ни в бунтах в Чембаре и Саранске об отсутствии патриотизма у ополченцев говорить не приходится.

Таким образом, за редкими исключениями, российское общественное сознание (в первую очередь в провинции, где дистанция между дворянами и простонародьем была меньше, чем в столицах) на время войны стало практически единым, и разница между, условно говоря, дворянской и крестьянской половинами провинциального общества на время оказалась забыта, сметенная волной всеобщего патриотизма. Это редкостное единодушие разных сословий в том, что касалось борьбы с захватчиками, с удивлением и восхищением отмечали современники. По словам Ф.Ф. Вигеля, «казалось, что с дворянами и купцами слились они (крестьяне. — М. З.) в одно тело» [37]. «Самый простой народ делался гораздо смелее в поступки и речах, за то в действиях никогда не показывал такого повиновения. Право, глядя на все это, сердце не нарадовалось. Это всегда спасало Россию и отличало от других государств...» [38].

С огромным воодушевлением отнеслись крестьяне в 1812 г. и к рекрутским и ополченским наборам, которые и до, и после войны воспринимались народом как трагедия. Ф.Ф. Вигель вспоминал, что «при наборе ратников радость была написана на лице тех, на коих пал жребий; семейства их, жены, матери осыпали их ласками, целовали, миловали, дарили, чем могли. «Голубчик, ведь ты идешь за нас да за Божье дело», — повторяли они» [39].

Патриотический настрой среди простолюдинов отмечали и другие современники. По свидетельству Ф.Н. Глинки, крестьяне с первых дней войны стремились принять активное участие в борьбе с врагом: «Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании. «Повели, государь!

Все до одного идем!» Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтоб не потерять вольности» [40]. Однако такой поворот событий пугал царское правительство не меньше (если не больше), чем французское нашествие. Будущий декабрист объяснял это следующей причиной: «Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, дозволяющей собираться, вооружаться и действовать, где, как и кому можно» [41]. И тут же приводит vox populi: «Дозволят — и мы, поселяне, готовы в подкрепу воинам. Знаем места, можем вредить, засядем в лесах, будем держаться — и удерживать; станем сражаться — и отражать!..» [42].

Слово с делом у русского крестьянина не расходилось: «Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оборонительные оружия, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются!.. Сегодня крестьяне Гжатского уезда, деревень князя Голицына, вытесненные из одних засек, переходили в другие, соседние леса через то селение, где была главная квартира. Тут перевязывали многих раненых. Один 14-летний мальчик, имевший насквозь простреленную ногу, шел пешком и не жаловался. Перевязку вытерпел он с большим мужеством. Две молодые крестьянские девки ранены были в руки. Одна бросилась на помощь к деду своему, другая убила древесным суком француза, поранившего ее мать. Многие имели простреленные шапки, полы и лапти. Вот почтенные поселяне войны!» [43]. Показательно, что крестьяне в разговоре с военными ругали не своего барина, а поляка — управляющего именем, который «отобрал у них всякое оружие при приближении французов» [44], видимо, из опасений, что оно будет обращено и против него. Однако даже если бы это и случилось, причиной тому стала бы не классовая ненависть, а неприязнь русских к полякам, усилившаяся благодаря зверствам польских союзников Наполеона.

Следовательно, на основе мемуарных источников можно сделать вывод, что патриотизм был основной чертой провинциального общественного сознания в 1812 г. Ни среди дворянства (как бы офранцузено оно ни было), ни среди крестьян не наблюдалось пораженческих настроений; ни те, ни другие не связывали дальнейшее развитие российского общества с французской оккупацией. Напротив, победа над общим врагом должна была принести крестьянам, как они считали, освобождение от крепостной зависимости, поэтому, не отставая от «своих» помещиков, они шли в ополчение или начинали партизанскую войну. На такой же результат войны надеялась и прогрессивная часть дворянства. Таким образом, патриотический подъем 1812 г. охватил все слои русского общества, а исключения лишь подтверждают эту общую тенденцию.

Литература и источники

1. Алексеев В.П. Народная война // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 229.
2. Там же. С. 230.
3. Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 33.
4. Там же. С. 211.
5. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 648.
6. Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году // Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 1: Историческая проза. С. 386.
7. Вигель Ф.Ф. Записки... Кн. 2. С. 651.
8. Там же. С. 660–661.
9. Там же. С. 653–654.
10. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 7.
11. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // Тарле Е.В. Сочинения: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 637.
12. Вигель Ф.Ф. Записки... Кн. 2. С. 662.
13. Писатель А.И. Герцен отзывался о нем так: «Человек злоречивый, самолюбивый, обидчивый, колкий и умный». Цит. по: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 488.
14. Вигель Ф.Ф. Записки... Кн. 2. С. 654.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же. С. 655.
18. Там же. С. 666.
19. Там же. С. 660.
20. Там же.
21. Троицкий Н.А. 1812: Великий год России... С. 217.
22. Там же.
23. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию... С. 620.
24. Там же. С. 619–620.
25. Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию... С. 621.
26. Троицкий Н. А. 1812: Великий год России... С. 218.
27. Шишкин И. Т. Бунт ополчения в 1812 году // Заря. 1869. № 8. С. 115.
28. Там же. С. 119.
29. Там же. С. 121–122.
30. Там же. С. 147.
31. Там же. С. 150.
32. Вигель Ф.Ф. Записки... Кн. 2. С. 690.
33. Там же.
34. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию... Кн. 2. С. 627–628.
35. Там же. С. 627.
36. Вигель Ф.Ф. Записки... Кн. 2. С. 690–691.
37. Там же. С. 652.
38. Там же. С. 653–654.

39. Там же. С. 652.
40. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... С. 8.
41. Там же.
42. Там же. С. 8–9.
43. Там же. С. 13–14.
44. Там же. С. 14.

ВОЛОГОДСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ — УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Их было всего трое... Эти трое храбрых героя-губернатора бились с французами, ходили с армией в заграничный поход, вступали в Париж, освобождая Европу от тирании Наполеона.

Первый из них — Иван Иванович Попов. Сын обер-офицера, он начал военную службу сержантом, участвовал в итальянском походе Генералиссимуса А.В. Суворова. Отечественную войну 1812 г. подполковник И.И. Попов встретил командиром Лейб-Гвардии Литовского полка, бился под Смоленском и на поле Бородина. Здесь он был контужен пулей в грудь. Пуля XIX века — это не современная винтовочная пуля, это — свинцовый шар величиной с ядреный грецкий орех. Угодив в человека, такой «орех» рвал и дробил все на своем пути: сосуды, мышцы, сухожилия, кости. Получив сокрушительный удар в грудь, подполковник И.И. Попов не оставил поля сражения, но, придя в себя, продолжал командовать вверенным ему полком. Господь спас Ивана Ивановича Попова, как под Полтавой спас царя Петра Великого, которому пуля ударила в висевший на его груди чудотворный крест.

Через два месяца в бою под Малоярославцем И.И. Попов был ранен вторично. Пуля пробила ему колено, но всю Отечественную войну он прошел до конца, в заграничном походе осаждал Гамбург и с армией вступил в Париж.

В этот же день на Бородинском поле находился другой будущий вологодский губернатор — Дмитрий Николаевич Бологовский. В детские годы он числился сержантом Гвардии, а действительную военную службу начал прапорщиком в Измайловском полку. После Бородинского сражения до конца войны был начальником штаба корпуса генерала Д.С. Дохтурова. В Битве народов под Лейпцигом он был ранен. Уже при Императоре Николае Павловиче Д.Н. Бологовский уволился на службу, но вернулся и стал вологодским губернатором. В августе 1839 г. Д.Н. Бологовский по Высочайшему Повелению отправился на маневры в поля Бородинские. В том году проводилось первое официальное празднование Бородинской годовщины. На батарее Николая Раевского был открыт монумент.

...Теперь настал черед рассказать о самом прославленном среди вологодских губернаторов. Только у него были такие три боевые награды:

*Балакшин Роберт Александрович (Вологда) — член Союза писателей России, прозаик, публицист.

орден Святого Георгия 4-й степени, орден Святого Владимира 4-й степени с бантом и золотая шпага «За храбрость». Это Степан Иванович Кузьмин.

Дворяне в XVIII в. поступали на военную службу рано. Русские дети с младых ногтей приучались служить Отечеству. Степан Иванович Кузьмин — удивительная личность. Более тридцати больших и малых боев, осад, штурмов, стычек, грозивших смертью, занесено в его формулярный список. Для нас это невероятно, но он в возрасте двенадцати лет участвовал в штурме Измаила, о котором сам А.В. Суворов сказал, что на такой штурм можно решиться лишь раз в жизни.

...В утреннем сумраке штурмующие колонны тихо подошли к стенам Измаила. Пронзительно и призывно трубит труба. Для кого-то ее боевой клич — предвестие славы, а для кого-то — стон погребальной тризны. Фашинами закидывается крепостной ров, с крепостных стен гремят пушки и ружья. К стенам подняты громадные саженные штурмовые лестницы и первые храбрецы ринулись наверх. Все неудержимей напор русских чудо-богатырей, вот уже они рубят и колют штыками врагов на измаильских стенах, вот поток солдат хлынул со стен на улицы.

Что может быть страшнее штурма, перешедшего в рукопашную схватку, когда тысячи людей на крепостных стенах, в узких измаильских переулках режут друг друга тесаками и ножами, колют штыками, рубят саблями... Что же мог делать там, среди штурмующих колонн, двенадцатилетний мальчик-офицер? И ведь он не смотрит на побоище со стороны, он в гуще происходящего. Поверить в это невозможно, во всяком случае, трудно. Так и хочется воскликнуть: «Не может быть! Ему всего двенадцать лет, это же по нынешним понятиям: ребенок. Каким уже в детстве мужественным сердцем обладал Кузьмин! Для слабого человека увидеть этот штурм, эту резню, эту нечеловеческую свирепость — такое потрясение, что от него впору сойти с ума, и люди сходили». Но строчки формулярного списка бесстрастно свидетельствуют об участии С.И. Кузьмина в штурме. Мальчик выжил в штурме и не сломился душой, а продолжал служить дальше. Вот какой герой прибыл в Вологду на должность губернатора в 1834 г.

Все трое — И.И. Попов, С.И. Кузьмин, Д.Н. Бологовский — в 1814 г. под знаменами победоносной Императорской армии вступили в Париж.

С последним из этих губернаторов дружил Александр Сергеевич Пушкин. Д.Н. Бологовский познакомился с ним еще в годы юности поэта и не терял приятельских связей всю жизнь. Дмитрия Николаевича в 1820 г. произвели в генерал-майоры и назначили командовать бригадой 16-й дивизии, стоявшей в Кишиневе. Здесь он и познакомился с Пушкиным, который был Александром Первым сослан на юг. Историк И.П. Липранди вспоминал: «У Бологовского Александр Сергеевич часто обедал, вначале по зову, но

потом был приглашен раз и навсегда. Стол и его непринужденность, умный разговор хозяина, его известность очень нравились Пушкину...».

Попов Иван Иванович (1776–1825)

Вологодский губернатор в 1818–1821 годах

1776 — родился в семье обер-офицера.

1787, 1 декабря — поступил на службу в Троицкий полк сержантом.

1792 — переведен во 2-й Московский полевой батальон (позднее — Московский гарнизонный полк).

1794 — назначен адъютантом с заслугой «за прапорщичий чин двух лет».

1794 — присвоено звание поручика.

1797, 2 мая — получил звание капитана.

1797, 7 октября — с генерал-майором и Мальтийским командором князем Волконским командирован на остров Мальта.

1799, 20 марта — участник походов в Галиции, Венгрии, Италии под командованием Генералиссимуса А.В. Суворова.

1799, 5 августа — после битвы при Нови участвовал в преследовании неприятеля до местечка Аркуз.

1799, 9–31 августа — находился при блокаде и взятии крепости Тортона. После того был в крейсеровке в Средиземном море около острова Мальта и в Генуэзском море (ныне Генуэзский залив).

1799, 13 октября — переведен в Московский гренадерский полк.

1799, 27 сентября — получил звание майора.

1803, 30 ноября — уволен от службы с пожалованием в подполковники.

1805, 13 января — принят на службу и определен в Екатеринбургский гренадерский полк, в составе которого принял участие в боевых походах.

1805–1806 — участвовал с боями в Австрии, Пруссии, Силезии, Моравии, Венгрии.

1806, 3 декабря — назначен командиром 38-го Егерского полка.

1806, 14 декабря — участвовал в сражении против французов при Голомене.

1806 — за участие в боях за Голомен награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

1807 — рождение первого сына Николая.

1809, 22 мая — назначен бригад-майором при армии Главнокомандующего князя Голицына и находился в Галиции.

1811, 26 октября — назначен командиром Томского пехотного полка.

1811, 19 марта — переведен в Лейб-Гвардии Литовский полк с оставлением в прежней должности.

1811 — рождение второго сына (по данным формулярного списка его также именовали Николаем^{*}).

1812, 5 августа — участник сражения при городе Смоленске.

1812, 26 августа — участник сражения при селе Бородино, за что награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

1812, 12 октября — участник сражения при городе Малоярославце, за что награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

1812, 20 января — присвоено воинское звание полковника.

1813, 1 февраля — назначен начальником штаба корпуса генерала Д. С. Дохтурова.

1813, 3 августа – 1814, 1 февраля — находился в княжестве Варшавском, участвовал при осаде и взятии крепости Гамбурга, был в походах в Саксонии, Баварии, Франции.

1814 — за участие в боях за Гамбург награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

1814 — с женой, дочерью отставного генерал-майора Анной Ивановой Страховой, и сыновьями жил в имении матери в Костроме.

1815, 5 июля — за прилежную службу награжден земельным участком в две тысяч десятин земли.

1816, 25 августа — дозволено арендовать земли в Курляндии сроком на двенадцать лет.

1816, 30 августа — удостоен звания генерал-майора.

1816, 18 ноября — назначен командиром 1-й бригады 24-й пехотной дивизии.

1818, 18 марта — поведено быть вологодским губернатором с переименованием в действительные статские советники.

1819, 12 декабря — участник церемонии открытия портрета Императора Александра Первого в Вологодском губернском Дворянском собрании, где Государь имел честь быть годом ранее.

1819, 31 декабря — будучи в Санкт-Петербурге получил от Главнокомандующего северной столицы депешу об оказании помощи и всяческого пособия санкт-петербургскому купцу Самсону Суханову, отправленному в Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую губернии для найма рабочих людей для добычи гранитного камня для окончания перестройки Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге.

1821 — уволен в бессрочный отпуск.

1821, 26 апреля — назначен астраханским губернатором.

^{*}По традиции именем первенца в русских дворянских семьях называли второго ребенка в том случае, если первый умирал.

1824, 5 ноября — за многолетнюю безупречную службу награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

1825, 3 июня — скончался в Астрахани.

Источники: ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 772; ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 331, 343, 420; ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. Л. 395, 459, 578, 636; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 981. Л. 48–49.

Литература: Северная почта. 1819. № 24; Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 14. С. 548.

Кузьмин Степан Иванович (1778 — после 1841)

Вологодский губернатор в 1834–1836 годах

1778 — родился в дворянской семье в родовом имении в селе Кандряево Судогодского уезда во Владимирской губернии.

1785, 1 января — поступил на службу сержантом в Киевский гарнизон.

1789, 10 июля — переведен на службу в Ново-Тульский пехотный полк.

1790, 21 февраля — переведен в Астраханский гренадерский полк.

1790, 11 декабря — служба под командованием Генералиссимуса А.В. Суворова, участник штурма крепости Измаил.

1794 — участник военного похода в Польшу, участник сражений при Крупчицах, под Брест-Литовском, при Кобыльниково, при штурме Варшавской Праги и взятии Варшавы.

1794, 24 октября — удостоен чина прапорщика.

1794, 22 сентября — присвоено звание подпоручика.

1798, 8 марта — удостоен чина поручика.

1798, 29 октября — присвоено звание штабс-капитана.

1803, 3 марта — переведен на службу в Лейб-гренадерский полк.

1803, 26 апреля — присвоено звание капитана.

1803, 20 ноября — участник сражения при Аустерлице.

1803, 17 августа — по прошению уволен от службы в чине майора с мундиром.

1806, 13 октября — вновь принят на службу комиссионером 8-го класса.

1812, 29 марта — переведен на службу капитаном в Лейб-Гвардии Гренадерский полк адъютантом.

1812 — участник сражений против французских войск при Летице, Волковыске, Ружне в Беловежском лесу, при изгнании неприятеля из пределов России.

1812 — награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

1812 — награжден орденом Святой Анны 2-й степени и Королевским прусским орденом.

1813 — участник заграничного похода русской армии до Парижа.

1813, 5 января — удостоен чина майора.

1813, 21 февраля — произведен в подполковники.

1813 — участник капитуляции австрийских войск около Варшавы, участник сражений при блокаде и взятии крепости Ченстоховой, при занятии Лиенца, сражений при селениях Штадниц и Кайзерсвальд, деревнях Эйхольц и Кацбах, преследования неприятеля, занятия городов и сражений при Банслау, Бауцене, Герлихе и Рехенбахе в Саксонии, Пуль-свице, Грейсельгейме и Кельме, участник генерального сражения при Лейпциге.

1813, 6 октября — присвоено звание полковника.

1814 — участник в сражений во Франции.

1814, 23 февраля — награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

1814, 16 декабря — награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

1815, 1 июня — назначен командиром Белозерского пехотного полка.

1817 — рождение в первом браке сына Ивана (по достижении отроческого возраста учился в Пажеском корпусе в Петербурге).

1822, 23 февраля — удостоен чина генерал-майора и назначен командиром 2-й бригады 5-й пехотной дивизии.

1827 — рождение во втором браке с дочерью отставного полковника Екатериной Александровной Лопухиной сына Степана.

1828 — находился в походах в Молдавии и Валахии против турок.

1829, 14 марта — назначен командиром 3-й бригады 17-й пехотной дивизии.

1829, 17 октября — назначен командиром 2-й бригады 9-й пехотной дивизии.

1829, 4 февраля — назначен командиром 3-й бригады 10-й пехотной дивизии.

1829 — рождение во втором браке сына Андрея.

1831 — участник польского похода.

1832, 11 января — уволен от службы «по преклонности лет и расстроенному здоровью» с мундиром и пенсионом полного оклада.

1834, 7 марта — назначен вологодским губернатором с переименованием в действительные статские советники.

1835, 10 января — перед выборами предводителя и других членов Вологодского губернского Дворянского собрания произнес речь к дворянству: «Благородное дворянство! Причина настоящего собрания вашего вам известна. Вы перед Богом, Творцом неба и земли. В храме Его должны торжественно дать клятву в том, что на следующее трехлетие в единодушном согласии и тишине... потщитесь избрать для общего блага новых подвижников в правосудии, исполнителей закона и порядка надежнейших.

Принеся присягу в том, постарайтесь оправдать и точным исполнением докажете величие истинного благородства вашего...

Благородное дворянство! Я подобно вам люблю истинную славу и честь. Я не щадил пролить кровь мою на поле брани и чести против врагов Отечества. Раны ослабили мои силы для подвигов военных, но дух истинного усердия чрез то не изменился. Я готов и обязан вместе с удостоенными вашим избранием всемерно пеюся о благе Всемилостивейше вверенной мне губернии. В тишине и спокойствии всех и каждого из ея обитателей»*.

1836, 7 февраля — уволен от службы.

После 1836 — награжден орденом Святого Станислава 1-й степени.

После 1841 — скончался.

Источники: ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1086. Л. 1; ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 650. Л. 1; Д. 659; ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 126. Л. 8, 12, 14, 15; ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 59. Л. 624; РГВИА. Ф. 395. Оп. 20. Д. 599. Л. 6–10.

Литература: Список кавалеров российских императорских орденов. СПб., 1831. Ч. 1. С. 140; Ч. 2. С. 22; Северная пчела. 1834. № 56; 1836. № 44; Вологодские губернские ведомости. 1881. № 63.

Бологовский Дмитрий Николаевич (1775–1852)

Вологодский губернатор в 1836–1841 годах

1775, 30 апреля — родился в Москве, происходил из семьи потомственных дворян, получил домашнее образование.

1781 — по традиции, в юном возрасте поступил на службу сержантом в Лейб-Гвардии Преображенский полк.

1793 — переведен на службу в Лейб-Гвардии Измайловский полк.

1793 — поступил на службу в Лейб-Гвардии Измайловский полк прапорщиком, в скором времени произведен в подпоручики.

1799 — присвоено звание поручика.

1799 — присвоено воинское звание капитана.

1802 — отставка, уволен от службы с правом ношения мундира.

1812, июнь — добровольное вступление на воинскую службу в связи с вторжением в российские пределы наполеоновских войск.

1812, 24–26 августа — участник Бородинского сражения.

1812, 2 октября — по приказу Главнокомандующего русской армией М.И. Голенищева-Кутузова прикомандирован к Московскому пехотному полку.

*Справедливости ради стоит заметить, что точь-в-точь такую же речь произнес перед выборами 1822 г. тогдашний губернатор И.И. Попов.

1812, 12 октября — участник сражения под Малоярославцем.

1812, ноябрь — назначен дежурным штаб-офицером 6-го пехотного корпуса.

1812, декабрь — прикомандирован дежурным штаб-офицером при генерале от инфантерии Д.С. Дохтурове.

1813, 4–6 октября — участник битвы под Лейпцигом, получил ранение.

1813, 7 октября — за проявленные храбрость и героизм в сражении под Лейпцигом награждён орденом Святого Георгия 4-й степени.

1814 — участник осады и взятия Гамбурга, баталии при Магдебурге, награжден медалью в память об Отечественной войне 1812 года.

1818 — определен на службу в Московский гренадерский полк полковником со старшинством.

1818 — назначен командиром Малороссийского гренадерского полка.

1818 — пожалован чином генерал-майора, назначен командиром 2-й бригады 22-й пехотной дивизии, впоследствии переведен командиром 1-й бригады 16-й пехотной дивизии.

1823 — уволен в отпуск для «излечения болезни с состоянием по армии».

1831 — участник мероприятий по борьбе с эпидемией холеры в Москве, за умелое руководство награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

1834, 31 января — отставка.

1836, 20 февраля — назначен вологодским губернатором.

1836, 18 апреля — присвоено звание генерал-лейтенанта.

1837, 9 мая — вологодскому губернатору Д.Н. Бологовскому от генерал-адъютанта А.А. Кавелина, сопровождавшего Наследника Цесаревича, путешествовавшего по России и имевшего первоначальное намерение посетить Вологду поступило письмо: «Милостивый государь Дмитрий Николаевич! Его Императорское Высочество Государь Наследник в путешествии своём... предполагал посетить и губернский город Вологду. Но состояние дорог, непроходимых в настоящее время года по сему тракту, принудило Его по недостатку времени переменить направление пути своего и Вологда была выключена из числа тех мест, которые желал он увидеть. Его Высочество поручил мне изъяснить Вашему Превосходительству и чрез Вас и всем сословиям вверенной Вам губернии, что для Наследника было весьма прискорбно лишиться Себя удовольствия познакомиться с ними лично; тем более, что Он везде на пути в той радости и в том доброжелательстве, с каким встречает его добрый русский народ, видит, как любим Великий Государь, благословенно царствующий Его родитель. Сим чувство было бы Ему приятно поделиться и с жителями Вологды; Он наде-

ется, что потерянное теперь будет для Наследника вознаграждено после, и что он, со временем посетя Северные области России, увидит и Вологду».

1837, 24 мая — последовал ответ А.А. Кавелину: «Отношение Вашего Превосходительства с эстафетой из Ярославля я имел честь получить и нисколько не медля, все сословия извещены мной о милостивом внимании Его Императорского Высочества, коим изволил Он удостоить и утешить всех нас, крайне опечаленных.

Народ Высочайше вверенной мне губернии есть коренной русской, купечество весьма благонамеренное, а дворянство не только благонаравно, но и, можно сказать, благочестиво. Вот те свойства, на коих основана безпредельная преданность к Престолу, а вслед затем и к Его преемнику, которого в восторге своем Вологда мнила иметь счастье принять как первая представительница огромнейшей в свете Державы, принося в дань ему искреннейшее изливание чувств приверженности все сословия одушевляющие.

Но если Промыслу не угодно было на сей раз даровать нам сего блага, тем не менее мы надеждой к будущему с благословениями сопровождаем путь Его Императорского Высочества, а Вам, Ваше Превосходительство, покорнейше просим сие изъявление и горя и утешения нашего повергнуть к стопам Государя Наследника».

1838 — при участии вологодского губернатора осуществлены подготовка и выход в свет первой регулярной губернской газеты «Вологодские губернские ведомости» (редактор газеты — В.И. Соколовский).

1839, апрель — награждён орденом Святого Владимира 2-й степени.

1839, 17 августа — участник праздничных маневров с участием Императора на Бородинском поле в память победы русской армии над Наполеоном.

1839, 30 декабря — назначен сенатором в Первое отделение 5-го Департамента Правительствующего Сената.

1839 — по распоряжению губернатора Д.Н. Бологовского на пожертвованные суммы на Сенной площади разбит Александровский сад.

1841 — переведен во Второе отделение 5-го департамента Правительствующего Сената.

1843 — переведен в Первое отделение 6-го Департамента Правительствующего Сената.

1848, 20 июля — назначен членом комиссии по строительству храма Христа Спасителя в Москве.

1849 — участник мероприятий по борьбе с эпидемией холеры в Москве.

1852, 27 августа — скончался в Москве, погребен на кладбище Симонова монастыря.

Источники: ГАВО. Ф. 14. Оп.1. Д. 832. Л. 1; ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 736. Л.339; Д. 895. Л. 4; ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 908; Д. 1285. Л. 1; ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 59. Л. 1045; ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Д. 292. Л. 106; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7302. Л. 361–365; История Правительствующего Сената. СПб., 1911. Т. 5. С. 114.

Литература: Северная пчела. 1836. № 45; Вологодские губернские ведомости. 1839. № 4; Список кавалеров Российских Императорских орденов. СПб., 1831. Ч. 1. С. 54 (написано «Бальхавский Дмитрий Николаевич»); Милорадович. Список начальников губерний. СПб., 1854. С. 6; Лукомский Г. К. Вологда в ея старине. Вологда, б. г. С. 288; Московский некрополь. М., 1907. Т. 1. С. 123; Русский биографический словарь. СПб, 1908. С. 177; Кошелев В.А. Вологодские давности. Архангельск, 1985; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 44.

Е.В. Семенищева*

КНЯЖЕСКИЙ РОД ВАДБОЛЬСКИХ В РУССКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

По мнению одного из военных историков начала XIX в., «1812 год единственен в наших летописях; в нем более соберешь важных подвигов, нежели в ином важном столетии» [1]. Действительно, в тысячелетней истории православной России Отечественная война 1812 г. является временем ярчайшего взлета национального самосознания и проявления подлинного русского патриотизма в его первом и главном значении — «любви к Отечеству».

Яркой страницей стала с наполеоновской Францией и в истории княжеского рода Вадбольских, поставившего в 1812 г. под знамена Отечества одиннадцать своих представителей. Из них лишь четверо к началу военных действий состояли на службе в российской Императорской армии. Семеро Вадбольских откликнулись на подписанный 6 июля 1812 г. Императором Александром Первым «Манифест о вооружении России»: «...Взываем ко всем Нашим верноподданным <...> единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений».

Особый интерес к роду князей Вадбольских в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике возник в 1992 г., когда через Российский Фонд Культуры музей, расположенный непосредственно на поле Бородинской битвы, получил в дар серебряные кресты-ковчезцы с частицами мощей раннехристианских мучеников — святых Феодора Стратилата, Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста. Один крест был сработан русскими мастерами в XVIII в., другой — изготовлен в Москве серебряных дел мастером Михаилом Карпинским в первой четверти XIX в. В течение нескольких столетий названные святые покровительствовали княжескому роду Вадбольских. По преданию, сохраненному в семье дарительницы — Антонины Тихоновны Пилацкой (Вадбольской по материнской линии), во время Отечественной войны 1812 г. крестами владел один из ее титулованных предков, принимавший участие в боевых действиях против французов.

Следует сказать, что и в предшествующей истории рода было немало замечательных фактов, событий и лиц, позволяющих понять, из каких глубин родовой памяти произрастали в русском сердце любовь к отеческой земле и готовность принести за нее в жертву и самую жизнь?

*Семенищева Елена Васильевна (Бородино, Московская область) — заведующий отделом Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

Вадбольские были потомками некогда владетельных белозерских князей (впрочем, почему были? род и поныне не угас). Само прозвание их является напоминанием о месте, откуда произросла эта ветвь обширного родословного древа белозерского княжеского дома. Герб Вадбольских представляет собой следующее: в щите, имеющем голубое поле, изображены золотой крест, под ним серебряная луна, рогами вверх обращенная и в нижней части щита две рыбы, плавающие крестообразно в реке. Щит покрыт мантией и шапкой, которые принадлежали княжескому достоинству [2]. Общая эмблема — волны с рыбами — есть отличительная черта гербов всех княжеских родов, имеющих географически свою родовую связь с древнейшим городом в Северной Руси Белоозером: Шелешпанских, Сугорских, Кемских, Карголомских, Ухтомских, Андомских, Вадбольских, Белосельских [3].

Первоначальной отчиной Вадбольских была волость Вадболи или Вадболы. Земли, выделенные их родоначальнику, князю Ивану Андреевичу располагались у самого Белого озера. Отчая земля рода стала иметь со временем довольно обширную географию. Князья были записаны в пятую часть родословных книг Вологодской, Владимирской, Казанской, Калужской, Костромской, Московской, Полтавской, Рязанской, Ярославской и других губерний [4]. Еще в XIX в. на «карте землевладений князей Вадбольских по уездам» значился город Белоозерск [5]. В Тульской области и сейчас существует населенный пункт Вадбольское (ранее село называлось Покровское-Вадбольское), напоминающее о его владельцах, проживавших здесь начиная с XVII в.

Вадбольские всегда гордились своими белозерскими корнями и свято чтили отца первого белозерского князя — святого благоверного Василька Константиновича Ростовского. В годину страшного для Руси испытания, каким стало монголо-татарское нашествие, он, выступив против полчищ Батые, был взят в плен на реке Сити. Татарам хотелось, чтобы русский князь принял их веру и воевал вместе с ними против своих сородичей. Благородный Василько, не склонившись ни на ласки, ни на угрозы, 4 марта 1238 г. принял мученическую смерть, за что и был причислен Русской Православной Церковью в лику святых [6]. Небесными покровителями двух сыновей князя Василька Константиновича были первые русские святые — князья-страстотерпцы Борис и Глеб. Младший сын Глеб Василькович после смерти отца в удел получил город Белоозеро со всеми прилегающими к нему территориями.

Конец монголо-татарского периода пришел лишь через полтора столетия после славной кончины благоверного князя Василька Константиновича. В Куликовской битве пали смертью храбрых белозерские князья

Федор Романович и его сын Иван. Достоверных сведений об общем количестве участвовавших в Куликовской битве белозерцев нет, но вот какво сообщение летописца: «Приидоша же князи белозерския, подобни суть воинам быти, велми бо доспешно и конно войско их» [7]. Во время сражения белозерцы находились в главном полку великого князя Дмитрия Ивановича, который сам «первее всех начат на татар наступати и много бился» [8]. По окончании битвы его, раненого, долго не могли отыскать. Более того, великого князя посчитали убитым, найдя тело князя Федора Белозерского, который был очень похож на него.

Самая ранняя родословная роспись князей Вадбольских, которая датируется 1686 г., была обнаружена в Российском государственном архиве древних актов в Москве (см. приложение) [9]. В ее начало поставлено имя великого князя Василька Константиновича Ростовского. Многие последующие поколенные росписи также начинаются со святого благоверного князя Василька Константиновича. Обязательным образом в них упоминается и подвиг белозерских князей на ратном Куликовом поле: «князь Федор и с сыном своим со князь Иваном убиты на дону».

Первый князь Иван Андреевич Вадбольский был внучатым племянником героя Куликовской битвы. Сам он тоже служил в ратном строю и был убит под Суздалем, все четыре сына его предводили в качестве воевод полки Ивана Грозного в походах: казанском, шведском, полоцком, а один из его внуков — Иван — геройски пал при взятии Казани, и имя его было вписано для вечного поминовения в синодики по царскому указу.

Этот факт, вероятно, можно отнести к одному из тех Высочайших знаков внимания, о которых говорит «Общий гербовник дворянских родов»: «Князья Вадбольские многие, как российская история показывает, служили в боярех и других знатных чинах, жалованы были от государей поместьями и другими знаками монарших милостей» [10]. В 1689 г., более чем за столетие до выхода «Гербовника», князю Алексею Ивановичу Вадбольскому была пожалована вотчина «...за службы предков, и отца ево, и за ево <...> и чтоб на их службы дети ево, и внучата, и правнучата, и кто по нем рода ево будет, взирающе, также за веру христианскую, и за святых Божия церкви, и за Нас Великих Государей, и за свое Отечество тщались стоять мужественно, со усердием» [11]. Пусть форма изложения в жалованной грамоте стандартна, но с уверенностью, можно говорить, что слова царевы грамоты прошли сквозь сердца не одного поколения князей Вадбольских, многие из которых за Веру, Царя и Отечество стояли «мужественно, со усердием».

Примером такого беззаветного служению Отечеству стала жизнь сына владельца этой жалованной грамоты — князя Василия Алексеевича

Вадбольского, стольника двугрешников — Иоанна и Петра Алексеевичей. Этот князь Вадбольский как сподвижник Петра Великого, герой Северной войны предстает удивительно обаятельным человеком в романе И.И. Лажечникова «Последний Новик»: «Смутное, рябоватое неправильное лицо его было залито добротою и благородством души. Слова его, не подслащенные, без украшений, считались вернее крепостных актов, <...> дружба его была не ходячая монета: ею дорожили, как бесценным оружием, которое на важный случай берегут» [12]. На страницах романа находим любопытное подтверждение тому, что один из князей Вадбольских владел крестом-ковчезцем еще в XVIII в. **Князь Василий Алексеевич**, полковник, командир драгунского полка, не расстается с необыкновенной величины наперсным серебряным крестом с ладанкой, подаренным ему бабушкой и крестной матерью Анфисой Патрикеевной со словами: «Вражья сила тебя никогда не одолеет, пока будешь носить его!». Свой полк князь В.А. Вадбольский водил в атаки с призывом: «С крестом и молитвой за мной, друзья! <...> За нас Господь с его небесными силами» [13].

Удивительно созвучны этому призыву слова, которыми заканчивается уже цитировавшийся Манифест Александра Первого: «Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют!». Они переносят нас в эпоху, когда в Отечестве нашем гремела «гроза двенадцатого года», в эпоху ставшую временем испытания веры и государственной крепости России.

Кто из одиннадцати князей Вадбольских, приняв тогда в руку оружие, вооружился и покровительством сил небесных, сохраняя у сердца крест с мощами святых?

Повествование о Вадбольских, в биографию которых оказался вписанным 1812 год, следует начать с генерал-лейтенанта, кавалера ордена святого Георгия 3-й степени, князя Ивана Михайловича Вадбольского.

Приложение

(Л. 270) Копия с справки разрядного Архива, учиненной по прошению отставного гвардии прапорщика князь Андрея князь Михайлова сына Вадбольского, и противу предъявленной от него поколенной росписи о службах и о родословной росписи фамилий князей Вадбольских в которой показано

(Л. 271) 2-е в поданной в бывшей в разряд от фамилий князей Вадбольских родословной росписи

Род князей Вадбольских<их>.

Великаго Князя Василка Константиновича <Р>осто<в>скаго дети:

Князь Борис Ростовский, князь Глеб бело<зер>ской, а у князя у Глеба

Васильковича белозерскаго дети: князь демьян бездетен, да князь Михайло, а у князя Михайла Глебовича дети: князь Федор бездетен, да князь роман, а у князя Романа Михайловича дети: князь Федор да князь Василей, и князь Федор и с сынос своим со князь Иваном убиты на дону и от них поколения не пошло, а у князя Василья Романовича дети: князь Юрей, князь Афанасей, князь Семен, князь Иван, а у князя Юрья Васильевича дети: князь давид бездетен, да князь Андрей, а у князя Андрея Юрьевича дети: князь Семен бездетен да князь Иван Вадбольской, а у князя Ивана Андреевича Вадбольскаго дети: князь Константин, князь Григорей, князь Михайло, князь Михайло ж грешной, бездетен, а у князя Константина Ивановича дети: князь Петр, князь Иван, князь Борис — все бездетны, а у князя Григорья Ивановича Вадбольскаго дети: князь Тимофей бездетен, князь Федор Чеснок, князь Александр, князь Иван, князь Дмитрей, и князь Иван и князь Дмитрей оба бездетны, а у князя Федора Григорьевича Чеснока дети: князь Григорей, князь Михайло оба бездетны, а у князя Александра Григорьевича дети: князь Иван Большой бездетен, князь Иван Меньшой, князь Семен бездетен, князь Тимофей, а у князя Ивана Меньшого Александровича дети: князь Матвей, князь Борис бездетен, а у князя Матвея Ивановича дети: князь Иван, князь Михайло, а у князя Ивана Матвеевича сын Яков бездетен, а у князя Михайлы Матвеевича дети: князь Лука, князь Борис, а у князя Луки князь Михайлова сына дети: князь Тимофей, князь Данило, а у князя Бориса князь Михайлова сына сын князь Иван, а у князя Тимофея Александровича дети: князь Василей, князь Богдан бездетны, князь Иван, а у князя Ивана Тимофеевича дети: князь Алексей, князь Михайло, а у князя Алексея князь Иванова сына дети: князь Василей, князь Иван, а у князя Михайла Ивановича Вадбольскаго дети: князь Иван убит под Казанью, князь Володимер, а у князя Ивана Михайловича, кой убит под Казанью, сын князь Михайла, а у князя Ивана Михайловича дети: князь Иван, князь Семен, а у князя Ивана Михайловича сын князь Воин бездетен, а у князя Семена Михайловича дети: князь Петр, князь Федор, а у князя Петра Семеновича сын князь Иван, а у князя Ивана Петровича сын князь Михайло бездетен, а у князя Федора Семеновича сын князь Федор же, а у князя Федора князь Федорова сына дети: князь Степан, князь Михайло, князь Федор, князь Сила, а у князя Михайла дети: князь Андрей, князь Иван, а у князя Володимера Михайловича дети: князь Василей, князь Михайло, а у князя Василья Володимировича дети: князь Иван, князь Семен бездетен, а у князя Ивана Васильевича дети: князь Данило, князь Михайло, а у князя Данила Ивановича дети: князь Семен, князь Матвей, а у князя Семена князь Данилова сына дети: князь Степан, князь Алексей, а у князя Матвея князь Данилова сына дети: князь Семен,

князь Иван, князь Никита, князь Федор, князь Петр, князь Василей, а у князя Степана дети: князь Михайло, князь Володимир, а у князя Михайла Володимировича сын князь Афанасей, а у князя Афанасья Михайловича сын князь Андрей бездетен, а у князя Михайла Ивановича дети: князь Григорей, князь Афанасей, а у князя Григорья сын князь Семен, а у князя Афанасья сын князь Иван.

(РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 77. Л. 270–271).

Литература и источники

1. Писарев А.А. Военные письма и замечания, относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим, писанные генерал-майором Писаревым... М., 1817.

2. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1797. Т. 4. С. 1–2.

3. По генеалогии означенных княжеских фамилий в последнее время появилось немало интересных публикаций. См.: Русские летописи о белозерских князьях и крае (до XV века) / Публ. Ю.С. Васильева // Белозерье: Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 2. С. 47–73; Грязнов А.Л. Князья Шелешпанские в XV–XVII веках // Там же. С. 93–117; Синодик князей Шелешпанских / Публ. Ю.С. Васильева, А.Л. Грязнова // Там же. С. 118–127; Кроме того, интересным представляется также подбор редколлекцией краеведческого альманаха «Белозерье» во втором его выпуске сведений о родословиях белозерских князей по родословной книге редакции начала XVII века (С. 74–76), а также по «Бархатной книге» конца XVII века (С. 77–92). — *Прим. ред.*

4. Государственный исторический музей (далее — ГИМ). Отдел письменных источников (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 484. Оп. 1. Д. 8.

5. ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 216. Бумаги генеалога Ф.П. Минюжского. Следует отметить, что в настоящее время названный фонд, к сожалению, не описан.

6. О смерти ростовского князя Василька Константиновича в Золотой Орде сообщает ряд русских летописных повествований.

7. Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 130.

8. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 147.

9. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 286. Оп. 2. Д. 77. Л. 270–271. Следует отметить, что упомянутый в этом исследовании источник вводится в научный оборот впервые, ранее он исследователями нигде не использовался и не публиковался.

10. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1797. Т. 4. С. 1–2.

11. Ювеналий (Войсков). Поколенная роспись или родословие князей Вадбальских... М., 1792. С. 28.

12. Лажечников И.И. Последний Новик. М., 1990. С. 153.

13. Там же. С. 160, 285.

Е.Л. Демидова*

ЭПОХА НАПОЛЕОНОВСКОГО НАШЕСТВИЯ В УСТЬ-СЫСОЛЬСКИХ ДОКУМЕНТАХ

В ходе подготовки книги об участниках Отечественной войны — уроженцах Вологодского края — неоднократно встречались упоминания об уроженцах Усть-Сысольского уезда или о тех, кто работал в учреждениях Усть-Сысольска, о сборе средств от усть-сысольских купцов и мещан на оборону Отечества, о том, как в уезде отмечался юбилей — столетие победы над Наполеоном. И это неудивительно, поскольку Усть-Сысольский уезд, бывший частью Вологодской губернии, был также как и другие уезды, вовлечен в события, связанные с замечательной страницей в истории России — Отечественной войной 1812 г.

Особый интерес представляют сведения, содержащиеся в фонде канцелярии Вологодского губернатора. В делах за 1912 г. есть переписка губернских и уездных властей по поводу высылки сведений о живущих в уездах потомков участников войны. В бумагах, присланных в Вологду из Усть-Сысольска, сообщаются фамилии простых солдат — участников этой войны. К сожалению, таких фамилий не так много, но и одно имя — это настоящая археографическая находка.

Итак, *Попов Михаил Феофилович* (1789–1869) — уроженец Подъельской волости Усть-Сысольского уезда, из крестьян, участник Отечественной войны 1812 г., рядовой. Сведения о нем сообщены его родственникам в год, когда отмечалось 100-летие войны. В архиве сохранилась метрическая запись о смерти М.Ф. Попова из Аныбской Спасо-Преображенской церкви Усть-Сысольского уезда.

Там же, но в делах за более ранний период, в частности, за 1821 г., касающихся назначению пенсий, есть сведения о *Никоне Моторине*, вологодском крестьянине, участнике Отечественной войны 1812 г., уроженце Усть-Сысольского уезда, унтер-офицере. Из сохранившихся документов известно, что во время войны он был ранен и в 1818 г. как инвалид получал пенсию — 50 руб., в 1819 г. — 75 руб., в 1820 г. — 75 руб.

В формулярных списках вологодских чиновников, хранящихся в фонде Вологодской казенной палаты, найдены фамилии лиц, служивших в Усть-Сысольском уезде, но не являвшихся уроженцами этого уезда. При составлении биографической статьи использовались данные из нескольких фондов.

**Демидова Елена Леонидовна* (Вологда) — главный библиотекарь отдела редкой книги Вологодской областной универсальной научной библиотеки, кандидат филологических наук.

Василенко Кирилл Федорович
(около 1783 — не позднее 4 августа 1838)

Участник русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг.,

Отечественной войны 1812 г.

Кавалер ордена Святого Владимира 4-й степени с бантом

Происходил из дворян. Проживал в городе Остёре Черниговской губернии (по данным на 12 января 1836 г.).

1800, 7 ноября — удостоен чина подпрапорщика.

1801, 31 марта — поступил обер-офицером на службу в Мушкетерский генерал-лейтенанта, князя Горчакова 2-го (Невский мушкетерский) полк.

1802, 10 апреля — присвоено звание портупей-прапорщик.

1803, 12 января — удостоен воинского звания прапорщика.

1804, 10 февраля — присвоен чин подпоручика.

1806–1807 — участник русско-прусско-французской войны (войны времен четвертой антифранцузской коалиции).

1806, 15 июля — присвоен воинский чин поручика.

1806, начиная с 20 октября — находился в походах и сражениях в Пруссии.

1807, 24 мая — участвовал в контратаке, разбитии и преследовании корпуса наполеоновского маршала М. Нея от города Гутштата (Гут(т)штадта) к городу Либштату (Либштадту) и при прикрытии батарей близ деревни Шарника.

1807, 25 мая — участвовал при прогнании противника за реку Парсаржу / Посаржу (Пассаргу).

1807, 29 мая — участник сражения под городом Гейльсбергом.

1807, 2 июня — участвовал в сражении под Фридландом (генеральное Фридландское сражение 1807 г. решило исход русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. и в целом противостояния времен четвертой антифранцузской коалиции в пользу Наполеона); удостоен Высочайшего благоволения за отличие в делах.

1809, 10 мая — удостоен воинского чина штабс-капитана.

1810, 24 августа — поступил на службу капитаном Виленского мушкетерского — 34-го егерского (с 19 октября 1810 г.) полка.

1812 — участник войны с Наполеоном (Отечественной войны 1812 г.).

1812, 19 апреля — присвоено штаб-офицерское звание майора, служба в Виленском мушкетерском — 34-м егерском (с 19 октября 1810 г.) полку.

1812, 15 июля — участник военных действий под Витебском, удостоен Высочайшего благоволения за отличие в делах.

1812, 5–6 августа — участник военных действий под Смоленском, удостоен Высочайшего благоволения за отличие в делах.

1812, 7 августа — участник военных действий при селении Гедеонове, удостоен Высочайшего благоволения за отличие в делах.

1812, 10 (11) августа — участник сражения при деревне Михайловке.

1812, 26 августа — участник сражения при селе Бородине, где тяжело ранен в берцо (голень) правой ноги пулей с разбитием кости (по выздоровлении находился на территории Герцогства Варшавского), за проявленное отличие награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

1816, 27 октября — поступил на службу штаб-офицер (подполковник) 34-го егерского полка.

1819, 24 марта — назначен Усть-Сысольским земским исправником.

1825 — отставка, выход на пенсию, установлено годовое пенсионное содержание в 772 рубля 20 копеек.

Евневич Иван Михайлович
(около 1791 — 10 августа 1841)

Участник заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

Кавалер двух орденов Святой Анны 3-й и 4-й степени

Происходил из дворян.

1806, 29 ноября — поступил на службу на унтер-офицерскую должность в 1-й Морской полк в чине подпрапорщика.

1809, 24 марта — присвоено звание портупей-прапорщика.

С 1809 г., 24 июля (копия формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в Государственном архиве Вологодской области (далее — ГАВО)) / 24 ноября 1809 г. (формулярный список о службе И.М. Евневича за 1840 г. в Российском государственном историческом архиве унтер-офицер 1-го Морского полка (с 29 ноября 1806 г. — подпрапорщик, с 24 марта 1809 г. — портупей-прапорщик).

С 24 июля 1809 г. (копия формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО) / 24 ноября 1809 г. (формулярный список о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА) по 1 сентября 1814 г. (копия формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО) / 1 октября 1814 г. (формулярный список о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА) обер-офицер 2-го Морского полка (с 24 июля 1809 г. (копия формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО) / 24 ноября 1809 г. (формулярный список о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА) прапорщик, с 13 июня 1810 г. подпоручик, с 26 октября 1811 г. поручик). С 1 сентября 1814 г. (копия формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО) / 1 октября

1814 г. (формулярный список о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА) по 29 апреля 1819 г. обер-офицер Севского пехотного полка (с 1 сентября 1814 г. (копия формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО) / 1 октября 1814 г. (формулярный список о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА) поручик, с 26 мая 1816 г. штабс-капитан, с 9 апреля 1818 г. капитан). С 29 апреля 1819 г. по 27 июня 1825 г. (копия формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО) / 27 июля 1825 г. (формулярный список о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА) штаб-офицер Севского пехотного полка (с 29 апреля 1819 г. майор, с 1 апреля 1822 г. (в формулярном списке о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА число не указано) подполковник) (с 14 апреля 1820 г. по 3 сентября 1821 г. (копия формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО) / 4 октября 1821 г. (формулярный список о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА) командир батальона (уволен от командования «по болезни от полученных в сражении ран»). С 27 июня 1825 г. (копия формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО) / 27 июля 1825 г. (формулярный список о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА) по 22 октября 1825 г. вельский городничий (определен от Комитета, Высочайше учрежденного в 18-й день августа 1814 г.); с 22 октября 1825 г. по 10 августа 1841 г., день смерти, Усть-Сысольский земский исправник (4 ноября 1830 г., согласно распоряжению ревизовавших Вологодскую губернию сенаторов В.Ф. Мертенса и А.М. Корнилова (отец героя обороны Севастополя 1854–1855 гг. вице-адмирала В.А. Корнилова), удален от должности; вследствие исполнения указа из Правительствующего сената от 29 декабря 1837 г. под судом; приговором Вологодской палаты уголовного суда от 16 августа 1848 г. (подписан 31 августа 1848 г.) суждение об И.М. Евневиче оставлено за смертью, но с указанием, что если бы не это обстоятельство, то в отношении его следовало бы вынести решение о неопределении впредь ни к каким должностям и о недопущении к дворянским выборам; 22 сентября 1849 г. дело об И.М. Евневиче решено окончательно). С 22 сентября 1849 г., со дня окончательного решения об И.М. Евневиче судного дела, 22 апреля 1852 г. Император повелел его вдове назначить пенсию в размере 102 рубля 85 копеек серебром в год.

Награды: два ордена Святой Анны 3-й степени (с 24 августа 1815 г. ордена Святой Анны 4-й степени; первый за отличие в сражении под Дрезденом 14–15 августа 1813 г.; второй за отличие в сражении под Арсиюр-Обом (Арсис-сьюр-Обом, Арсисом) 9 марта 1814 г.) (сведения об орденах в графах, предназначенных для данных о прохождении службы, есть только в копии формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО, где против одной из записей о награждении орденом Святой Анны

проставлена дата 15 августа 1813 г., другой — 9 марта 1814 г., а в графе, куда надлежало вносить информацию об участии в походах и делах против неприятеля, — как в копии формулярного списка о службе И.М. Евневича за 1840 г. в ГАВО, так и в формулярном списке о службе И.М. Евневича за 1840 г. в РГИА, при том как в том, так и в другом документе в первый раз речь идет о награждении орденом Святой Анны после слов о сражении и ранении под Дрезденом как об осуществленном за отличие по Высочайше предоставленной власти генералом от кавалерии, графом П.Х. Витгенштейном, а во второй раз — после слов о сражении и ранении под Арси-сюр-Обом (Арсис-сюр-Обом, Арсисом) как об осуществленном за отличие по приказу, отданному в мае 1814 г. за № 106); пенсион за раны в размере 750 рублей ассигнациями — 214 рубля 28½ копеек серебром в год от Комитета, Высочайше учрежденного в 18-й день августа 1814 г.

Участник заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.:

через р. Неман 7 мая 1813 г. в Герцогство Варшавское, оттуда через Пруссию в Силезию, будучи прикомандированным к резервному батальону Севского пехотного полка, по соединении с названным полком через Богемию в Саксонию, в Саксонии 14–15 августа 1813 г. в сражении под Дрезденом, где ранен в правую ногу пулей; во Франции 9 марта 1814 г. в сражении под г. Арси-сюр-Обом (Арсис-сюр-Обом, Арсисом), где ранен в правую руку пулей навывлет; из Франции в Россию через Ковно; в походах до 20 августа 1814 г.

Сорохтин Александр Федорович (около 1792–?)

*Участник Отечественной войны 1812 г. и
заграничных походов русской армии 1813–1815 гг.*

Из дворян.

Служба: с 7 января 1807 г. по 23 марта 1808 г. канцелярист Архангельской казенной палаты; с 23 марта 1808 г. по 4 февраля 1809 г. унтер-офицер (подпрапорщик) Углицкого мушкетерского полка; с 4 февраля 1809 г. по 28 мая 1811 г. унтер-офицер (с 4 февраля 1809 г. подпрапорщик, с 4 июля 1809 г. портупей-прапорщик) Софийского мушкетерского — 35-го егерского (с 19 октября 1810 г.) полка; с 28 мая по 23 декабря 1811 г. обер-офицер (прапорщик) 35-го егерского полка; с 23 декабря 1811 г. по 1 ноября 1817 г. обер-офицер (с 23 декабря 1811 г. прапорщик, с 13 мая 1812 г. подпоручик, с 20 января 1814 г. поручик, с 16 февраля 1816 г. штабс-капитан, с 17 июля 1816 г. капитан) и с 1 ноября по 6 декабря 1817 г., день увольнения от службы, штаб-офицер (майор) 50-го егерского полка; с 27 августа

та 1821 г. по 9 августа 1822 г. тотемский уездный надзиратель питейного сбора; с 9 августа 1822 г. по 29 сентября 1823 г., день удаления от должности, Кадниковский уездный надзиратель питейного сбора; с 1 сентября 1824 г. по 4 февраля 1825 г., день увольнения от должности, помощник Усть-Сысольского уездного надзирателя питейного сбора; с 4 февраля 1825 г. по 15 января 1826 г. чиновник, причисленный к отделению питейного сбора Вологодской казенной палаты с откомандированием на Леденгский солеваренный завод для записки отпускаемой на продажу соли; с 15 января 1826 г. по 14 марта 1844 г. чиновник особых поручений при Вологодской казенной палате; с 14 марта 1844 г. по 8 апреля 1848 г., день увольнения от службы по болезни, Яренский уездный судья (с 8 января 1846 г. член Яренского уездного отделения общества попечительного о тюрьмах).

Классные гражданские чины: коллежский асессор (16 апреля 1823 г. переименован из майоров); надворный советник (старшинство с 31 декабря 1830 г.); коллежский советник (не позднее 25 мая 1846 г. произведен со старшинством с 14 марта 1844 г.).

Награды: знак отличия беспорочной службы за XX лет (22 августа 1846 г.).

Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1815 гг.: в сражениях: 2 августа 1812 г. под Красным при ретираде, 4–5 августа 1812 г. под Смоленском и 24–26 августа 1812 г. при с. Бородине; по переправе 1 августа 1813 г. через российскую границу в Герцогство Варшавское с 18 августа 1813 г. при блокаде и 19 ноября 1813 г. при взятии крепости Модлина («оттуда обратно в Российские пределы»); по переходе 1 апреля 1815 г. на территорию Герцогства Варшавского, 29 апреля 1815 г. в Пруссию, 1 мая 1815 г. в Саксонию и, наконец, по миновании иных владений, 14 июня 1815 г. через р. Рейн во Францию с 29 июня по 3 июля 1815 г. при блокаде крепости Вертю («от оной по 14 сентября в пределах Франции, откуда чрез разные владения обратно в Российские пределы»).

Удивительные находки ждали открывателей исторических сведений, и к таким находкам можно отнести формулярный список Афанасия Копосова, хранящийся в фонде Вологодской казенной палаты. В отличие от предыдущих лиц, он был выходцем из приказнослужительских детей, а самое главное — он был уроженцем Усть-Сысольского уезда.

Копосов Афанасий Иванович
(около 1796 — 1 декабря 1866 (?))

*Участник Отечественной войны 1812 г. и
заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.*

Происходил из детей приказнослужительских чиновников.

Служба: с 10 октября 1812 г. по 22 февраля 1815 г., день увольнения, урядник 17-й дружины Санкт-Петербургского ополчения и (возможно, вследствие роспуска именным указом, данным Правительствующему Сенату 22 января 1814 г., наряду с Новгородским, Ярославским, Тульским и Калужским, Санкт-Петербургского ополчения) Вологодского и Олонецкого батальона; с 22 марта по 4 июня 1815 г. мелкий служащий Вологодской казенной палаты; с 4 июня 1815 г. по 11 октября 1818 г. служащий (с 11 сентября 1817 г. бухгалтер) Усть-Сысольского уездного казначейства; с 11 октября 1818 г. по 1 января 1828 г., вследствие упразднения ниженазванного правления, письмоводитель Усть-Сысольского уездного правления питейного сбора; с 16 июня 1828 г. по 7 марта 1836 г., вследствие упразднения ниженазванного подвала, винный пристав Малопинежского дистанционного подвала (Сольвычегодский уезд); с 12 мая по 29 декабря 1836 г. помощник Яренского уездного надзирателя питейного сбора; с 29 декабря 1836 г. по 4 февраля 1842 г. дворянский заседатель Яренского уездного суда (с 19 января по 9 февраля, с 1 по 18 июля 1837 г. и с 6 октября 1837 г. по 14 февраля 1838 г. исправлял должность Яренского городничего, с 21 октября по 10 ноября 1839 г. исправлял должность Яренского земского исправника); с 4 февраля 1842 г. по 16 февраля 1854 г., день увольнения по прошению, Никольский уездный судья (с 26 февраля по 7 апреля 1842 г. и с 10 июля 1842 г. по 10 марта 1843 г. исправлял должность Никольского городничего, с 26 ноября 1842 г. член Никольского уездного отделения общества попечительного о тюрьмах); в дальнейшем депутат Никольской квартирной комиссии (насколько известно, утверждался 28 апреля 1854 г. и 26 ноября 1859 г.). С 1 декабря 1866 г. вдове А.И. Копосова не позднее 17 июня 1867 г. назначена пенсия по 142 руб. 95 коп. в год.

Гражданские чины: подканцелярист (22 марта 1815 г.); канцелярист (17 августа 1815 г.); коллежский регистратор (старшинство с 31 декабря 1820 г.); губернский секретарь (старшинство с 31 декабря 1823 г.); коллежский секретарь (старшинство с 31 декабря 1826 г.); титулярный советник (старшинство с 31 декабря 1832 г.); коллежский ассессор (28 октября 1843 г. произведен со старшинством с 6 февраля 1843 г.); надворный советник (2 марта 1850 г. произведен со старшинством с 6 февраля 1849 г.).

Награды: благодарность от лица признательного Отечества за ревность и усердие (изъявлена ему, наряду с прочими ополченцами, именным указом, данным Правительствующему Сенату 22 января 1814 г., «Об освобождении от службы ополчений: С[анкт]-Петербургского, Новгородского, Ярославского, Тульского и Калужского, и о роспуске оных по домам»); серебряные медали «В память Отечественной войны 1812 года» (слово «отечественной» писалось со строчной буквы) и «За взятие Парижа 19 марта 1814»; мундир IX разряда за 10-летнюю беспорочную службу (7 марта 1836 г.); знаки отличия беспорочной службы за XXV лет (22 августа 1850 г.), за XXX лет (22 августа 1853 г.) и за XXXV лет (22 августа 1860 г.); дозволение в отставке носить мундир, присвоенный должности уездного судьи (9 ноября 1854 г.); орден Святого Владимира 4-й степени за 35-летнюю беспорочную службу в классных чинах (22 сентября 1858 г.).

Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.:

с 19 октября 1812 г., когда выступил из Санкт-Петербурга, в отряде артиллерии генерал-майора И.И. Новака, с 6 декабря 1812 г. в корпусе генерала от кавалерии, графа П.Х. Витгенштейна как в России, так и за границей: в Пруссии, Герцогстве Ангальт-Цербстском и Дессауском, в Саксонии, Силезии и Богемии, в герцогствах Саксен-Веймар-Эйзенахском и Вюртембергском, Великом герцогстве Баденском и во Франции.

В сражениях: с 6 декабря 1812 г. при изгнании неприятельского корпуса из России, 20 апреля 1813 г. под Лютценом (Люценом), или при деревне Гросгёршене, 8 и 9 мая 1813 г. под Бауценом, с 10 августа по 1 октября 1813 г. «во всех авангардных делах», 4, 6 и 7 октября 1813 г. под Лейпцигом, 9 марта 1814 г. под Арси-сюр-Обом (Арсис-сюр-Обом, Арсисом) и 18 марта 1814 г. под Парижем.

* * *

В 1912 г. в губернии была составлена большая программа по празднованию юбилея победы. Информация о праздновании юбилея Отечественной войны имеется и в архивных документах. Сведения о готовившихся торжествах на местах представлены в отчетах правящему архиерею, находящимся в фонде Вологодской духовной консистории Государственного архива Вологодской области. В них сообщалось о порядке проведения церковных служб, начинавшихся уже вечером 25 августа. Так, председатель Усть-Сысольского уездного съезда земских начальников сообщал, что «25 августа в 5 часов вечера состоится всенощное бдение (благовест в 4,5 часа) с литией, с заупокойной за оной ектенией о в Бозе почивающих императоре Александре I, его сподвижниках и всех на поле брани в Отечественную войну павших и акафистом Смоленской Божией Матери.

После всенощного бдения на Соборной площади пройдет панихида по участникам войны. 26 августа — в 8 часов перезвон в церквах Усть-Сысольска. В 8 часов при перезвоне крестный ход из Спасского собора в Стефановский храм с участием учащихся всех учебных заведений города и законоучителей, встречаемый при Стефановском храме причтом Троицкого собора. В Стефановском храме — литургия, совершаемая соборне всем духовенством, после оной на Торговой площади благодарственное господу Богу молебствие».

Несколько дел посвящено составлению списков вологжан, награжденных медалью в память Отечественной войны 1812 г. В эти списки попали и два пристава из Усть-Сысольского уезда, которые, видимо, добросовестно охраняли порядок во время широких народных гуляний. Мы знаем даже номера медалей, которыми награждены эти приставы. П.А. Клеопатров — пристав Усть-Сысольского уезда, награжденный медалью под № 4026, и А.М. Макаров — пристав Усть-Сысольского уезда, награжденный медалью под № 2028.

Итак, в фондах Государственного архива Вологодской области сохранились отдельные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. и Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии — самого далекого от губернского центра, самого малонаселенного, но даже эти небольшие кусочки сведений помогут составить полную картину событий, связанных с Отечественной войной и Усть-Сысольским уездом.

Е.Ф. Колтовой*

**КНИГА ПАМЯТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.
СЕВЕРЯНЕ — УЧАСТНИКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ
24, 25 И 26 АВГУСТА 1812 ГОДА**

Минуло двести лет с тех августовских дней 1812 г., когда под селом Бородино грянуло одно из грандиознейших сражений XIX в. Однако интерес к этому событию у историков и краеведов не пропадает и поныне. Более того, этот интерес стал более персонифицирован. Так, уже более двух десятилетий в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике ведется работа по созданию справочно-информационной системы «Участники Бородинского сражения». Сейчас в электронной базе данных собраны сведения обо всех участвовавших в бою генералах, офицерах и чиновниках военного ведомства. Эта работа продолжается. В частности, теперь собирается материал по нижним чинам. Основным источником информации являются выявленные в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) формулярные списки генералов и офицеров.

Разумеется, более полные сведения об этой категории военнослужащих и их дальнейшей судьбе можно получить лишь из формулярных списков, составленных в период их уже статской службы. Поскольку эти списки в основном сохранились в региональных архивах страны, они представляют достаточно мощный и малоизученный информационный пласт. Например, в Смоленском областном архиве хранятся сведения о более чем двух сотнях смолян-офицеров, участников Отечественной войны 1812 г.

Следует отметить, что в ряде региональных архивов такая работа ведется давно и целенаправленно. Так, в Калужской области реализуется научный проект «Офицерский корпус русской армии в антинаполеоновских кампаниях 1805–1815 гг.: историко-социологический портрет (по материалам Калужской губернии)». В результате было установлено 153 офицера — участника антинаполеоновских войн, из них 29 человек принимали участие в Шевардинском бое и Бородинском сражении.

В течение ряда лет (2005–2007 гг.) автор данного исследования вел в фондах Государственного архива Архангельской области (ГААО) поиск северян, которым были пожалованы Георгиевские награды в XVIII–XIX вв. В ходе таких поисков попутно накапливалась информация об участниках Бородинского сражения. Со временем сведений оказалось вполне достаточно для того, чтобы сформировать свод информации и провести ее анализ.

*Колтовой Евгений Федорович (Архангельск) — краевед.

В ходе работы с фондами ГААО было выявлено более 90 военнослужащих — участников Отечественной войны 1812 г. и походов русских войск в Западную Европу (1813–1815 гг.). Из них 30 человек принимали непосредственное участие в Бородинском сражении.

Основными источниками явились формулярные и кондуктные списки, отложившиеся в Государственном архиве Архангельской области в следующих архивных фондах:

- канцелярия Архангельского военного губернатора;
- канцелярия гражданского губернатора;
- Архангельское губернское правление;
- Архангельская таможня;
- Архангельское уездное казначейство;
- земские суды (частично).

Хронологические рамки выявленного архивного материала охватывают период с 1826 по 1848 г.

Автор на основе собранного материала предпринял попытку сделать набросок некоего обобщенного социального портрета служивших в 1820–1850-х гг. в Архангельской губернии чиновников — участников Бородинского сражения путем описания характерных для этой группы параметров (социальное происхождение, время и возраст призыва в армию и т.д.).

Выявленные участники Бородинского сражения в большинстве своем были людьми простых сословий, из крестьянских или солдатских семей. Так, А.Е. Каршин происходил из крестьян Пинежского уезда Архангельской губернии, А.И. Коловангин (Иванов) — из крестьян Каргопольского уезда Олонецкой губернии, В.Н. Никифоров — из крестьян Псковской губернии, Е.М. Попов — из солдатских детей Военно-сиротского отделения Саратовской губернии. Эта самая многочисленная (почти половина от общей численности) группа.

Дворянство представляли: Я.Ф. Ганскау (из дворян Курляндской губернии), П.В. Денисьев (из дворян Курской губернии), А.Н. Муравьев (из дворян Московской губернии). Г.И. Воскресенский происходил из духовного звания.

Установить место рождения каждого не удалось. Известно лишь, в какие воинские части они были призваны, что позволило с некоторой долей приближенности предположить следующее.

По меньшей мере 10 человек из этой группы были уроженцами или жителями северных территорий, в том числе и Архангельской губернии: И.Д. Задорин, И.А. Золотой, А.Е. Каршин, С.Ф. Крынин, М.И. Лучанинов, С.Ф. Лучанинов, И. Макарьин, Н.Е. Хабарцын, Г.Е. Шишелов.

Для большинства из них военная карьера началась в первое десятилетие XIX в. вступлением нижними чинами в гвардейские и армейские части. К началу Отечественной войны 1812 г. более 50% имело возраст от 20 до 30 лет, две трети их (20 чел.) не имели офицерских чинов и состояли в нижних чинах. Накануне грядущего сражения самому молодому из его участников — А.Н. Муравьеву — было около 20 лет, самому старшему — П.В. Денисьеву — 56 лет.

В ходе Шевардинского боя и Бородинского сражения более половины военнослужащих находилось в боевых порядках 1-й Западной армии. На Бородинском поле они находились в следующих частях: в гвардейских частях служили 14 чел., девять человек — в армейской пехоте, один — в кавалерии и в артиллерии — два человека. Причем в Лейб-гвардии Финляндском полку числилось три человека, а в Лейб-гвардии Литовском полку — два. Из находившихся в строю 17 чел. служили в 1-й Западной армии (правое крыло и центр соединенных армий — Главнокомандующий, генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли), четыре человека — во 2-й Западной армии (левое крыло соединенных армий — Главнокомандующий, генерал от инфантерии князь П.И. Багратион). Наибольшее количество участников (10 чел.) находилось в рядах Гвардейской пехотной дивизии 1-й Западной армии под командованием генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова.

Установлено, что из упомянутых 30 участников Бородинского сражения были ранены в этот день трое: А.П. Рязанов, майор Житомирского пехотного полка; В.А. Исупов, рядовой 35-го егерского полка — «ранен в левую руку выше локтя и в левый бок пулю навылет»; И.Н. Нестеров, рядовой Лейб-гвардии Литовского полка — «ранен в левую ногу в щиколотку пулей». Кроме этого, в документах упоминается, что И.И. Слепцов, рядовой Лейб-гвардии гренадерского полка, в ходе сражения попал в плен к французам.

За боевые отличия на поле брани было отмечено наградами четыре человека: Я.Ф. Ганскау, капитан Виленского пехотного полка — орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом; М.А. Голиков, рядовой Лейб-гвардии Измайловского полка — знаком отличия военного ордена № 26087 «за действия в сражении при селе Бородино 26 августа 1812 года»; А.Н. Муравьев, подпоручик — орденом Святой Анны 4-й степени; А.П. Рязанов, майор Житомирского пехотного полка — орденом Святого Владимира 4-й степени.

Судя по формулярным спискам, в дальнейшем далеко не все они были награждены серебряной медалью в память войны 1812 г. Хотя, как известно, эта медаль рассчитана на выдачу всем военнослужащим, «действовавшим против неприятеля в продолжение 1812 года».

За время своей дальнейшей службы они приняли активное участие в войнах с Францией и Турцией, став участниками трех и более войн и военных конфликтов. При этом многие из военнослужащих получили ранения и почти все были отмечены наградами.

После Бородинского сражения эта группа северян за период своей военной службы приняла участие в Заграничном походе 1813–1814 гг. (16 чел. были награждены серебряной медалью «За взятие Парижа 19 марта 1814 года»), в компании 1815 г. (шесть человек награждены прусским орденом «За заслуги» и знаками Прусского железного креста); в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. (два человека отмечены серебряными медалями за Турецкую войну); в подавлении Польского восстания 1831 г. (один человек награжден Польским знаком отличия за военное достоинство).

Примечательно, что позднее девять северян (по меньшей мере) из участвовавших в Бородинском сражении приняли участие в Лейпцигском сражении 4–7 октября 1813 г.: Г.И. Воскресенский; М.А. Голиков; А.Е. Каршин; А.И. Коловангин; С.Ф. Лучанинов; В.Н. Никифоров; Е.М. Попов; И.И. Слепцов и А.Н. Муравьев.

В дальнейшем за ратные подвиги в сражениях были удостоены высшей воинской награды для нижних чинов знака отличия военного ордена Святого Георгия семь человек (Г.И. Воскресенский — 05.08.1812 г. за отличие в сражении при Смоленске; М.А. Голиков — за действия в сражении при селе Бородино 26 августа 1812 г.; В.Н. Никифоров — за отличие в сражении при Лейпциге; Г.М. Попов; А.П. Птишников; И.И. Слепцов, Г.Е. Шишелов).

Высоких воинских наград были удостоены офицеры. Золотые шпаги с надписью «За храбрость» получили: Я.Ф. Ганскау — за сражение при Труа в 1814 г.; А.Н. Муравьев — за взятие Вязьмы; П.В. Денисьев — за совершенные подвиги кроме этой награды был пожалован орденом Святого Георгия 4-й степени.

Знаком отличия ордена Святой Анны за двадцатилетнюю беспорочную службу в нижних чинах были отмечены пять человек: Ф.А. Андрус, И.А. Золотой, М.И. Лучанинов, Н.П. Петрушенко, М.И. Шутов.

Следует упомянуть и об участии северян-бородинцев в восстании декабристов, произошедшем в декабре 1825 г. в Санкт-Петербурге. Как известно, в их числе был Архангельский гражданский губернатор А.Н. Муравьев. Но при внимательном ознакомлении с формулярными списками досмотрщиков Архангельской таможни удалось установить имя другого участника этого восстания — И.И. Слепцова. В его формулярном списке есть такая запись: ««Из онаго (Лейб-гвардии гренадерского. — *Е.К.*) полка выключен по происшествию в полки отдельного Кавказского кор-

пуса — 1825, 27 декабря»; «По выписании из сего полка по случившемуся 14 декабря 1825 г. происшествию в полки отдельного Кавказского корпуса».

Нельзя обойти вниманием и рассмотрение обстоятельств завершения ими военной службы и выхода в отставку. Вышли они в отставку в следующем возрасте: от 33 до 40 лет — четыре человека, от 40 до 50 — семь человек, старше 50 — два человека. Отставки произошли после весьма продолжительного пребывания их в армии. Распределение по срокам военной службы выглядит так: от 16 до 20 лет — у четырех человек, от 20 до 25 лет — у четырех человек, от 25 до 40 — у четырех человек, свыше 40 лет — у двух человек. Вышли в отставку почти сразу после военных действий в Европе, в период с 1815 г. до 1820 г., два человека, от 1820 г. по 1825 г. — семь, после 1825 г. — шесть человек.

Примечательно, что некоторые из военнослужащих в поощрение их заслуг были отставлены от службы с награждением следующим чином: С.Ф. Лучанинов — «отставлен от службы унтер-офицером за выслугу 25 лет»; И. Макарьин — «уволен из воинской службы в звании поручика»; А.П. Рязанов — «отставлен в чине майора»; Г.Е. Шишелов — «уволен от службы... подпоручиком в чине с мундиром и полным пенсионом». Шесть человек, начав армейскую службу рядовыми, оставили ее с чином унтер-офицера: М.А. Голиков, И.А. Золотой, С.Ф. Лучанинов, И.Н. Нестеров, И.И. Слепцов, Т.Е. Судьбин. Еще шестеро, начав армейскую службу нижними чинами, оставили ее с обер-офицерскими чинами: В.А. Андрус начал службу рядовым, а завершил ее в чине штабс-капитана; Г.И. Воскресенский прошел путь от канонира до подпоручика; И. Макарьин — от рядового до поручика; Е.М. Попов — от рядового до майора; Б.С. Шиллинг — от капрала до подполковника; Г.Е. Шишелов — от рядового до подпоручика.

Характерные причины оставления строевой службы: за выслугою лет (А.П. Птишников, А.И. Коловангин, С.Ф. Лучанинов); по прошению (В.А. Андрус); по болезни (Г.И. Воскресенский, В.А. Исупов). Но главной причиной отставки для военнослужащих были полученные в ходе службы ранения. Так, А.П. Рязанов «за полученными ранами отставлен из Житомирского пехотного полка в чине майора»; Г.Е. Шишелов — «уволен от службы за ранами».

По мере оставления армейской службы и ухода в отставку 26 чел. продолжили службу в системе гражданских учреждений Архангельской губернии. В определении к статским делам отставных военных немалую роль сыграл учрежденный 18 августа 1814 г. по Высочайшему приказу Комитет для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам. Из участников Бородинского сражения три человека в разное

время были городничими в уездных городах Архангельской губернии. Восемь человек служили в Архангельской казенной палате, уездных казначействах (Архангельское, Кемское), в уездных судах, полиции, земскими исправниками. Два в разное время являлись Архангельскими гражданскими губернаторами. Наибольшее же число ветеранов Бородинского сражения трудилось в Архангельской таможне — 12 чел.

Таким образом, очевидно, что абсолютное большинство северян — участников Бородинского сражения (кроме трех упомянутых ранее офицеров) — после выхода в отставку продолжили службу уже статскую в учреждениях Архангельской губернии. То есть, в 1820–1830-х гг. значительная часть архангельских чиновников в прошлом являлась участниками борьбы с Наполеоном. На статской службе в большинстве своем они трудились в основном в системе городского управления, занимая ответственные административные и фискальные должности.

Следует отметить, что подобное явление было характерно не только для Архангельской губернии. Надо полагать, что это являлось осознанным проявлением кадровой политики государства. Так сразу решалась двоякая задача: трудоустройство отслуживших свой срок военнотружеников и внедрение в провинциальные государственные структуры отставных военных, за десятилетия своей службы ставшие ревностными исполнителями державной воли.

МОСКВА В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКОГО НАШЕСТВИЯ**

Москва накануне 1812 года

Победой французов под Фридрихсдорфом 2 июня 1807 г. завершилась русско-прусско-французская война 1806–1807 гг. Через пять дней французы подошли к границам России, а спустя ровно месяц оставшаяся без союзников на европейском континенте и связанная войной с Ираном и Турцией Россия вынуждена была подписать в Тильзите мирный договор с Францией. Однако Тильзитский договор не принес желаемого мира Европе, а лишь знаменовал начало подготовки к осуществлению Наполеоном вторжения в Россию. Как справедливо отметил очевидец Тильзитских переговоров Д.В. Давыдов, «1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть».

С 1810 г. о войне Франции с Россией заговорили уже открыто. В основе приближающегося и неотвратимого столкновения, прежде всего, лежало стремление французской буржуазии и ее ставленника Наполеона к господству на европейском рынке и захвату новых дешевых источников сырья. Пока Россия сохраняла свою самостоятельность, Франция не могла серьезно рассчитывать на поражение Англии и не могла чувствовать себя уверенно в оккупированной Европе. «Через пять лет, — заявлял

*Смирнов Александр Александрович (Москва) — главный научный сотрудник Государственного Исторического музея, председатель Кружка ревнителей памяти 1812 года, составитель многотомного сборника научных трудов «Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография» (М., 2002–2012), соавтор энциклопедий «Отечественная война 1812 года» (М., 2002) и «Заграничные походы русской армии 1812–1814 годов» (М., 2011), автор многочисленных публикаций по истории Отечественной войны 1812 г.

**От редакции. Публикация очерка по истории Москвы в эпоху наполеоновского нашествия на страницах этого сборника призвана восполнить имеющиеся различия в содержании и оценке фактов, связанных с одним из центральных событий Отечественной войны 1812 г. Юбилейная дата – двухсотлетие победы русского оружия над армией Наполеона – волей-неволей подталкивает исследователей стереоскопически посмотреть на проявления Её Величества Истории. Очерк о первопрестольной реконструирует многие исторические явления в их многообразии и сопровождает повествование о военных событиях описанием повседневной жизни Москвы накануне и в период наполеоновской оккупации столицы. На наш взгляд, ценность этого материала в связи с этими обстоятельствами актуализируется, тем более что публикаций по истории повседневности эпохи 1812 г. в историографии не так уж и много.

Наполеон, — я буду господином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее». И уже в начале 1811 г. он писал императору Александру Первому, что из-за нарушения Россией условий ограничения торговли с Англией, так называемой континентальной блокады, «война неизбежно последует несколькими месяцами раньше или позже». Вторым конфликтным моментом выступала судьба Польши. Третьим противоречием между Россией и Францией был вопрос о многочисленных мелких немецких государствах, ряд властителей которых был родственно связан с русской императорской фамилией. Обострял русско-французские отношения в этот период и ближневосточный вопрос — Наполеон всячески противодействовал укреплению России на берегах Дуная и ослаблению Турции. Тем временем войска всех покоренных Наполеоном государств Западной Европы стягивались к границам России. Начала подготовку к войне и Россия.

Москва была городом контрастов. Она отличалась разнообразием архитектурных форм. Тут были и строгие кремлевские соборы, и оригинально-фантастический храм Василия Блаженного — Покровский собор на Красной площади, и церкви типично русского стиля — Рождества Христова в Путиках, Богоматери Грузинской, а также самой невероятной эклектики. Византизм, готика, Ренессанс тоже нашли отражение в московском зодчестве, получив, однако, особое воплощение в варианте русской самобытности. Наибольшую выразительность в начале XIX в. получил так называемый русский ампир.

В Москве первого десятилетия XIX в. не было тротуаров. Рядом с великолепными дворцами мирно соседствовали бедные деревянные домишки крестьянского типа, а превосходные сады и обширные огороды простирались даже в центре города. Сохранившиеся крепостные стены Кремля и Китай-города, множество церквей, садов, парков, прудов, дворцов и иных зданий, созданных талантом таких выдающихся зодчих, как М.Ф. Казаков, О.И. Бове, К. Бланк и др., придавали облику Москвы неповторимый колорит. Вместе с тем в Москве было мало вымощенных улиц, берега пересекавших город речек превратились в мусорные свалки, а рядом с роскошными дворянскими городскими усадьбами ютились огороды и лачуги тех, кто составлял почти половину московских жителей.

Совершенно особое значение имела Москва в сознании народных масс, для которых она оставалась подлинной столицей России, ее сердцем. Неслучайно, хотя с 1813 г. официальная столица была перенесена в Петербург, все русские императоры короновались именно в Москве. Самым бойким местом в Москве был Кузнецкий мост. На Неглинной улице существовал мост, возле которого были кузницы — отсюда его и название. В начале XIX в. в Кузнецкой слободе со стороны Неглинной улицы

посажена и выросла аллея больших вязов, одно из мест для прогулок. В переулке за теперешним Большим театром выстроили блинную, а невдалеке от нее находилась площадка, где содержался скот, пригнанный на продажу. Протекавшая через центр река Неглинная (Неглинка, Неглинна, Неглимна, Самогёка) имела грязные болотистые берега, превращенные в свалки мусора. На месте Трубной площади река Неглинная образовала большой заболоченный пруд, выходивший из берегов после сильных ливней и снежной зимы, затопляя окружающие строения. Там где сегодня Театральная площадь, в оврагах годами накапливались бытовые отходы жизни города. Под стенами Кремля, на месте теперешнего Александровского сада, река Неглинная являла сплошную клоаку из-за всевозможных скопившихся вдоль ее русла отбросов.

И хотя Театральная площадь была грязнейшим местом города, на ней помещался каменный Петровский театр, в который упиралась улица Петровка (отсюда название театра). Маскарады и собрания собирали в театре до шести тысяч человек. Зал освещали сорок две люстры. Театр содержал антрепренер Михаил Медокс. Напротив дома генерал-губернатора (ныне — улица Тверская, 13) располагался окруженный забором огород.

Моисеевская площадь (ныне — часть Охотного ряда и Манежной площади) на месте снесенного в начале XIX в. **одноименного монастыря** стала одним из самых оживленных торговых мест столицы. Здесь торговали сельскохозяйственными продуктами подмосковные крестьяне, конкурировавшие с лавочниками. В то же время каждый обязавшийся застроить тот или иной пустырь и содержать в исправности мостовую на своем участке, получал землю практически бесплатно.

Мещанская часть города, где в XVIII в. помещались мещанские слободы, была почти не застроена. Пресня считалась загородным местом гуляний. Садовое кольцо состояло из сельских дач. За Пресней и нынешними Грузинскими улицами простиралось сельское пространство. Постепенное заселение этих мест приводило к засыпке многочисленных тамошних прудов, ручьев и речушек.

Выразительную картину социального облика предвоенной Москвы нарисовал известный литератор К.Н. Батюшков: «Это исполинский город, построенный великанами; башня на башне, стена на стене, дворец возле дворца! Страшное смешение древнего и новейшего зодчества, нищеты и богатства, нравов европейских с нравами и обычаями восточными! Дивное, непостижимое слияние суетности, тщеславия и истинной славы и великолепия, невежества и просвещения, людскости и варварства... Москва есть вывеска или живая картина нашего Отечества.., здесь, против зубчатых башен древнего Китай-города, стоит прелестный дом самой новейшей

итальянской архитектуры; в этот монастырь <...> входит какой-то человек в длинном кафтане, с окладистой бородой, а там к бульвару кто-то пробирается в модном фраке...

Войдем теперь в Кремль... Налево мы увидим величественные здания, с блестящими куполами, с высокими башнями, и все это обнесено твердою стеною. Здесь все дышит древностью; все напоминает о <...> важных происшествиях; здесь каждое место озаменовано печатью веков протекших. Здесь все противное тому, что мы видим на Кузнецком мосту, на Тверской, на бульваре и прочее. Там книжные французские лавки, модные магазины, которых уродливые вывески заслоняют целые дома, часовые мастера, погреба, и, словом, все снаряды моды и роскоши. В Кремле все тихо, все имеет какой-то важный и спокойный вид; на Кузнецком мосту все в движении: “Корнеты (младшие офицеры лёгкой кавалерии. — *А. С.*), чепчики, мужье и сундуки”. А здесь одни монахи, богомольцы, должностные люди и несколько часовых... Вся панорама Москвы за рекою! Направо Каменный мост, на котором беспрестанно волнуются толпы проходящих; далее — Голицынская больница, прекрасное здание, дома графини Орловой с тенистыми садами (ныне — 1-я Градская больница. — *А. С.*), и, наконец, Васильевский огромный замок, примыкающий к Воробьевым горам (не сохранился. — *А. С.*), которые величественно довершают сию картину, — чудесное смещение зелени с домами, цветущих садов с высокими замками древних бояр <...> здесь представляется взорам картина, достойная величайшей в мире столицы, построенной величайшим народом на приятнейшем месте...

Взглянем еще раз на Кремль, которого золотые купола и шпицы колоколен ярко отражают блистание зари вечерней. Шум городской замирает вместе с замирающим днем. Кругом <...> все тихо; изредка пройдет человек. Здесь нищий отдыхает на красном крыльце, положив голову на котомку...

Теперь пойдем потихоньку на Кузнецкий мост, где все в движении, все спешит... Эта большая дедовская карета, запряженная шестью чальными тощими клячами, остановилась у дверей модной лавки... Зайдем <...> в конфетный магазин... Здесь мы видим большое стечение московских франтов в лакированных сапогах, в широких английских фраках, и в очках, и без очков, и растрепанных, и причесанных... Иностранные книжные лавки. Их множество, и ни одной нельзя назвать богатою... Какое стечение народа, какое разнообразие!.. Здесь мы видим грека, татарина. Турка в чалме и в туфлях; там сухого француза в башмаках..., тут важного персиянина, там ямщика, который бранится с торговкою, здесь бедного селянина, который устремил оба глаза на великолепный цуг (запряжка лошадей. — *А. С.*), между тем

как его товарищ рассматривает народные картины (сатирические лубочные картинки. — *А. С.*) и любуется их замысловатыми надписями.

Вот и целый ряд русских книжных лавок; иные весьма бедны <...> в Москве <...> есть фабрика переводов, фабрика журналов и фабрика романов, книжные торгаши покупают учёный товар, то есть переводы и сочинения, на вес...

Теперь мы выходим на Тверской бульвар, который составляет часть обширного вала <...> толпы праздных жителей..., и франт, и кокетка, и старая вестовщица, и жирный откупщик... Какие страшные наряды, какие лица! Здесь вы видите приезжего из Молдавии офицера, провинциального щеголя... Здесь красавица ведет за собою толпу обожателей, там старая генеральша болтает с своей соседкою, а возле их откупщик, тяжелый и задумчивый <...> идет медленными шагами с прекрасною женою... Университетский профессор в епанче <...> пробирается домой или на пыльную кафедру. Шалун напевает водевили и травит прохожих своим пуделем, между тем как записной стихотворец читает эпиграмму и ожидает похвалы или приглашения на обед...

Теперь мы опять вышли на улицу... Вот большая карета, которую силу тянет четверня: в ней чудотворный образ, перед ним монах с большою свечей... Этот ландо (разновидность экипажа. — *А. С.*) нас задавит: в нем сидит щеголь и красавица, лошади, лакей. Кучера — все в последнем вкусе... Возле огромных чертогов <...> жалкая обитель нищеты и болезней...

Пруды украшают город и делают прелестное гулянье. Там собираются те, которые не имеют подмосковных (усадеб. — *А. С.*) <...> как эти мосты и решетки красивы <...> берега, украшенные столь милovidными домами и зеленым лугом, не довольно широки. Большое стечение экипажей со всех концов обширного города, певчие и роговая музыка... Здесь те же люди, что на бульваре <...> пожилой холостяк <...> спешит в Английский клуб... (ныне клиники 1-го Московского медицинского института. — *А. С.*)».

На 1 января 1812 г. в Москве насчитывалось 275 547 жителей (ныне около 9,5 млн. чел.). Из них только 6,7% составляло дворянство, 30,7% — дворовые, обслуживавшие московское дворянство, 7,6% — купечество, 7% — мещане, а пришедшие на заработки и фабричные — 40,8%. На 20 января 1812 г. в Москве насчитывалось 464 фабрики и завода, на которых работали около двенадцати тысяч рабочих (сейчас — 18% всех работающих). Это были преимущественно ткацкие фабрики, кирпичные, гончарные и колокольные заводы с численностью рабочих от нескольких десятков до нескольких сотен.

Москва 1811 г. раскинулась на 74 кв. км (ныне площадь Москвы около 1 000 кв. км). Город был разделен на двадцать частей (нынешняя Москва

разделена на десять административных округов и сто двадцать восемь районов). В Москве числился 9 151 дом, в том числе 2 567 каменных и 6 584 деревянных.

В Москве была широко развита торговля, сосредоточенная в 192 торговых рядах, объединявших 8 521 лавку, в том числе 6 324 каменных и 2 197 деревянных. Только за 1811 г. в Москву привезли 27 314 возов ржи, 75 267 — пшеницы, 165 071 — овса, 94 343 — различных круп, 133 871 — муки, 453 813 — мяса и 592 498 возов прочих припасов, пришли 645 судов с хлебом, 34 — с маслом, 23 — с вином. 9 — с сеном, 33 — с солью, 401 — с лесом и дровами. Центром торговли являлся Гостиный двор в Китай-городе (здание его сохранилось между улицами Ильинка и Варварка, Хрустальным и Рыбным переулками). Кроме лавок, здесь находились и складские помещения. В государственных хлебных «магазиннах» (хранилищах) Москвы были сосредоточены запасы зерна и муки на 300 000 чел.

Что же было модно в Москве перед 1812 г.? Французские кафтаны сменили английские фраки из лучшего сукна бурого или коричнево-красного цвета с откидным воротником, клапаном на груди и узкими фалдами. Фрак носили с синими панталонами, расшитыми подобно гусарским. В моде были серые круглые шляпы. Франты носили длиннополые до каблуков сюртуки с высоким отложным воротником. Узкие панталоны обтягивали ноги до половины икр. Сапоги были гусарского типа с вырезом и кисточкой спереди. Шею оборачивали несколькими косынками, которые составляли высокий и широкий галстук, или галстуком длиной более двух метров, скрывающим нижнюю часть лица почти до верхней губы. Большой бант галстука укладывался в виде розана. Затылок и виски выстригались «под гребенку», а над лбом взбивался и укладывался кольцами густой и высокий «кок». Щеголи красовались в пышных жабо с батистовыми брыжжами, во фраках василькового, кофейного или бутылочного цвета и горохового цвета панталонах. В руках они держали хлыстики или тросточки из витого китового уса. Жилеты шились из розового атласа. Из их карманов свисали, перекрещиваясь, цепочки с брелоками от двух часов. Пальцы мужчин были унизаны кольцами и перстнями. Рубашку на груди украшала большая запонка в виде застежки. Франты румянились, чернили брови и белили лица. Зимой они носили собольи муфты, называемые «маньками». На балы мужчины являлись в шелковых чулках и башмаках.

Дамы носили платья с высокой талией, короткими рукавами и длинные по локоть перчатки. Глубокие шляпы, башмаки без каблуков с острыми носками и длинными лентами, которые обвивали ногу почти до колена (наподобие балетных туфель). Башмаки преимущественно обтягивались светло-желтым или белым атласом и украшались золотым или сереб-

ряным шитьем. Нижнее платье наподобие короткой туники было очень узким. Спереди оно поднималось немного выше груди, на спине имело вырез почти до пояса и шарообразные рукава. Верхнее платье было тоже узким, но, как правило, без рукавов, и спускалось ниже колен. К 1811 г. юбка значительно сузилась и укоротилась, зато появились длинные рукава и отложной воротник. Подол обшивался несколькими рядами оборок. Платья подпоясывались под самой грудью широкой лентой с длинными распущенными концами. Прическа стала произвольнее. В моду снова вошли височные пукли. Шляпы стали объемнее: к высокой тулье прикреплялись большие дугообразно выгнутые поля. Шляпы украшались бантами.

Платья шили из батиста и надевали на обыкновенные рубашки. Кисейные платья носили на батистовых рубашках. Наконец, рубашки заменили трико. Ноги и руки украшали золотыми обручами и браслетами, которые носили даже выше колен. Вместо башмаков одно время носили сандалии на босу ногу, одевая на пальцы ног бриллиантовые кольца. Женщины румянились, особенно перед балом. Косметика и духи стали применяться с конца XVIII в. Очки носили не из-за плохого зрения, а в основном ради моды.

На модный и единственный тогда Тверской бульвар приезжали и приходили со всех концов Москвы погулять, отдохнуть, подышать свежим воздухом. Бульвар был обсажен березками. Он тянулся более чем на километр, песочные дорожки были ровно укатаны. Площадь и обе стороны улицы занимали кареты гуляющих, которых бывало несколько тысяч. В построенной на бульваре галерее можно было почаевничать, полакомиться лимонадом, конфетами и мороженым. Вдоль дорожек для отдыха стояли софы (широкие скамьи с приподнятым краем).

Любимым местом гуляний были и Пресненские пруды. Здесь собирались те, кто не имел подмосковных дач и имений. Гуляли до ночи. Певчие и музыканты делали гуляние особенно приятным. Поэтому на прудах бывало большое стечение экипажей. «Каких только тут не было нарядов и лиц! Вот идет господин в шубе, бархатных сапогах и собольей шапке. За ним слуга несёт термометр. Навстречу ему движется грязный откупщик с женой и карликом... Какой-то нахал натравливает на прохожих своего пуделя <...> Тут можно увидеть и столичного щёголя с букетом и лорнетом. Были тут и провинциалы».

По праздникам посещалась и Марьяна роща, где стояли палатки с разными сладостями и напитками. Аристократия предпочитала гулять в дворцовом саду Лефортова. Большие народные праздники с иллюминацией и фейерверком устраивались в Сокольниках. Народные масленичные гулянья проходили на льду Москвы-реки. Для этого строили ледяные горы на дере-

вянных помостах шестиметровой высоты. На их вершинах ставили шатры или терема. Горы имели два ската и украшались разноцветными флагами. Здесь же на льду ставили балаганы, в которых устраивались «ресторация», театр, цирк, зверинец, выставка восковых фигур и т. д. По берегам происходило катанье богатого дворянства в нарядных экипажах, запряженных четверкой лошадей, купечества на двойках с богато убранными конями, в саних с одномастными лошадьми. Катались и по Неглинной улице, от Воскресенских до Троицких ворот, по Покровской улице, за Разгуляем, в Рогожской и Тверской-Ямской слободах. На Неглинной происходили кулачные бои. Другим популярным увеселением была борьба.

Крещенское водосвятье 6 января справлялось торжественно с колокольным звоном и пушечной пальбой. Лед на Москве-реке трещал от собравшегося народа. На набережной происходил «смотр невест» — здесь собиралось множество незамужних женщин и невест в богатых зимних нарядах. Здесь же прогуливались женихи. Вербные гулянья проходили на Красной площади.

Центром гуляний на Девичьем поле, как и в других местах, являлся большой шатер — «колокол» с флагом и еловой веточкой наверху. Вокруг него ставились шалаши и палатки, в которых разворачивалась торговля. На расставленных столах дымились самовары и продавали различные напитки. Гуляющие особенно любили качели и карусели.

Страсть к лошадям и скоростной езде с давних пор проявилась у москвичей. Ипподромом служили прямые дороги от Москвы до Тулы, Рязани и других городов. Катание «в обгонку» было одним из любимейших удовольствий. «Тотализатор» заменял простой «заклад». Зимние скачки проходили на льду Москвы-реки между Воспитательным домом и Москворецким мостом. Существовали и специальные беговые сани. Граф А.Г. Орлов-Чесменский устраивал бега по Калужской улице близ Донского монастыря.

Праздник «первого льда» бывал особенно многолюдным и разгульным. На территории гуляний разбивали турецкие и китайские палатки с накрытыми столами для роскошной трапезы, играли великолепные оркестры. Рядом с этими пышными палатками ставились простые хворостяные прикрытые сверху тряпьем шалаши с самоварами, сбитнем и рожечниками, сопровождающими поющим и пляшущим горожанам. К этому гулянию готовились заранее, стараясь щегольнуть нарядами, экипажами, лошадьми, прислужгой. Но период старого пышного барства доживал свои дни.

Гостеприимство и хлебосольство москвичей было поистине беспредельно. Граф В.С. Шереметев славился постоянными завтраками для гостей. У Д.Г. Волчкова гости пировали постоянно, поэтому дом его прозвали «поварским собранием». Откупщик П.Т. Бороджин даже зимой угощал

своих гостей фруктами, выращенными в оранжерее. На многих обедах и ужинах гостей угощали осетриной, стерлядью, сливочной телятиной, индейками-гречанками (выкормленными греческими орехами), разными конфетами, прохладительными напитками, водками, икрой, хреном, сыром, маринованной сельдью. Чтобы сохранить положение в обществе, многие жили не по средствам. Имелась в Москве особая категория бедняков, которые ездили в каретах, давали обеды и балы, не зная чем за них заплатить.

Дом графа С.С. Апраксина считался в Москве самым гостеприимным. Кроме пиров у него устраивались литературные вечера и чтения, концерты и любительские спектакли. Балы и спектакли еженедельно устраивали у себя П.М. Дашков, Н.А. Дурасов и др. Но гостям любили устраивать разные сюрпризы. Начиная со второй половины ноября, в Москве каждый день бывало до полусотни балов, на которых играли почти полторы тысячи музыкантов домашних оркестров. Обычно бал открывался польским танцем, затем следовали русская кадрили, вальс и другие легкие танцы. С 1810 г. на балах стали танцевать мазурку. С этого же времени появились и «завтраки с танцами» и стало возможным танцевать почти круглые сутки. Однако в большинстве случаев бальная музыка была плоха и однообразна. Визиты начинались с одиннадцати часов утра и позволяли обменяться новостями. Хлебосольство же позволяло питаться за чужой счет, поскольку ресторанов в то время еще не существовало, но их с успехом заменяли трактиры. Поэтому в них частенько наведывались и господа.

Увлечение театром не ослабевало в Москве с конца XVII в. В ней было более двадцати театров, но только один общедоступный, а остальные — домашние, актерами в которых служили крепостные. Играть на сцене дворянину или жениться на актрисе считалось неприличным. Однако в любительских домашних спектаклях иногда играли и сами господа. Тяготение к театру П.А. Вяземский называл родом запоя. Наибольшей популярностью пользовались театры Шереметева в Кускове и Останкине, Орлова у Донского монастыря, Бутурлина и Мамонтова в Лефортове, Мусина-Пушкина на Разгуляе, Разумовского в Петровском, Голицына и Пашкова на Моховой, Апраксина на Знаменке. Последний считался лучшим в тогдашней Москве, имел ложи в три яруса и принимал всех знаменитых гастролеров. В нем ставили итальянскую оперу и любительские спектакли с участием хозяйки дома. Пьесы играли преимущественно на французском языке. Русской актерской школы еще не существовало, поэтому приходилось приглашать иностранных актеров, которые принесли на московскую сцену новые жанры сценического искусства. Однако театральный репертуар был слаб и скуден.

В 1808 г. открылся театр на Арбатской площади, в связи с чем площадь выровняли и вымостили. До этого в дождливое время через площадь невозможно было ни проехать, не пройти. Арбатский театр размещался в высоком деревянном круглом здании, окруженном колоннами. На случай пожара было устроено множество дверей. Спектакли здесь шли не только на французском, но и на русском языке.

На углу Никитской улицы и Леонтьевского переулка славился крепостной театр П.А. Позднякова. На спектаклях и маскарадах у него бывала вся Москва. Театр был роскошно отделан. При нем был даже зимний сад. Театр считался страстью и князя И.М. Долгорукого, организовавшего спектакли и званые вечера у себя в доме у Воздвиженской церкви на Вражке. Князь сам хорошо играл политические роли. Когда его осуждали, он говорил: «Я сделаю только один вопрос: позволительно ли было мне в мои годы и моем чине играть по целым дням в карты и разоряться <...> или, спрятавшись дома, кое с кем осушивать за жирным столом дюжину бутылок шампанского, или, наконец, держать в тайне сераль наложниц и наполнять воспитательный дом несчастными жертвами? Спрашиваю: простительнее ли это театра?».

Московскую молодежь в особенности привлекал балет, а вернее — разнохарактерный дивертисмент. Нравы театралов были жестокие — если актриса не нравилась, то шикали, свистели, топали и кричали. На святках устаивались маскарады. Для ряженных были открыты почти все дома, где их радушно угощали вином — «ржаным молочком» и закусками, как тогда говорили «заедками».

Увеселительным местом был и московский «Вокзал» близ Рогожской заставы. Он состоял из общего большого здания и нескольких домиков. Большая зала главного здания предназначалась для публичных собраний и танцев. Два дня в неделю отводились балам, концертам и спектаклям. При Вокзале имелся обширный сад. Летом отсюда запускали воздушные шары, причем ночью, с огоньками. Здесь собиралось до пяти тысяч гостей. Входная плата составляла один рубль медью, а с ужином — пять рублей.

Типично московским учреждением являлся Английский клуб. Его помещение у Петровских ворот было роскошью. В нем имелись три бильярдные комнаты, салон, где можно было познакомиться с русскими, французскими, английскими и немецкими журналами. В буфетной комнате всегда были груды яблок, чернослива, конфет и апельсинов. Ежедневно в клубе бывало от пятидесяти до двухсот мужчин. Вход в клуб женщинам был запрещен. Занимались здесь и карточной игрой. В клубе царил непринужденная атмосфера. Иногда в его парадной зале давали торжественный обед в честь какого-то важного или заслуженного лица, как например, генерала

князя П.И. Багратиона. Однако в клубе никогда не было семейных вечеров, балов и спектаклей. Это тоже запрещалось уставом клуба.

Благородное собрание или Дворянский клуб вполне соответствовали своему названию. Главный зал собрания не имел аналогов в России. В нем устраивались балы, маскарады, концерты, во время которых зал освещался кроме люстр еще и разноцветными стаканчиками. В клубе собирались обычно к восьми часам вечера, но пение и музыку слушали плохо, занимаясь главным образом разговорами. Особенно многолюдно бывало по вторникам.

Играли два оркестра — инструментальный и роговой. Здесь можно было встретить вельможу и мелкопоместного дворянина, статс-даму и скромную уездную девушку. Тут учились любезничать, влюбляться, пользоваться правами личности и покоряться правилам общественной жизни, учились чиновничеству и уважению старости, как писал П.А. Вяземский. Сезон в Дворянском клубе длился с октября по май. Молодые люди хорошего тона должны были присутствовать на всех балах и спектаклях. Существовал в Москве еще Танц-клуб, или музыкальная академия, где собирались в основном иностранцы.

Женщина хорошего тона того времени должна была казаться бесстрастной, не оказывать особого внимания, не проявлять любопытства, быть ко всему равнодушной, скучать внешне, но при этом не пропускать ни одного бала и спектакля. При этом на балу женщина не могла отказать в танце пригласившему ее кавалеру.

Музыка в Москве была в большой моде. По мнению А.Т. Болотова, в столице имелось около десяти тысяч музыкантов. Во многих домашних оркестрах играли прекрасные музыканты-виртуозы. В особенности щеголял своими музыкантами генерал Г.И. Бибиков. В Москве работало множество музыкальных лавок, где торговали не только инструментами, но и нотами. Интеллигенция, в том числе профессора университета и студенты, собирались в кофейнях. Это были своеобразные научно-литературные и отчасти даже политические клубы. Здесь оживленно и горячо обсуждались городские новости и политические происшествия.

С наступлением осени все богатые и зажиточные помещики устраивались на зимнее житье в Москву. Сначала отправляли обоз до двух десятков подвод с продовольствием: замороженными жирными щами, густыми сливками, гусиными и утиными потрохами, разными полотками (половинками распластанных птичьих тушек), гусями, утками, курами, индейками, копченой, вяленой и сушеной рыбой, кулями круп, муки, бочонками свинины, солонины, замороженными яйцами. Через несколько дней следом за своим обозом отправлялся помещик «на долгих», т. е. на своих лоша-

дах. С ним вместе ехали учителя, мамки, няньки, компаньоны, шуты, дурачки, дядьки, мальчики, девочки, собачки, птицы разные и многочисленная дворня. Впереди следовала большая бричка с кухней и поваром, чтобы готовить пищу на остановках. Иногда помещика сопровождал воинский конвой для защиты от разбойников. Многочисленные обозы прибывали в Москву и растекались по ней. Одни заполняли собственные дома или владения родственников. Помещики среднего достатка нанимали жилье на сезон — кто городскую усадьбу, кто дом, а кто квартиру. Бедные вдовы, старики и незамужние девицы ютились у знакомых. Гостиниц тогда еще не существовало.

Наступало время балов, визитов, приемов, обедов, различных празднеств, выездов, щегольства, демонстрации мод и этикета. Владельцы свои экипажи стремились содержать в высшей степени изысканными: колеса были золочеными; сбруя из красного сафьяна с позолоченным набором; лошади вороно-пегие, атласно-воронье, чубарые, с гривой ниже колен; лакеи парные, рослые, в золоченых ливреях; кучера важные, бородатые в бархатных голубых, зеленых и малиновых кафтанах с бобровой опушкой и блестящей оторочкой; форейторы из мальчиков, пронзительно кричавшие на неповоротливых прохожих и встречных еле ползущих проезжих. Езда парой лошадей презрительно называлась мещанской. Естественно быстрая езда могла приводить к уличным происшествиям — столкновениям, наездам на пешеходов. Но полиция просто и без хлопот улаживала различные недоразумения, как правило, компенсацией ущерба потерпевшей стороне на месте. Весной процесс повторялся в обратном направлении. Летом в Москве становилось пусто и безлюдно, улицы зарастали травой. Не пустела летом только Немецкая слобода.

Москва была очень богомольна, верила всему чудесному, не начинала никаких дел, не помолившись, презирала и сторонилась «вольномудцев», не посещавших храмов. Но при всей набожности в Москве сохранялись барские замашки и презрение к приходскому священнику, как к человеку низшего происхождения. Желая исповедоваться, барин нередко посылал за попом, давал ему с пренебрежением деньги, получал отпущение грехов и отправлял священника их отмаливать, даже не считая нужным перечислять свои грехи. По утрам в праздничные дни почти вся Москва расходилась по церквам, где молились и слушали превосходных певчих в церквах Большого Вознесенья на Никитской, Никиты Мученика на Старой Басманной или Божией Матери образа Всех Скорбящих Радость на Зацепе, соборе Василия Блаженного, Вознесенском и Алексеевском монастырях. Во время службы большинство знатной публики разговаривало и ходило, мало слушая слова молитвы или проповеди.

Предвоенная Москва была средоточием массы религиозных заведений. В ней числились Духовная академия, тридцать девять церквей, двадцать четыре монастыря (ныне — восемь), тридцать три часовни и 5104 лица духовного звания (около 2% населения). Еще существовала Славяно-греко-латинская академия, имевшая до полутора тысяч учащихся.

Докторам не верили. От чего бы ни умер больной, говорили, что его уморили лекари, хотя их и приглашали к больным. Все острые заболевания называли горячкой. Универсальными средствами от любой болезни считали кровопускание, пиявки, шпанскую мушку. Причину смерти определяли без помощи врача: паралич в желудке, внутренний антонов огонь, вода в голове и т.д. Радикальным лечением считали обкладывание тела теплыми березовыми листьями, магнетизм и другие процедуры. Среди тогдашней знати бытовали различные предрассудки, вера в приметы, особенно связанные со здоровьем. Медицинское обслуживание москвичей оставляло желать много лучшего. В городе было только шесть больниц более чем на четверть миллиона жителей: Павловская, Екатерининская больница для бедных (будущая Мариинская), Голицынская, при Шереметевском странноприимном доме и Преображенская больница для душевнобольных. Причем их возможности не превышали в общей сложности около тысячи мест.

Москва отличалась французолюбием. О приезде любого иностранца в город сообщалось в печати. Приезжали люди разных профессий и без всяких навыков, только с целью наживы. Это особенно удавалось модисткам, портным, парикмахерам, обувщикам. Все парижское, то есть сделанное на французский манер, нередко приводило к подделкам и обманам. Но россияне издавна любили французов за их почти русскую беспечность и добродушие. В знатных домах господствовал французский язык, французская мода, французские манеры. «В России только и видишь молодёжь во всех отношениях французскую», — говорил Ф.В. Ростопчин. Французомания заразила даже купеческие семьи. Русские учителя не пользовались уважением в обществе. Русский язык и русские обычаи были забыты высшим обществом, где красоту и силу родного языка изучали самостоятельно, у псарей, лакеев, кучеров и других дворовых, но изученное, таким образом, из уст представителей простого народа природное красноречие познавали во всем великолепии.

Молодежь зачитывалась французскими романами. Других иностранных языков почти никто не знал и не стремился к тому. Посетивший Москву в 1810 г. К.Н. Батюшков писал: «Здесь все картавят (грассирование было присуще французскому языку. — А.С.) и кривляются. Зайдя в конфетный магазин на Кузнецком мосту, где жид или гасконец Гоа продает мороженое и всякие сласти, я видел большое стечение московских

франтов, в лакированных сапогах, в широких английских фраках и в очках, и без очков, и растрёпанных прическах. Этот, конечно, англичанин: он, разиня рот, смотрит на восковую куклу... Нет, он русак и родился в Суздале. Ну, так этот француз: он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревоушателе, который в прошлом году забавлял весельчаков парижских. Нет. Это старый франт, который не ездил далее Макарья (Макарьевская ярмарка у одноименного монастыря в Нижегородской епархии. — А. С.) и, промотав родовое имение, наживает новое картами... Ну, так этот немец, этот бледный высокий мужчина, который вышел с прекрасной дамой? Ошибся! И он русский, а только молодость провел в Германии. Но, по крайней мере, жена его иностранка: она насилу говорит по-русски. Еще раз ошибся, — она русская..., родилась в приходе Неопалимой Купины...» Иностранцев принимали с особым радушием, даже предпочтением.

В России начала XIX в. **не существовало культурного центра, подобного** Москве. В ней было множество книжных лавок, где продавалось немало русских книг, изданных в четырнадцати московских типографиях, в том числе — девяти частных. Ежегодные торговые обороты московских книгопродавцев были весьма значительны и достигали нескольких сот тысяч рублей. Причем ассортимент книг отличался большим разнообразием, о чем можно судить по регулярным сообщениям газеты «Московские ведомости». Московская книга питала культурную жизнь всей страны, способствовала появлению библиотек. Достаточно вспомнить богатейшие книжные и рукописные собрания А.И. Мусина-Пушкина, Н.П. Румянцева, Д.П. Бутурлина. В Москве печаталось более двух десятков журналов. Особой популярностью у москвичей пользовались «Русский вестник» С.Н. Глинки и «Вестник Европы» Н.М. Карамзина. Нельзя здесь не вспомнить известного московского издателя-просветителя Н.И. Новикова, которому первопрестольная обязана созданием Публичной библиотеки и типографии. Общий объем изданных им в конце XVIII в. книг составил третью часть всей книжной продукции тогдашней России. По словам П.А. Вяземского, Россия училась говорить, читать и писать по-русски по книгам, издаваемым в Москве.

Только в Москве существовал ботанический сад графа А.К. Разумовского с растениями со всех концов света. В Москве была открыта первая общественная картинная галерея в здании Голицынской больницы. В Москве творили прославленные художники Р.С. Рокотов, В.А. Тропинин, И.П. Аргунов, О.А. Кипренский. В 1811 г. здесь стал издаваться «Журнал драматический». Известный издатель П.П. Бекетов создал лучшую в Москве типографию и открыл книжную лавку.

В 1811 г. в Москве особенно активизировалась литературная жизнь. Писатели часто собирались вместе, читая друг другу свои новые произведения. В том же году в Москве было учреждено «Общество любителей российской словесности». Москва была средоточием русской литературы. Писатели, не жившие в Москве, печатали большинство своих произведений в московских изданиях.

Москва была крупнейшим литературным центром, где жили и работали известные писатели и поэты — Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, В.Л. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.Ф. Мерзляков и другие литераторы.

Научная жизнь Москвы концентрировалась вокруг университета, при котором действовали «Общество истории и древностей российских», «Общество испытателей природы», «Физико-медицинское общество» и «Общество любителей российской словесности», известные и авторитетные по всей России. Научными начинаниями стали ботанические сады А.К. Разумовского, Д.П. Бутурлина и других естествоиспытателей. Университет имел не только огромнейшую библиотеку, но и ряд богатейших собраний и коллекций, а также Музей натуральной истории с необычайно ценными фондами. Преподаватели университета читали общедоступные публичные лекции по различным научным проблемам, привлекавшие много различной публики, среди которой можно было видеть не только молодых людей, но и знатных дам, и купцов, и представителей духовенства. Кстати сказать, что в университете был превосходный студенческий хор, устраивались спектакли. В 1811 г. в университете обучались 215 студентов.

Кроме университета в Москве было немало иных учебных заведений — Коммерческая академия, Московское отделение Медико-хирургической академии, гимназия, двадцать два народных училища, двадцать четыре пансиона, Александровское и Екатерининское училища для девочек, Воспитательный дом для подкидышей.

Однако к любым наукам большинство дворянства не питало уважения, считая это занятие не дворянским делом. Поэтому даже в гимназиях учились в основном дети чиновников, разночинцев и «людей разного звания». Столбовое дворянство предпочитало домашнее образование.

Обучение и воспитание было в подавляющем большинстве дворянских семей домашним. Занятия начинались после утреннего туалета. Учителя, количество которых и профиль занятий которых определялся достатком семьи, являлись носителями всех городских новостей и сплетен.

Строгий блюститель русских обычаев и нравов жил рядом со страстным последователем лондонских правил или парижских норм. Каждый по-

своему распределял свое время. Роскошь уживалась рядом с самой крайней нищетой и убожеством. Москва жила самобытной и самостоятельной жизнью, вполне оправдывая названия «столицы без двора» (имелся в виду Императорский двор) или «отставной столицы». Ее называли иногда и «инвалидным домом дворянства», так как в ней жили опальные или оскорбленные в своем самолюбии сановники, богатые помещики разных губерний, а также дворяне, не стремившиеся к служебной карьере. Москва во всем была своеобразна и никогда не отличалась сдержанностью, позволяя себе свободно обсуждать всех и все, невзирая на абсурдность и положение персон. Не случайно поэтому коренные жители и Н.М. Карамзин называли Москву «столицей российского дворянства».

Новости в Москве узнавали не из газет, а из писем и рассказов. В городе существовала даже особая группа людей, называвшихся «нувеллистами», которые собирали новости, распространяли и рассуждали о них.

Общественный быт в основном оставался неизменным с конца XVIII в. Однако внешне столичная жизнь развивалась широко, по-европейски. Правда, нередко блага цивилизованной жизни являлись для большинства просто данью иностранной моде, начиная от искусства и вплоть до расцветки лошадей. Французские моды, вкусы, нравы господствовали во всей тогдашней общественной жизни высших слоев. Настоящая русская жизнь сохранялась в среднем и низшем сословиях. Как выглядел дом старого москвича, не признававшего полугерманской жизни столицы и придерживающегося дедовских обычаев? Деревянный дом с подъездом на улицу. Большой двор завален мусором и дровами. За двором — огород. В прихожей толпа оборванных, грубых и подвыпивших слуг. Комнаты без обоев, стульев и подушек, на стенах картины домашнего художника. В столовой накрыт стол, на котором щи и каша в горшках, грибы, бутылки с квасом. За столом сидят: хозяин в тулупе, хозяйка в салопе, приходской священник, школьный учитель, шут, дети, старуха-колдунья, мадам и гувернер из немцев. Обедали в период с двенадцати до семнадцати часов. В высшем обществе, жившем вполне по-европейски, все еще сохранялись в домах «шуты» и «дураки», карлики и арапы. Зачастую «дураки» оказывались умнее своих господ. Это были тогдашние фельетонисты, остроумцы и остро словы, придумщики смешных и забавных шуток. Сюжетами же для них служили картинки из жизни представителей высшего общества. Только в таком виде могла тогда существовать сатира. Господа были уверены, что она служит им, а не наоборот. Но в обществе царила сплетня, державшая в страхе всех. При этом всякий, не опасаясь, мог оклеветать честного человека, назвав его мошенником, вором, злодеем...

Прославившийся коннозаводством граф А.Г. Орлов впервые организовал в Москве публичные скачки лошадей на призы. Знаменит был «голубиный гон» графа, разводившего их редкие породы. Известны были орловские бойцовые гуси и орловские канарейские с особой напевностью. Его воскресные обеды собирали порой до трехсот дворян. Хлебосольство екатерининского вельможи было общеизвестно.

Князь Н.Б. Юсупов в доме в Харитоньевском переулке содержал гарем с двумя десятками красивых дворовых девиц, которых обучали танцам.

В домах московского дворянства было по несколько десятков дворовых людей, в том числе около десятка горничных девушек, которые шили, вязали, пряли, плели кружева, находились на посылах. Нередко в доме имела своя церковь, свои певчие, свой портной, свой сапожник, свой обойщик, свой столяр и другая челядь. Если в доме были собаки, то для них и приставленных к ним дворовых предусматривались специальные помещения. Иногда огромные молодцы или «малые» стояли у каждой двери господских покоев. Крепостных, в том числе и дворовых, продавали, причем порой за бесценок, или дарили, а за малейшую провинность или по старости отправляли в деревню. У тогдашних помещиков отсутствовало уважение к личности. Крепостных не только продавали как рабов, но и наказывали поркой. Эту экзекуцию совершали в полиции по заявлениям хозяев. Там же иногда секли даже взрослых хозяйских сыновей по просьбе родителей. Это никого не удивляло и не считалось бесчестьем. Не уважали чужого самолюбия, потому что не было своего. Все было просто, без стеснений. Например, в театре могли объявить об отмене спектакля, потому что управляющий уехал с актрисой за город. Среди москвичей были широко распространены прозвища. К примеру, П.А. Вяземский вспоминал, что в Москве проживали три сестры-девицы, часами сидевшие у окон своего дома. Один из остряков сказал о них: «На каждом окошке по лепешке». С тех пор их стали называть «лепешками». Князь С.Н. Трубецкой имел на Покровке дом, напоминавший комод, поэтому все его семейство прозвали «Трубецкие-комод». Это помогало отличить представителей данного семейства от членов других ветвей рода Трубецких, живших также в Москве. Подобных примеров было не мало. В некоторых домах, как например, у князя И.С. Мещерского, предпочтение отдавали петушиным и гусиным боям.

Но самым большим и самым разорительным пристрастьем москвичей была карточная игра. Дворяне проигрывали свои состояния за картами в собраниях, клубах и трактирах, несмотря на высочайшие указы 1801 и 1808 гг., запрещавшие азартные игры под страхом суда. Были, конечно, и в дворянской среде благоразумные граждане. Они тесно сплотились между

собой, честно служа Отечеству, и жили особой жизнью, лишь внешне соприкасаясь с другими слоями общества. В то же время аристократия и богатое дворянство уклонялось от службы, преследовали лишь личные интересы, покровительствовали пороку и клевете на честных людей. В результате Россия страдала от беззакония и произвола. Свода законов не существовало. Его замещало множество не систематизированных, а порой и противоречивых указов и постановлений. Это приводило к процветанию взяточничества на всех уровнях власти и правосудия. Чиновники нищенствовали, чем и объясняли лихоимство деньгами и продуктами. Присутственные места содержались грязно, не обеспечивались канцелярскими принадлежностями, мебелью, свечами. Положение несколько улучшилось с назначением московским главнокомандующим (генерал-губернатором) генерала от инфантерии графа Ф.В. Ростопчина. А на вопрос — что же делается в России? — Н.М. Карамзин ответил одним словом — крадут! Неслучайно поэтому один из образованнейших людей России граф С.Р. Воронцов писал: «Едва ли найдется человека три на всем протяжении громадного царства, чтобы приносить пользу и постановить преграду тем беспорядкам, которые проникли во все отрасли управления». Такова была Россия, и Москва являлась ее неотъемлемой частью.

Многообразной, насыщенной и размеренной была московская жизнь в канун 1812 г. Каждая социальная группа населения Москвы жила своими заботами, но тон всему в этом по-настоящему дворянском городе задавало дворянство. Москва была средоточием богатых городских дворянских усадеб, заполнявшихся и оживающих в основном зимой, торговля и мода подстраивались под дворянские вкусы, местная власть твердо стояла на защите интересов дворянства. Особым оживлением отличалась общественная жизнь Москвы зимой 1811–1812 гг. Балы, маскарады и другие увеселения следовали непрерывной чередой. Почти ежедневно устраивались балы и приемы в частных московских дворянских владениях. С театральных подмостков не сходили веселые представления. Международные события мало волновали москвичей. Комета, пронесшаяся в московском небе октябрьской ночью 1811 г., предвещала большую войну, но никто не предполагал, что она может коснуться непосредственно Москвы. Скучные сообщения «Московских ведомостей» о европейских делах порождали всевозможные слухи и домыслы.

Вот как, по словам А.С. Пушкина, реагировало на надвигающиеся события московское светское общество: «Все говорили о близкой войне и... довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к Отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобо-

страстием и шутили над нашими неудачами (франко-русские военные конфликты 1805–1807 гг. — *А.С.*). К несчастью, заступники Отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста (там размещались лавки иностранных купцов. — *А.С.*) и тому подобным. Молодые люди говорят обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации (союза германских государств под протекторатом Франции. — *А.С.*). Словом, общество было довольно гадко».

Москва в 1812 году

События Отечественной войны 1812 г. знаменовали новый период жизни Москвы. Известие о вторжении неприятеля в Россию 12 июня 1812 г. взволновало всю Москву. «Московские ведомости», сообщавшие о ходе военных действий начиная с 15 июня 1812 г., читались вслух. Известия из армии стали печатать в ежедневных объявлениях. Лубочные картинки и карикатуры на военные сюжеты охотно раскупались простонародьем. Приближение неприятеля к Москве вызывало тревогу, росло возбуждение народных масс. Следствием этого явилось появление пространных воззваний московского генерал-губернатора или Главнокомандующего графа Ф.В. Ростопчина, написанных «простонародным» языком, — «растопчинских афишек». Они начали издаваться с 1 июля 1812 г.

Через пять дней, 6 июля 1812 г., Император Александр Первый обратился к жителям всех сословий и состояний Москвы с призывом о создании ополчения. Это обращение с известиями о непрекращающемся отступлении русских войск еще более взволновало москвичей. Вот что писал об этих днях А.С. Пушкин: «Москва взволновалась... Народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто отказался от лафита и принялся за русские щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собирались на долгих отправиться в саратовские деревни... Приезд Государя (12 июля 1812 г. — *А.С.*) усугубил общее волнение. Восторг патриотизма овладел, наконец, и высшим обществом. Гостиные превратились в палаты прений. Все толковали о патриотических жертвованиях».

Оставив армию, император Александр Первый посчитал необходимым заехать в Москву. Он не любил Москвы и считал неуместным пышные встречи, поэтому въехал в город ночью с 11 на 12 июля 1812 г., когда толпы встречающего народа разошлись. Он решил обратиться к дворянству и купечеству с просьбой о материальных пожертвованиях на военные нужды. Он прекрасно понимал, что почин москвичей послужит примером и будет подхвачен всей Россией.

В девять часов утра 12 июля 1812 г. Александр Первый вышел из Большого Кремлевского дворца на Красное крыльцо и поклонился народу, заполнившему Соборную площадь. Приветственные возгласы многотысячной толпы слились с колокольным звоном. Император с трудом продвигался сквозь толпу к Успенскому собору. Могучее «Ура!» порой заглушало звон колоколов. В преддверии собора митрополичий викарий Преосвященный Августин встретил Императора приветственной речью. Выслушав ее, Император вступил в собор, сопровождаемый торжественным песнопением «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!». По окончании литургии совершено было благодарственное молебствие, завершившееся артиллерийским салютом, по случаю ратификации Бухарестского мира с Турцией. Самым важным следствием этого мира был выход Турции из числа союзников Франции, что позволило России использовать Молдавскую или Дунайскую армию для борьбы с вторгнувшейся армией Наполеона. Поскольку главная заслуга в этом принадлежала М.И. Кутузову, он был награжден дворянским титулом Светлейшего Князя, минуя титул князя. После молебна Государь возвратился во дворец. Но так как народ не расходился, то он вышел на дворцовый балкон, приветствуемый возгласами из толпы.

Четырнадцатого июля 1812 г. Император рассмотрел и утвердил доклад Комитета по делам ополчений об образовании «Московской военной силы», в котором излагались все организационные вопросы. Этот документ был положен в основу формирования ополчения и других губерний России.

Пятнадцатого июля 1812 г. в Слободском дворце в Лефортове в восемь часов началось собрание представителей московского дворянства и купечества. После зачтения Манифеста, призывающего каждого встать на защиту Отечества, дворянство приняло решение выделить в ополчение каждого десятого крестьянина, а отдельные помещики обязались на свои средства организовать и содержать по полку, как например П.Н. Салтыков, М.А. Дмитриев-Мамонов, Н.Н. Демидов и П.П. Гагарин. Подписка, произведенная среди купечества, дала почти два с половиной миллиона рублей пожертвований.

Началось усиленное формирование Московского ополчения. Его начальником 16 июля 1812 г. единогласно избрали М.И. Кутузова. Московский арсенал выделил оружие части ратников. В ополчение вступали семинаристы, дети священнослужителей и купцов, мещане и дворяне, студенты и мастеровые, дворовые и педагоги. Москва стала центром формирования Московской военной силы в составе двенадцати полков, общей численностью до тридцати одной тысячи ратников. В эти дни вступили в формируемые полки А.С. Грибоедов, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, С.Н. Глинка, М.Н. Загоскин и другие замечательные представители русской интеллигенции. В связи с избранием М.И. Кутузова 17 июля 1812 г. начальником Санкт-Петербургского ополчения и утверждением его в этой должности до получения известия из Москвы, начальником Московского ополчения стал боевой генерал суворовской школы И.И. Морков (Марков). Московское ополчение вошло в Первый ополченный округ, которым командовал Ф.В. Ростопчин.

Москва не только формировала ополчения и собирала пожертвования. Она работала на армию: шила обмундирование, изготовляла шанцевый инструмент, снабжала боеприпасами, заготавливала продовольствие, мастерил армейские фуры и патронные ящики, хранила оружие. Москва оборудовала временные госпитали в общественных зданиях — институтах, училищах, казармах, собрала врачей и фельдшеров под руководством доктора Х.И. Лодера для обслуживания поступающих раненых. В этот медицинский отряд вошел выдающийся врач-филантроп Ф.П. Гааз. Лекарями в госпиталях работали и наиболее подготовленные студенты старших курсов Московского отделения Медико-хирургической академии и медицинского факультета Московского университета.

Однако далеко не все московские сердца зажег огонь патриотизма. По мере приближения неприятеля усиливалось бегство жителей, стремившихся вывезти хотя бы самое ценное имущество. Поток беженцев ежедневно увеличивался, и к середине августа в день выезжало около 1 320 бричек, карет, колясок. Это привело к резкому росту цен на подводы. Простой московский люд неодобрительно относился к бегству из города, особенно мужской части населения. Поэтому многие уезжавшие мужчины рядились в женское платье, закрывая головы и бородастые лица платками.

Шестого августа 1812 г. русская армия оставила Смоленск. «Эта весть огромила Москву, — писал один из очевидцев событий С.Н. Глинка. — Раздался по улицам и площадям гробовой голос жителей: отворены ворота к Москве! Началось переселение... Каждый день по улицам во все заставы, кроме Смоленской или Драгомиловской, тянулись вереницы карет, колясок, повозок, кибиток и нагруженных телег. Иные отправляли на барках

всякие утвари домашния... Казалось, что Москва выходила из Москвы». Предпринимались усилия для вывоза из Москвы государственных учреждений и ценностей в Нижний Новгород и Вологду, для чего было собрано с губернии 63 000 подвод.

Московское общество 13 августа 1812 г. с надеждой встретило известие о назначении Светлейшего Князя М.И. Голицишева-Кутузова Главнокомандующим всеми войсками, действующими против Наполеона. На торжественном смотре Московское ополчение 14 августа 1812 г. в качестве знамен получило хоругви и после молебна благословенное архиепископом Августином выступило к армии. Главнокомандующий в Москве Ф.В. Ростопчин строго следил за порядком в городе и не только пресекал попытки расправ с жившими в Москве иностранцами, но и карал за пронаполеоновскую агитацию: несколько иностранцев публично наказали плетью и выслали в Сибирь; арестовали купеческого сына Верещагина и губернского секретаря Мешкова за приписываемое им авторство пронаполеоновской прокламации; более сорока арестованных иностранцев 20 августа 1812 г. отправили на барже в Нижний Новгород. Туда же отправили и заключенных из Тюремного замка.

Московское ополчение прибыло в Можайск 21 августа 1812 г., а на следующий день, 22 августа, отступавшие русские войска остановились у села Бородино в двенадцати километрах перед Можайском и начали готовиться к генеральному сражению. Более двадцати тысяч ратников распределили в помощь пехотным корпусам, саперам, санитарам, военной полиции. Главной задачей сражения Главнокомандующий М.И. Кутузов считал защиту Москвы, поэтому Бородинскую битву по праву называют битвой за Москву.

Текущая жизнь первопрестольной тех дней и ее будущее тесным образом сопрягалось от исхода битвы. Поэтому 25 августа 1812 г. в Кремле состоялся торжественный молебен, после которого митрополит Платон призвал народ к спокойствию и покорности власти, а Ф.В. Ростопчин объявил, что желающие могут приобрести оружие в Арсенале.

Однако в результате пятнадцатичасового сражения 26 августа 1812 г. М.И. Кутузову не удалось остановить наступление войск Наполеона. Потеряв около пятьдесят тысяч человек из полутора сотен тысяч военнослужащих русской армии (включая около двух тысяч человек Смоленского и Московского ополчения), в то время как Великая армия Наполеона потеряла до трех тысяч из ста тридцати пяти тысяч, русская армия с упорными арьергардными боями продолжала отступление к Москве.

О результатах Бородинского сражения в Москве узнали 27 августа 1812 г. «По мере отступления наших войск, гробовая равнина Бородинская,

вдвигаясь в стены Москвы в ужасном, могильном своем объеме! — продолжал свой эмоциональный рассказ С.Н. Глинка. — Солнце светило и не светило. Улицы пустели...

Знакомые, встречаясь друг с другом, молча проходили мимо, В домах редко где мелькали люди... весь быт московский был в разброде. А между тем, под завесою пыли, медленно тянулись повозки с ранеными. Около Смоленского рынка..., множество воинов, раненых под Смоленском и под Бородиным, лежали на плащах и на соломе. Обыватели спешили обмывать запекшиеся их раны и обвязывали и платками, и полотенцами, и бинтами из разрезанных рубашек».

Жители Москвы 29 августа 1812 г. с ужасом увидели ночью зарево бивуаков почти в сорока верстах от города. На другой день были закрыты последние государственные учреждения кроме Воспитательного дома, больницы для бедных, Екатерининской и Голицынской больниц, а их чиновники отправлены в другие города. Причем некоторых пришлось уговаривать отправиться в эвакуацию лично Главнокомандующему в Москве Ф.В. Ростопчину. И все же чиновник Вотчинного департамента Сената А. Бестужев-Рюмин остался с семьей в Москве, разместился в помещении своего департамента с целью спасти от уничтожения его невывезенные документы. Остался и комиссар типографии Сената Г. Иванов.

К 31 августа 1812 г. русская армия по Можайскому тракту подошла к пригородам Москвы и расположилась лагерем вдоль ее западной границы. Правый фланг армии развернулся перед деревней Фили, центр — между селами Троицкое и Волыньское, а левый фланг — у села Воробьева. Авангард генерала от инфантерии М.А. Милорадовича остановился у деревни Сетунь.

На следующий день началось строительство укреплений и временных переправ в тылу позиции через Москву-реку. Утром Главнокомандующий русскими войсками генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов лично осмотрел позицию и нашел ее невыгодной для сражения, ибо позади вдоль всего расположения русских войск тянулась Москва-река с крутыми берегами, а фланги легко могли быть обойдены неприятелем. Вернувшись в Главную квартиру, размещенную в деревне Фили, в двух километрах впереди Дорогомиловской заставы (на нынешней Большой Дорогомиловской улице), М.И. Кутузов распорядился созвать к вечеру, к пяти часам, Военный Совет.

В то время деревня Фили насчитывала только семь изб. В одной из них, принадлежавшей крестьянину М. Фролову, и расположился Главнокомандующий русскими войсками. Рубленая изба Фроловых, судя по сохранившимся рисункам с натуры, была просторной. Тремя створчатыми окнами по фасаду смотрела она на улицу и одним боковым окном — на двор.

Маленькое обрешеченное крыльцо с навесом и пятью ступенями вело к входной двери, через которую можно было попасть в небольшие сени. В этой избе воскресным днем 1 сентября 1812 г. М.И. Кутузов принял всех собравшихся на Военный Совет генералов.

Из тех, кому предстояло решить судьбу Москвы и всей России, первыми прибыли командующий 1-й армией генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли; командир 6-го пехотного корпуса генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров; командир 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенант А.И. Отсерман-Толстой; командир 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Ф. П. Уваров; генерал-лейтенант П.П. Коновницын, сменивший смертельно раненого командира 3-го пехотного корпуса и начальник штаба 1-й армии генерал-майор А.П. Ермолов. Немного позднее присоединился полковник К.Ф. Толь, занимавший должность помощника генерал-квартирмейстера всех действующих армий. Около шести часов вечера прибыл на Совет исполнявший обязанности начальника штаба русских войск генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен и обратился к окружающим с вопросом: «Выгоднее ли сразиться под стенами Москвы, или оставить ее неприятелю?».

Главкомандующий М.И. Кутузов прервал Л.Л. Беннигсена. Подробно объяснив все преимущества и недостатки позиции русской армии на Воробьевых горах, он сказал: «Пока будет существовать армия и пока она сохранит возможность противиться неприятелю, до тех пор остается надежда окончить успешно войну; напротив того, по уничтожению армии не только Москва, но и Россия потеряна». В заключение М.И. Кутузов предложил Военному Совету обсудить главный вопрос, ради которого все собрались: «Ожидать ли нападения в невыгодной позиции, или уступить неприятелю Москву?».

Первым высказал свое мнение М.Б. Барклай де Толли. Со свойственной ему прямоотой и убежденностью он заявил: «Позиция весьма невыгодная; дожидаться в ней неприятеля опасно; превозмочь его, располагающего превосходными силами, более нежели сомнительно... Потеря Москвы будет чувствительною, но к окончанию войны не склонит, и решительна воля продолжать ее с твердостью. Сохранив Москву, Россия не сохраняется от войны жестокой, разорительной; но, сберегши армию, еще не уничтожаются надежды Отечества, и война, единое средство к спасению, может продолжаться с удобством. Успеют присоединиться в разных местах за Московью приуготовляемые войска, туда же благовременно перемещены все рекрутские депо. В Казани учрежден вновь литейный завод; основан новый ружейный завод Киевский, а в Туле оканчиваются ружья из остатков прежнего металла. Киевский арсенал вывезен; порох, изготовленный на заводах, переделан в артиллерийские снаряды и патроны и отправлен

внутри России». Свое выступление Барклай закончил словами: «Горестно оставить столицу, но если мы не лишимся мужества и будем деятельны, то овладение Москвою приготовит гибель Наполеону».

Не желая соглашаться с объективными доводами Барклая, Л.Л. Беннигсен пытался возражать, выдвигая уводящие от главного второстепенные демагогические вопросы: «Обдуманы ли последствия, могущие произойти от уступления Москвы и сопряженных с тем бесчисленных потерь для казны и частных лиц? Обсуждено ли впечатление, какое произведет событие сие на народный дух, имеющий столь сильное влияние на средства продолжать войну? Приняты ли в уважение затруднения и опасности, предстоящие армии и артиллерии при проходе через Москву, когда неприятель будет идти по нашим пятам? Стыдно оставить столицу без выстрела. Если мы решимся отступить, то никто не поверит, что Бородинское сражение нами выиграно, если последствием его окажется потеря Москвы... Какое действие произведет занятие Москвы неприятелем на иностранные дворы и вообще в чужих краях?.. Я не постигаю, зачем думают о неминуемом поражении и потере артиллерии, между тем как, после Бородинского сражения, мы в отношении к неприятелю имеем ту выгоду, что получили разные подкрепления. Мы те же русские, которые с примерной храбростью везде сражались. Если 26-го августа (в этот день произошло Бородинское сражение. — А.С.) понесли мы значительный урон, то убыль неприятеля не меньше нашей; если наша армия расстроилась, то и неприятельская не в лучшем положении... Предлагаю: собрать ночью все силы на левом крыле и идти на центр Наполеона, ослабленный корпусами, посланными обходить нас... Если же нам придется отступить после сражения, то должно идти на Старую или Новую Калужскую дорогу, для угрожения сообщениям неприятеля».

Сознавая несостоятельность предложений Л.Л. Беннигсена, сдержанный, как всегда, Барклай холодно заметил: «Ежели намеревались действовать наступательно, то следовало распорядиться заблаговременно и соответственно с тем расположить армию; на то было еще достаточно времени утром, при первом объяснении моём с генералом Беннигсеном о невыгодах позиции; а теперь уже поздно. Трудно устроить ночью войска, скрытые в глубоких оврагах, а между тем неприятель может напасть на них. Армия потеряла большую часть генералов и штаб-офицеров; многими полками командуют капитаны. Войска наши со свойственно русскому солдату храбростью могут сражаться, стоя на месте в позиции, и отразить неприятеля, но не в состоянии исполнить движение в виду неприятеля. Я предлагаю отступить к Владимиру и Нижнему Новгороду».

Главнокомандующий М.И. Кутузов поддержал М.Б. Барклая де Толли. Генерал Д.С. Дохтуров выступил против предложения Л. Л. Беннигсена о наступлении. Однако этот боевой генерал суворовской закалки не мог смириться с мыслью о сдаче Москвы без боя и считал необходимым дать сражение под стенами древней столицы России. Генерал Ф.П. Уваров согласился с доводами Л.Л. Беннигсена. Генерал А.И. Остерман-Толстой присоединился к мнению Барклая, сказав: «Москва не составляет России, наша цель не в одном защищении столицы, но всего Отечества, а для спасения его главный предмет есть сохранение армии».

Генерал П.П. Коновницын объявил, что хотя он и не согласен с утверждением Л.Л. Беннигсена о достоинствах выбранной позиции, однако считает долгом армии «сделать ещё новое усилие, прежде, нежели решиться на оставление столицы». Для этого П.П. Коновницын предложил всеми силами без промедления двинуться на неприятеля и атаковать его там, где он будет встречен. Генерал А.П. Ермолов предложил атаковать неприятеля, думая «этим избежать необходимости ожидать нападения на позиции, которая имела недостатки». Выразив полное согласие со всем сказанным относительно неудобств и слабости расположения русской армии, полковник К.Ф. Толь предлагал отступить за Москву.

Командир 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, находившийся в арьергарде, прибыл на Совет с большим опозданием. Только тут узнав, что решается участь Москвы, армии и России, Н.Н. Раевский решительно заявил: «Не от Москвы зависит спасение России. Следовательно, более всего должно сберечь войска. Мое мнение: оставить Москву без сражения».

Внимательно выслушав все предложения участников Совета М.И. Кутузов, обращаясь к колеблющимся, пророчески сказал: «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на провидение, ибо это спасет армию. Наполеон — как бурный поток, который мы еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосет».

Решение оставить Москву без боя, вероятно, созрело у М.И. Кутузова раньше и в ходе обсуждения только укрепилось, как единственно правильное в сложившейся обстановке. Поэтому он с уверенностью заключил: «С потерей Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставляю сохранить армию и собраться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самым уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Из Москвы я намерен идти по Рязанской дороге. Знаю, что ответственность падет на меня, но жертвую собою для блага Отечества... Повелеваю отступить».

Известие о решении М.И. Кутузова оставить Москву без боя быстро распространилось в войсках, но, как вспоминал будущий декабрист и участник войны С.Г. Волконский, «общий дух армии не пал; всякий постигал, что защищать Москву на Воробьевых горах — это было бы подвергнуть полному поражению армию, что великая жертва, приносимая благу Отечества, необходима».

Вместе с тем адъютант М.И. Кутузова А.И. Михайловский-Данилевский свидетельствовал: «Уныние было повсеместное, когда узнали о сдаче Москвы, хотя его ожидали и были уверены в необходимости сей меры». Ему вторил и очевидец событий чиновник штаба 2-й армии С.И. Маевский: «Все умы пришли в волнение: большая часть плакала, многие срывали с себя мундиры и не хотели служить после поносного отступления, или лучше, уступления Москвы».

Как только стало известно, что Москву оставляют, началась общая поспешная беспорядочная эвакуация больных и раненых. По свидетельству генерал-интенданта 1-й армии Е.Ф. Канкрин, комиссары и госпитальные служители покинули город вместе с другими, бросив невывезенных раненых на произвол судьбы и милость неприятеля. Однако благодаря предусмотрительности Ф.В. Ростопчина еще 26 августа 1812 г. было подготовлено пять тысяч подвод для вывоза раненых. Подводы усиленно охранялись. Это позволило при получении решения об оставлении Москвы сразу же начать погрузку раненых, в первую очередь тяжелых. Вскоре длинный обоз потянулся по Рязанской дороге к Коломне. Обоз сопровождали медики из отряда Лодера. Они уже работали во временных московских госпиталях и вместе с ранеными поступили во вновь созданные госпитали Касимова, Казани, Владимира, Ярославля и других городов.

Тем раненым, которым не хватило мест на подводах, предложили выбираться из города самостоятельно следом за обозом. В результате большинство ходячих раненых разбилось по городу и его окрестностям, превратившись в период оккупации Москвы в мародеров. К сожалению, подвод оказалось недостаточно, чтобы вывезти всех раненых. Главнокомандующий в Москве Ф.В. Ростопчин писал, что в Москве осталось около двух тысяч раненых. Военный историк А.И. Михайловский-Данилевский приводил цифру — десять тысяч, но по всей вероятности это все же общее число раненых, оставшихся не вывезенными, большинство которых покинули госпитали разным путем. В какой-то степени это подтверждал и главный врач французской армии Д. Ларей, вспоминая: «В обширном военном госпитале мы нашли очень немного больных, которых перевели в другой меньший, устроенный при институте для сирот военных (очевидно, при военно-сиротском отделении. — А.С.)». Около трех

часов пополуночи 2 сентября 1812 г. русская армия тихо, в полном порядке, одной большой колонной начала отход через Дорогомиловскую заставу и деревянный наплавной Дорогомиловский мост (ныне Бородинский) и далее по улицам Москвы. За обозами прошло ополчение, потом пехота и артиллерия. Замыкали колонну казаки. Главнокомандующий М.И. Кутузов приказал уничтожить склады с материальными ценностями, которые мог использовать неприятель. Два пороховых склада были взорваны по указанию генерала М.А. Милорадовича. Накануне оставления войсками Москвы Ф.В. Ростопчин распорядился закрыть все кабаки, уничтожить запасы вина, в том числе и на Винно-Соляном дворе, но выполнить этого в полной мере не удалось. Выливание же вина, сосредоточенного в кабаках, прямо на улицу зачастую приводило, по свидетельству очевидцев, к массовому пьянству.

Через Москву русскую армию в качестве проводников вели полицейские офицеры. Пройдя по Дорогомиловской улице и по Арбату, войска через Знаменку и Воздвиженку вышли к Кремлю. Обойдя его по Кремлевской набережной и Красной площади, части армии двигались к Яузскому мосту по Москворецкой набережной. Перейти Яузский мост оказалось нелегко, так как его ширина хоть и была около двадцати метров, но он был единственным, поэтому возле него скопилась масса частных обозов, московских жителей и войск. Далее к Рязанской или Покровской заставе армия выходила через Швивую горку, Болвановку, Таганскую площадь и Семеновскую улицу. Часть войск шла от Таганской площади по Николо-Ямской улице к Рогожской или Владимирской заставе. Полки шли молча. И вдруг это тягостное молчание нарушили звуки военного марша. Это два батальона Московского гарнизонного полка, выполняя регламент Петра Великого, покидали кремлевскую твердыню под музыку полкового оркестра. Однако М.А. Милорадович приказал оркестру замолчать, завив шефу полка, что Петр Первый не предвидел оставления Москвы, когда сочинял свой регламент.

Обеспечить соблюдение порядка в отходящих войсках М.И. Кутузов поручил М.Б. Барклаю де Толли. Почти восемнадцать часов в этот день генерал не сходил с коня, разослав казачьи разъезды со своими адъютантами по улицам, где проходили войска для наблюдения за порядком, оказания необходимой помощи, ликвидации задержек и сбора отставших.

Более двенадцати часов двигалась отступающая русская армия через Москву, то есть с ночи и почти до четырех часов вечера. Вместе с войсками уходили и жители, плотные толпы которых затрудняли движение войск, особенно в узких улицах. И по мере этого ухода жизнь в Москве замирала. Очевидец оставления Москвы Ф.Я. Ростковский писал: «Проходя

через город, мы на каждом шагу убеждались, что Москва была почти пуста; в домах никого ни ничего, жители почти все выбрались, а запоздавшие уходили вместе с нами целыми семьями. Все казенное имущество было вывезено на подводах, а обыватели спасали сами, что могли».

В результате массового оставления жителями Москвы в ней осталось немногим более шести тысяч человек, преимущественно трудовой части населения. Французский военный врач де ла Флиз по этому поводу утверждал: «С тех пор, как люди себя помнят, ещё не случалось, чтобы население из 500 000 жителей (данные завышены почти вдвое. — А.С.) целиком бежало из своей столицы..., от старика до младенца, должны были бежать как были. На чем попало, не запасшись ничем». Это же подтверждал и прапорщик Лейб-гвардии Семеновского полка И. Д. Якушкин: «Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись..., оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило всё народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы». Такова была сила традиций народа, который, по словам М.И. Кутузова, «почитал французское нашествие нашествием татар».

Очень меткую характеристику москвичам того времени дала очевидица событий А.Г. Хомутова: «Одни готовы были принести в жертву Отечеству все, другие желали бы спасти его, не слишком вредя своему благосостоянию; некоторые полагали, что эти жертвы бесполезны». Ей вторил и неизвестный современник тех грозных дней: «Всякий мог остаться на месте, беречь свою собственность и молить о пощаде; никто не хотел преклонить голову...».

Спокойный выход из города всех воинских частей и обозов обеспечивал арьергард русской армии. Видя стремление французского авангарда быстрее войти в Москву, что грозило нормальному отходу армии, генерал М.А. Милорадович решил заключить перемирие с начальником авангарда Великой армии маршалом И. Мюратом. Для этого М.А. Милорадович отправил к Мюрату штаб-ротмистра Лейб-гвардии Гусарского полка Ф.В. Акинфова с письмом, в котором просил позаботиться об остающихся в Москве тяжелобольных и раненых. Генерал М.А. Милорадович просил Ф. В. Акинфова передать Мюрату, что если французы хотят занять Москву не разрушенной, то не должны препятствовать выходу из нее русской армии. В противном случае М.А. Милорадович обещал сражаться за каждый дом и улицу до последнего человека и не оставить в Москве камня на камне. Маршал И. Мюрат согласился заключить перемирие с М.А. Милорадовичем с условием, что французские войска все же войдут в Москву 2 сентября 1812 г. Этим и объясняется тот факт, что через Дорогомилово французский авангард шел не только вплотную к русскому арьергарду, но

иногда русские и французские солдаты спокойно двигались даже вперемешку. Перемирие в основном соблюдалось обеими сторонами, причем М.А. Милорадовичу удалось добиться его продления до семи часов утра 3 сентября 1812 г. Однако наблюдались отдельные случаи захвата русских в плен. Так, например, попал в плен прапорщик В.А. Перовский, оставивший интересные воспоминания об этом событии.

К пяти часам вечера 2 сентября 1812 г. М.А. Милорадович успел вывести из города большую часть арьергарда. Но внезапно Рязанскую дорогу у заставы преградили два неприятельских кавалерийских полка и стали препятствовать отходу последних русских отрядов. Увидев это, М.А. Милорадович бесстрашно поскакал один к генералу П. Себастиани, командовавшему передовым отрядом войск Мюрата, и добился беспрепятственного выхода из Москвы отставших обозов, жителей и последних частей арьергарда. Около двух часов дня 2 сентября 1812 г. французский император Наполеон с огромной свитой был остановлен на Поклонной горе чарующим зрелищем развернувшейся впереди панорамы огромного города. «Так вот он, наконец, этот знаменитый город! — радостью воскликнул император, — давно пора».

Перед его глазами открылось великолепное зрелище. Раскинувшись на возвышенностях, разбегаясь во все стороны своими домами, рисуясь на фоне ясного голубого сентябрьского неба, ослепительно сверкая в солнечных лучах золотом куполов бесчисленных соборов, церквей и монастырей — своих «сорока сороков», увенчанная, точно сказочной короной, Кремлем, величественная в своей неповторимой красоте, таинственная, загадочная предстала перед жадным взором завоевателя древняя столица России.

*Вот башня полудикие Москвы
Перед тобой в венцах из золота
Горят на солнце... Но увь!
То солнце твоего заката.
Москва — побед твоих предел!*

Дж. Байрон

«При виде этого города путешественник останавливался пораженный и восхищенный, — вспоминал главный квартирмейстер двора Наполеона Ф. Сегюр. — Дома группировались вокруг возвышенной трехугольной крепости, окруженной широкой двойной оградой, имеющей около полумили в окружности. Внутри ограды находились многочисленные дворцы и церкви и пустые, вымощенные мелким камнем, пространства...». Таким представился непрошеным гостям Кремль — колыбель земли Русской.

Долго и внимательно рассматривал Москву и Кремль в подзорную трубу Наполеон. Затем он не менее сосредоточенно и задумчиво изучал прине-

сенный план города. Секретарь Лелорень, хорошо знавший столицу, давал необходимые пояснения. Наполеон мечтал о том торжественном моменте, когда явится депутация с ключами от этого знаменитого города и будет молить о пощаде, а он, как всегда, скажет несколько милостивых слов.

Время шло, но никто не появлялся. Во главе колонны войск Наполеон спустился с горы к Дорогомиловской заставе. Обратившись к свите, Наполеон отрывисто сказал: «Приведите бояр!». Минуло два часа безрезультатного томительного ожидания.

*Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля.
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою...*

А.С. Пушкин

Так и не дождавшись «депутации бояр», пушечными выстрелами был подан сигнал авангарду двинуться в город. Маршалу Мюрату с войсками Наполеон приказал войти в Москву через Дорогомиловскую заставу и занять Кремль. Генералу Дюронелю, назначенному комендантом Кремля и города, было приказано вступить в Москву с отборной жандармерией для установления порядка и занятия казенных зданий, обратив особое внимание на охрану Кремля. Московским генерал-губернатором был назначен маршал Мортье — командующий молодой гвардией. «Интендантом города Москвы и Московской провинции» — то есть гражданским начальником Москвы и окрестностей — бывший французский генеральный консул в России — Лессепс.

В первом же «Бюллетене» Великой армии Наполеона, отпечатанном в оккупированной Москве, французы признавали, что «Москва столь же велика, как Париж». На Поклонной горе Наполеон дожидался депутации городских властей с символическими ключами от Москвы. Время шло, но никто не появлялся. Посланные доложили, что Москва покинута жителями.

Наполеоновская армия уже стояла у четырех московских застав: части авангарда — у Дорогомиловской, генерал Е. Богарне с 4-м корпусом — у Тверской и Пресненской, генерал И. Понятовский с 5-м корпусом — у Калужской. По обе стороны Можайского тракта расположились гвардия, 1-й корпус маршала Л. Даву и 3-й корпус маршала М. Нея. Однако 2 сентября в Москву вступили только 2-й кавалерийский корпус генерала О. Себастиани и 4-й кавалерийский корпус генерала В. Латур-Мобура из авангарда Мюрата, пехотная дивизия молодой гвардии генерала М. Клапареда и 2-я пехотная дивизия генерала Ф. Дюфура.

Около четырех часов вечера, когда последние колонны русских войск еще проходили через московские заставы, Мюрат с передовым отрядом вступил в город. Когда Кутузову донесли, что первые отряды кавалерии Наполеона вступили в Москву, он тихо, но уверенно сказал: «Это его последнее торжество». В Кремле звонили к вечерне. Колокольный звон напугал французов. Они приняли его за набатный призыв к оружию. Пройдя с опаской по Арбату и Воздвиженке, враг намеревался через Троицкие ворота вступить в Кремль.

Первыми подошли к Кремлю польские уланы из состава авангарда. Но ворота оказались закрытыми и забаррикадированными бревнами, камнями и деревянными щитами. Едва французы приблизились, как из-за баррикады раздалась ружейные залпы. Это горстка москвичей-патриотов, вооружившись ружьями из Арсенала, встретила огнем непрощенных гостей.

Мюрат остановился около середины Арбата, ожидая известия от передового отряда о положении Кремля. Вокруг него собралась небольшая кучка оставшихся жителей. Один из польских офицеров свиты спросил старого дворника, далеко ли до Кремля, но тот, испугавшись вопроса, спрятался за других. В это время подъехал офицер передового отряда и доложил, что ворота в Кремль закрыты и в них устроена засада. Мюрат приказал артиллерии обстрелять ворота. Конная батарея на рысях выехала из-за колонны и загромыкала по Арбату. Четыре легких орудия развернулись на площади перед воротами.

Взвод солдат побежал к Кутафьей башне. Навстречу им из-за завала в воротах раздалась два ружейных выстрела. Стоявший у пушек генерал приказал пехотинцам вернуться. Еще три выстрела грянули им вслед. «Один выстрел задел в ногу французского солдата, и странный крик немногих голосов послышался из-за щитов. <...> Крики из ворот затихли. Орудия были выдвинуты... Офицер скомандовал: пали! Картечные пули затрещали по камню ворот, бревнам и щитам, и два облака дыма заколебались на площади.

Несколько мгновений после того, как затихли перекаты выстрелов по каменному Кремлю, странный звук послышался над головами французов. Огромная стая галок поднялась над стенами и, каркая и шумя тысячами крыл, закружилась в воздухе. Вместе с этим звуком раздался человеческий одинокий крик в воротах, и из-за дыма появилась фигура человека без шапки и в кафтане. Держа ружье, он целился во французов. «Пали» — повторил офицер, и в одно и то же время раздалась один ружейный и два орудийных выстрела. Дым опять закрыл ворота. За щитами больше ничего не шевелилось... В воротах лежало три раненых и четыре убитых человека. Два человека в кафтанах убегали низом вдоль стен к Знаменке».

Л.Н. Толстой

Когда пехотинцы ворвались в Кремль, один из раненых защитников с необычайной яростью бросился на французского офицера, стараясь задушить его, и зубами прокусил руку французам, но был убит. Имена героев — защитников Кремля остались неизвестными.

Въехавшие в Кремль польские уланы увидели, что из открытого Арсенала москвичи разбирают оружие. Много его валялось и перед зданием и в прилегающих улицах. Уланы бросились на вооруженных москвичей и стали рубить их. Тем временем за Арсеналом собралось несколько сот людей с решимостью вступить в неравный бой с врагом. Только вмешательство артиллерии позволило французам рассеять последних защитников русской святыни. Часть москвичей была взята в плен и посажена в еще недостроенное здание Оружейной палаты.

Маршалу И. Мюрату доложили, что путь в Кремль расчищен. Около пяти часов вечера в сопровождении адъютантов он подъехал к Арсеналу, где оставались больные и раненые, и стал их расспрашивать. В это время откуда-то выстрелили в группу окружавших Мюрата офицеров, но никто не пострадал. Вдруг неизвестно откуда взявшийся ратник московского ополчения бросился на польского полковника, приняв его по богатому мундиру за маршала, а может быть, и за Наполеона, сбил его с ног и проткнул пикой. Все это произошло так неожиданно, что никто не успел помешать ратнику. Безвестный воин был тут же расстрелян.

Вслед за уланами через Троицкие в Боровицкие ворота вступала в Кремль французская конница авангарда. Под звуки военной музыки войска проходили мимо Сената и через Спасские ворота шли в Китайгород и дальше. Шествие продолжалось беспрерывно до позднего вечера.

На одной из прилегающих улиц французами был встречен новый рекрутский батальон из Калуги, шедший с барабанным боем в Кремль. Батальон попал в Кремль, но после того как все его четыре сотни воинов сдались в плен, отсюда через некоторое время пленные были отправлены на Девичье поле, где располагался 1-й армейский корпус маршала Л. Даву.

Путь к Кремлю Мюрату показывали несколько французских шпионов, из числа засланных в Россию под видом торговцев, музыкантов или учителей-гувернеров задолго до начала войны. Они рассказали гвардейцам, входившим в состав авангарда, что в Кремле спрятаны несметные сокровища дворцов и соборов, которые русские не успели вывезти из Москвы. В Кремле действительно все находилось на своих местах, даже часы шли и показывали точное время.

Войдя в Кремль, солдаты, офицеры и генералы занялись поисками сказочных сокровищ, обшаривая дворцы, подвалы и чердаки. Не найдя ничего, они стали допрашивать и пытать сторожей, оставшихся при дворцах.

Ничего не добившись от них, французы заковали этих несчастных ни в чем не повинных людей в цепи и посадили под стражу. «Один поляк, не зная, как утолить свое мщение к русским, рвал бархат с царского трона», — писал А.И. Михайловский-Данилевский.

Войска размещались на отдых лагерем за Арсенальной или Сенатской и Ивановской площадями. К вечеру на них запылали бивачные костры из обломков стульев, выброшенных солдатами из Сената. Гарнизон Кремля составляла часть гвардии. В этот же день Мортье сделал необходимые приготовления, обеспечивающие безопасность жизни Наполеона: из Кремля были удалены все русские и расставлены караулы.

В обнаруженной типографии наскоро напечатали на французском и польском языках листовку следующего содержания: «Большое сражение 7-го числа поставило русских в невозможность защищать Москву, и они оставили столицу. Теперь половина четвертого. Победоносная армия только что вступила в столицу, куда его величество император Наполеон прибыл сию минуту со своею главною квартирою». Это объявление немедленно было отправлено с курьерами во все концы Европы.

Генералы Главного штаба армии Л. Боссе и Ф. Сегюр заняли с гвардией Кремлевский дворец, чтобы подготовить его к принятию на следующий день Наполеона. Так как небольшого числа жандармов не хватало для наведения порядка во всем городе, А. Дюронель занялся тоже, прежде всего, Кремлем, пытаясь сохранять его в неприкосновенности.

В первый же день вступления французов в Москву старообрядцы отправили депутатов в Кремль с подарками. Они заявили, что покоряются Наполеону, признавая его власть, и просили оградить их монастырь на Преображенском кладбище от грабежа и насилия. Второго сентября на кладбище был выставлен караул, охранявший его до оставления французами Москвы. Наполеон с Мюратом в сопровождении свиты посетили старообрядцев на Преображенском кладбище и были встречены хлебом-солью.

Переночевав в Дорогомиловской слободе, 3 сентября Наполеон въехал в Москву. В двухстах метрах перед ним ехали два эскадрона конной гвардии. Наполеона окружала многочисленная свита. Доехав до Боровицких ворот, император слез с лошади и, рассматривая кремлевские стены, с насмешкой сказал: «Вот эти гордые стены!». Он был уверен, что «побежденная» Россия скоро явится к нему в Кремль униженно просить мира.

В полдень Наполеон со святой, штабом армии, в сопровождении старшей гвардии въехал в Кремль через Троицкие ворота. Около трех часов дня в сопровождении адъютантов и офицеров штаба он осмотрел Кремль, его соборы, дворцы и колокольню Ивана Великого.

*И он супруг твой, Жозефина,
Железной волей и рукой,
На векового испалина
Взирал с невольною тоской...*

А.И. Полежаев

Проходя мимо «царь-пушки», он, смеясь, предложил начальнику гвардейской артиллерии: «Возьмите себе этого “царя”, Сорбье». Наполеон еще не знал, что Сорбье же имеет лошадей для перевозки собственных орудий, не говоря уже о трофейных.

После объезда Кремля Наполеон посетил Воспитательный дом, осмотрел два важнейших моста через Москва-реку (Бывший Каменный и Москварецкий).

Вернувшись в Кремль, он нашел облюбованные для себя и свиты покои Кремлевского дворца вполне пригодными. Войдя в царские хоромы, Наполеон самодовольно заявил: «Итак, наконец, я в Москве, в древнем дворце царей, в Кремле». В Кремлевском дворце, построенном Растрелли, Наполеон занял комнаты, обращенные окнами на реку, — парадные покои Александра Первого.

«Император располагался с уютом. Он с удовольствием смотрел, как носят из фургонов его мебель, устраивают кабинет, столовую, спальню. Места здесь было предостаточно для всех: для Вертье, для канцелярии, для топографов, для свиты, для дежурных адъютантов».

Л. Раковский

В дворцовых конюшнях, где хранились коронационные кареты царей, была помещена часть лошадей Наполеона. С комфортом разместилась в Кремле и гвардия. На площадях стояли орудия, и зарядные ящики гвардейской артиллерии, повозки и фургоны подвижного артиллерийского склада с порохом и зарядами.

В этот же день вступили в Москву и стоявшие у застав корпуса Великой армии Наполеона. Однако вступление завоевателей в первопрестольную столицу России ничем не напоминало триумфальных шествий по улицам Рима, Берлина, Вены, Варшавы, Амстердама, Мадрида, Лиссабона, Антверпена. На улицах не было видно жителей. «Молча, в порядке проходили мы по длинным пустым улицам, — вспоминал участник похода в Россию лейтенант Ц. Ложье, — и глухим эхом отдается барабан от стен пустых домов. Мы тщетно стараемся казаться спокойными, тогда как на душе у нас беспокойно: нам кажется, что должно случиться что-то необыкновенное». Ему вторит и инженер-капитан Э. Лабом: «В этой торжественной тишине и полном одиночестве не слышно ни звука, ни голоса; руководил нами один страх, увеличивающийся еще при виде густого дыма,

высоким столбом поднимающегося в центре города». Царившее в городе зловещее безмолвие нарушалось лишь шумом движения войск и отдельными выстрелами. Это были выстрелы гнева, не сдавшегося и все еще борющегося города. Еще когда французская гвардия переходила Москву-реку из-под Дорогомилковского моста выскочил старик-крестьянин с вилами и бросился на тамбур-мажора, приняв его по обильно расшитому мундиру за офицера. Старика столкнули в воду. На улицах одиночки-патриоты стреляли во вражеские колонны, но солдаты ловили стрелков, обезоруживали и жестоко избивали.

Стреляли и в Мюрата, когда он ехал по Арбату, но ранили следовавшего с ним рядом полковника. Стреляли и в Наполеона из здания аптеки, но стрелявший, якобы ученик аптекаря, промахнулся. Стихийное сопротивление оказала неприятелю и горстка москвичей, укрывавшихся в Кремле. Факты вооруженного сопротивления жителей отмечались и в последующие дни в разных местах Москвы, о чем свидетельствуют сами оккупанты. Так, гвардейский сержант А. Бургонь рассказал о перестрелке за губернаторским домом с девятью москвичами, часть которых погибла, а остальные были взяты в плен.

Быстро оправившись от мрачного впечатления вступления в город, французские квартирмейстеры занялись размещением в нем войск. В первый день в Москве еще сохранялась видимость порядка. На многих домах появились сделанные углем или мелом надписи о постое, новые названия улиц и площадей. Начинаясь кое-где пожар еще никого не беспокоил. Однако ночью начались грабежи и насилия над оставшимися жителями. А над Москвой неумолимо поднималось пламя всепоглощающего огненного моря.

В день вступления неприятеля в Москву в центре города возникли несколько очагов пожара: на Никольской, Варварке, в Старом Гостином дворе, где были сосредоточены лавки, магазины и склады товаров, на Солянке и на Винном дворе возле Каменного моста.

В огне стремились купцы и городские власти уничтожить имущество, которое не смогли заблаговременно вывезти. Небрежное обращение с огнем было характерно и для завоевателей: солдаты складывали костры для приготовления пищи прямо на улицах или во дворах домов, а потом их бросали, не загасив. Очевидно, одной из причин московского пожара послужили и взрывы казенных складов, и организованные графом Ф.В. Ростопчинным поджоги.

Несмотря на отсутствие пожарных насосов, полностью (в количестве около ста комплектов), вывезенных из Москвы 1 сентября 1812 г. вместе с пожарными командами во Владимир, в коих состояло две тысячи сто че-

ловек, неприятелям удалось несколько умерить силу огня в районе Красной площади. Однако, когда в ночь с 3 на 4 сентября 1812 г. поднялся ураганный ветер, пожар достиг ужасающей силы. К утру пламя охватило почти весь город. Зарево московского пожара было видно за много километров. Воздух был накален и дрожал. Огонь истребил около шести тысяч шестисот домов и домовладений. Особенно пострадали районы Китай-города и Замоскворечья, Арбата и Моховой, Тверской и Пречистенки, Кудринской и Поварской улиц. Пожар уничтожил архив и гербарии Московского университета, рукописи Н.М. Карамзина и сочинения А.Н. Радищева, уникальные собрания А.И. Мусина-Пушкина и В.Л. Пушкина, богатейшие библиотеки Д.П. Бутурлина и «Общества истории и древностей российских», огромные художественные, научные, исторические и культурные ценности.

Как не вспомнить после этого начальные строки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»:

*...ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?*

Теперь их содержание становится понятным. За Москву насмерть стоял на Бородинском поле русский солдат. Почти пятьдесят тысяч выбивших из строя в Бородинском сражении воинов армии М.И. Кутузова — вот «плата» за Москву, сданную «не даром». Москва встретила врага самосожжением, которое уничтожило ее почти на две трети. Неприятель «получил» Москву «спаленной пожаром», который не предполагал и который расстроил его планы.

Огонь заставил Наполеона около двух часов дня 4 сентября 1812 г. покинуть Кремль, воспользовавшись подземным ходом, который шел из дворца в Тайницкую башню. Далее беглецы двигались по берегу Москвы-реки, потом через Арбатскую часть вышли к Дорогомиловской ямской слободе. Миновав Дорогомиловскую заставу, свернули вправо и двигались вдоль Москвы-реки до плавучего моста у села Хорошева. Перейдя реку, прошли мимо Ваганьковского кладбища и устремились напрямую через поле к селу Петровскому. В Петровском дворце Наполеон оставался четыре дня, пока потоки дождя не загасили бушевавший огонь.

Четвертого сентября 1812 г., когда пожар достиг наивысшей силы, и стало ясно, что потушить его не удастся, Наполеон разрешил солдатам спасать из горящих домов вещи и продукты. Это решение стало предлогом для повальных грабежей. Установили даже очередность таких грабежей: первый день недели — старая гвардия, второй — молодая гвардия, затем последовательно армейские корпуса. В грабежах участвовали не только солдаты, но и офицеры, и даже генералы. Наполеоном была создана особая

комиссия «для разыскания ценных предметов в кремлевских соборах». Во время грабежей солдаты теряли человеческий облик, а нередко устраивали перестрелки и драки друг с другом, избивали даже офицеров из-за «добычи». Зачастую и жители уничтожали мародеров. В результате за тридцать девять дней оккупанты потеряли в Москве около шести тысяч человек. Все попытки французского командования прекратить грабежи, вплоть до расстрелов их участников, не дали желаемых результатов.

Во время оккупации Москвы враги немилосердно расправлялись с каждым жителем, казавшимся подозрительным. Вот свидетельство очевидца: «Под караулом одной роты солдат, обвинённые, в числе осьмнадцати человек, были приведены во двор господина Кожина (ныне Столешников переулок, дом 6. — *А.С.*), что недалеко от дому главнокомандующего (ныне Тверская улица, дом 13. — *А.С.*), поставили на ровное место, французы отошли на несколько шагов, зарядили ружья и ждали повеления... Приговор свершен». Расстрелы так называемых «поджигателей», т.е. жителей заподозренных в поджогах, происходили также против Страстного монастыря (не сохранился) на Страстной площади (ныне Пушкинская площадь), у стен Высоко-Петровского монастыря (на улице Петровке). Тела расстрелянных вешали потом на фонарных столбах по различным улицам, но больше всего на Тверском бульваре. На грудь повешенному прикрепляли листок с надписью на русском и французском языках: «Московский поджигатель». Однако карательные меры оккупантов не могли устроить москвичей, которые продолжали борьбу с завоевателями. «Когда город был превращен в пепел пожаром, — вспоминал один из современников, — в осенние глубокие и темные ночи жители Москвы убивали французов великое множество: кидая их в колодцы, подвалы, погребы, пруды и другие места». Жители-партизаны Семеновской слободы 4 сентября 1812 г. захватили у французов две пушки, несколько палашей, ружей и ящик с документами. Заклепанные пушки с поврежденными лафетами французы отыскивали на следующий день в пустом доме купца Зиновьева, но отважных москвичей не нашли. Один из уехавших из города во время его оккупации москвичей рассказывал, что встречал отряды вооруженных слободян у Семеновской заставы и в девяти верстах от Преображенской заставы.

За то время, пока бушевало пламя московского пожара, и Великая армия Наполеона боролась с огнем, а потом увлеклась грабежами, русская армия совершила знаменитый фланговый марш-маневр, перейдя скрытно с Рязанской на Калужскую дорогу. Почти на неделю Наполеон потерял армию М.И. Кутузова. В результате маневра русские полки остановились на укрепленной позиции у села Тарутино на Калужской дороге в 84 км к юго-западу от Москвы, оказавшись ближе к коммуникациям Наполеона, чем

к Москве. В период движения к Тарутину Главнокомандующий русскими войсками М.И. Кутузов направил в тыл неприятелю на все дороги вокруг Москвы кавалерийские рейдовые отряды — «летучие партии». Вторым кольцом вокруг Москвы стали подошедшие губернские ополчения. Шло пополнение и русской армии в Тарутинском лагере. Надежды Наполеона на заключение мира с Россией в Москве угасали. Стратегическая обстановка в блокированной Москве для завоевателей ухудшалась с каждым днем. Это вынудило Наполеона выступить инициатором мирных переговоров. Но посланный им к М.И. Кутузову генерал-адъютант Ж. Лористон вернулся ни с чем. Тогда Наполеон пригласил к себе оставшегося в Москве заведовавшего Воспитательным домом И.А. Тутолмина. После подробных расспросов о состоянии Воспитательного дома Наполеон предложил ему написать письмо Александру Первому о том, что Воспитательный дом цел, что французы не виновны в пожаре Москвы и Наполеон не хочет больше воевать с Россией. Письмо И.А. Тутолмина повез в Петербург чиновник Воспитательного дома Ф. Рухин. Хотя письмо и дошло по назначению, но осталось без ответа.

Еще одна попытка вступить в переговоры с Александром Первым была предпринята Наполеоном через бывшего дипломата И.А. Яковлева, оставшегося в оккупированной Москве. Во время беседы с ним Наполеон изложил содержание своего письма русскому Императору, главная мысль которого сводилась к предложению заключить мирный договор. В ответ на согласие передать письмо Александру Первому И.А. Яковлев получил пропуск на выезд из Москвы со всем семейством, в том числе и с грудным сыном — будущим известным вольнодумцем А.И. Герценом. Под видом родственников или прислуги А.И. Яковлев вывез из Москвы около пятисот человек. Письмо Наполеона московский посланник передал Императору, но ответа на него, как и раньше, не последовало.

В надежде преодолеть неприязнь москвичей и создать видимость самоуправления города Наполеон поручил генерал-губернатору Москвы маршалу А. Мортье и «интенданту Москвы» Ж. Лессепсу, бывшему генеральному консулу Франции в Петербурге, сформировать муниципалитет. В основном насильственным путем в состав муниципалитета Москвы удалось собрать двадцать пять человек, в том числе одиннадцать фабрикантов и купцов, двух купеческих сыновей, одного именитого гражданина, пять чиновников, профессора университета, отставного офицера, четырех иностранцев. Отличительным знаком членом муниципалитета служила алая повязка на левой руке, что, однако, не спасало их от оскорблений со стороны наполеоновских солдат. Фактически основной задачей муниципалитета являлось обеспечение французской армии продовольствием и

жилем, хотя членов муниципалитета французское командование уверяло, что муниципалитет создан, прежде всего, для охраны москвичей.

Однако муниципалитет был бессилен сделать что бы то ни было, да и не стремился помогать оккупантам. Надежды, возлагавшиеся Наполеоном на муниципалитет, не оправдались. Воззваниям к населению Москвы и Подмосковья, которые от имени муниципалитета сочинял Ж. Лессепс, и которые печатались в университетской типографии и в типографии Всевожского на Девичьем поле, никто не верил. После освобождения Москвы от неприятеля почти все члены муниципалитета были арестованы, а часть из них по результатам проведенного расследования была осуждена.

Сведения о событиях в занятой неприятелем Москве с трудом проникали за ее пределы, так как оккупанты закрыли все заставы, пикетировали окрестности и арестовывали всех пытавшихся бежать из города. Специальная русская армейская разведка в Москве не работала, не считая добровольцев, подобных капитану А.С. Фигнеру, оставшемуся в оккупированной Москве с намерением убить Наполеона, но вскоре возвратившемуся в Тарутинский лагерь с докладом о положении в Москве. Главнокомандующий, граф Ф.В. Ростопчин, покидая Москву, оставил в ней в качестве шпионов полицейских чиновников, которые собранные сведения о неприятеле сообщали генерал-лейтенанту Ф.Ф. Винценгероде. Его отряд стоял на Тверской дороге, прикрывая направление на Петербург, а передовые казачьи посты выдвинулись в район села Черная Грязь (ныне населенный пункт Черная на Ленинградском шоссе). Сбором сведений о неприятеле в Москве добровольно занимались и некоторые москвичи, как, например, аптекарь И. Нердберий и главный надзиратель (директор) Воспитательного дома И.А. Тутолмин. На основе полученных донесений чиновник по особым поручениям А.Я. Булганов составлял для Ф.В. Ростопчина, находившегося в Ярославле, «известия из Москвы».

Поняв безрезультатность попыток заключить с Россией мир, учитывая приближение зимы и состояние войск, Наполеон начал готовиться к оставлению Москвы, ожидая лишь подходящего повода, чтобы прилично взглянуть перед покоренной Европой. Эвакуация раненых в Смоленск началась 23 сентября 1812 г. С 24 сентября 1812 г. останавливались все идущие к Москве подкрепления. С 27 сентября 1812 г. потянулись на запад обозы с награбленным имуществом. Войска Наполеона 1 октября 1812 г. начали укладываться к маршу. Через четыре дня, 5 октября 1812 г., Великой армии выдали провиант. Как только Наполеону стало известно, что русские отбросили авангард Мюрата 6 октября 1812 г. в бою под Тарутином, он приказал армии выступить на Калугу.

Наполеон покинул Москву 7 октября 1812 г., оставив в ней А. Мортье с гарнизоном около восьми тысяч военнослужащих. Узнав, что неприятель собирается взорвать Кремль, Ф.Ф. Винценгероде решил вступить в переговоры с А. Мортье, но был захвачен им в плен 9 октября 1812 г. вместе с адъютантом Л.А. Нарышкиным. Отряд А. Мортье ушел из Москвы в ночь на 11 октября 1812 г., оставив несколько тысяч раненых и попытавшихся взорвать Кремль, некоторые общественные здания и монастыри. Но ранним утром 11 октября 1812 г. казаки столь стремительно ворвались в Кремль, что захватили нескольких французских саперов, показавших заложенные заряды. Начавшийся с ночи ливень подмочил фитили многих мин. Мужественные жители и монахи успели погасить несколько подожженных фитилей. Из-под строений извлекли около 960 килограмм невзорвавшегося пороха. И все же от взрывов пострадали Кремлевский дворец, Грановитая палата, колокольня Ивана Великого, Арсенал, часть кремлевских башен, Сенат, Комендантский дом, рухнула стена вдоль Москвы-реки, звонницы Ивана Великого.

Первыми вступили в Москву казаки генерал-майора И.Д. Иловайского и кавалеристы генерал-майора А.Х. Бенкендорфа, назначенного комендантом города. Стали возвращаться жители, устремились грабители из Подмосковья. Порядок поддерживали владимирские и тверские ополченцы. Вскоре, 16 октября 1812 г. вернулся обер-полицмейстер П.А. Ивашкин с чиновниками, а 24 октября 1812 г. — Главнокомандующий в Москве Ф.В. Ростопчин.

Восстановление нормальной жизни в Москве началось с охраны, вылавливания грабителей и дезертиров, очистки зданий и улиц. Только за месяц из Москвы вывезли и сожгли 11 955 человеческих и 12 360 лошадиных трупов. Для уборки привлекались подмосковные крестьяне. Оставшихся членов муниципалитета арестовали и предали суду. Преследованию подверглись все сотрудничавшие с неприятелем жители Москвы. Под надзор полиции попали все оставшиеся в оккупированной Москве. Начавшееся изъятие оружия у обывателей и сбор брошенного продолжались более двух лет.

С ноября 1812 г. началось восстановление городских построек, завершившееся к 1830 г. С декабря 1812 г. специальная комиссия занялась продовольственной помощью жителям, число которых быстро росло. Бедствующим помогали благотворительные общества, жертвователи и сборы от массовых зрелищ по всей России. Активнее всего возрождалась торговля.

Итак, принесенная в жертву Москва способствовала разложению Великой армии, лишила Наполеона стратегической инициативы и выну-

дила почти месяц бездействовать, что позволило русской армии, заняв Тарутинскую позицию, угрожать коммуникациям противника, блокировать его в Москве, восполнить понесенные потери и вынудить Наполеона начать отступление из России, которое привело к поражению его армии и крушению наполеоновской империи.

Литература и источники

- Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. М., 1998.
- Анисимова Г., Крайванова И., Полонская И. Кутузовская изба. М., 1982.
- Апухтин В.Р. Сердце России — первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. М., 1912.
- Баранов А.А. Голицынская публичная больница в Москве в дни Отечественной войны 1812 года // Москва в военной истории России: Материалы V научно-практической конференции. М., 2000.
- Бахрушин С.В. Москва в 1812 году // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1912. Кн. 4.
- Белокуров С.А. Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 году. М., 1912.
- Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1859. Кн. 2.
- Бестужев-Рюмин А.Д. О происшествиях, случившихся в Москве во время пребывания в оной неприятеля в 1812 году // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1859. Кн. 2.
- Божеянов И.Н. Поход в Москву Наполеона и его бегство из России. М., 1912.
- Болдина Е.Г. Московские архивы в 1812 году // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. М., 2003.
- Болдина Е.Г. Московские учреждения в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы Материалы VI Всероссийской научной конференции. Бородино, 1998.
- Барсук Н.В. Ростопчинские афиши. СПб., 1912.
- Бургонь А.-Ж.-Б. Пожар Москвы и отступление французов. СПб., 1898.
- Володин П.М. Кутузовская изба. М., 1977.
- Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года. М., 1837.
- Государственный банк к столетию Отечественной войны. Дело № 116. О происшествиях по Московскому отделению банка и тамошней конторе, случившихся во время вторжения в Россию неприятеля в 1812 году. СПб., 1912.
- Долгова С.Р. Неизвестное свидетельство о московском пожаре 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всероссийской научной конференции. Бородино, 1999.
- Жаринов Д. Москва и пожар московский // Россия и Наполеон: Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях. М., 1912.

- Изгнание Наполеона из Москвы: Сборник / Сост. Ф.А. Гарин. М., 1938.
- История Москвы. М., 1954. Т. 3.
- Киселёв Н.С. Дело о должностных лицах московского правления, учрежденного французами в 1812 году // Русский архив. 1868. № 6.
- Кичеев П.Г. Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 году. М., 1858.
- Кудряшов К.В. Москва в 1812 году. М., 1962.
- Любавский М.К. Московский университет в 1812 году. М., 1913.
- Ляпишев Г.В. Лефортово и Двенадцатый год: памятные места и архитектурные памятники // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции. М., 2002.
- Малеванов Н.А., Травин В.И. Москва и москвичи в 1812 году // Бомбардир. 1998. № 7.
- Матвеев Н. Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 года. М., 1912.
- Москва: Энциклопедия. М., 1997.
- Москва в октябре 1812 года: Из бумаг С.И. Селивановского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1915. Кн. 2.
- Москва в прошлом и настоящем. М., 1912. Вып. 9.
- Москва в 1812 году. М., 1912.
- Москва в 1812 году: Материалы конференции. М., 1997.
- Москва в 1812 году: Рапорт старшего адъютанта Н.Я. Бутковского // Российский архив. М., 1992. Вып. II–III.
- Москва спалённая... М., 1912.
- Московская полиция в 1812 году // Исторический архив. М., 2003. № 3.
- Московский университет в 1812 году // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1912. Кн. 4.
- Московский университет и Санкт-Петербургский учебный округ в 1812 году: Документы Архива Министерства народного просвещения, собранные и изданные под редакцией Начальника Архива Министерства Народного Просвещения К. Военского. СПб., 1912.
- Московское дворянство в 1812 году. М., 1912.
- Нечкина М. В. Москва в 1812 году. М., 1947.
- О доставленных сведениях о том, что происходило в монастырях московских по обстоятельствам 1812 года // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 4.
- О Ф.В. Ростопчине и 1812 году в Москве // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1861. Кн. 4.
- Описание достопамятных происшествий в московских монастырях во время нашествия неприятеля в 1812 году // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 4.
- Отечественная война и русское общество. М., 1914. Т. IV.
- Пожар Москвы: По воспоминаниям и переписке современников. М., 1911. Ч. I и II.

Полосин И.И. Кутузов и пожар Москвы 1812 года // Исторические записки. М., 1950. Т. 34.

Попов А.Н. Москва в 1812 году. М., 1876.

Полов А.Н. Французы в Москве в 1812 году. М., 1876.

Прохоров М.Ф. Фили в 1812 году: Новые документы и материалы // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 года. Малоярославец, 1995.

Разливаева Л.В. Московские приходские храмы в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи. Материалы VI Всероссийской научной конференции. М., 2003.

Розанов Н.П. Московские святыни в 1812 году. М., 1912.

Россия и Наполеон: Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях. М., 1912.

Савелов Л.М. Московское дворянство в 1812 году. М., 1912.

Сегюр Ф. Бородинское сражение и занятие Москвы французами. М., 1912.

Сегюр Ф. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911.

Селёдкина С.Н. Сведения о московских монастырях в 1812 году из фонда Митрополита Московского Филарета (Дроздова) в РГИА // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IX Всероссийской научной конференции. М., 2001.

Селёдкина С.Н. Учебные заведения Москвы и Московской губернии в 1812 году // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всероссийской научной конференции. Бородино, 1999.

Смирнов А.А. Москва 30 августа 1812 года // Бомбардир. 1998. № 7.

Смирнов А.А. Так сколько же их было? (Об оставленных в Москве раненых) // Эпоха наполеоновских войн: Люди, события, идеи: Материалы III научной конференции. М., 2000.

Сторожев В.Н. Война и московское купечество. М., 1914.

Струков Д.П. Воспоминания о дне 1-го сентября 1812 года на Филях под Москвою. М., 1887.

Сытин П.В. Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет. М., 1972.

Тартаковский А.Г. Население Москвы в период французской оккупации 1812 года // Исторические записки. М., 1973. Т. 92.

Тартаковский А.Г. Обманутый Герострат: Ростопчин и пожар Москвы // Родина. 1992. № 6–7.

Тартаковский А.Г. Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1.

Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4.

Фёдоров-Давыдов А.А. Архитектура Москвы после Отечественной войны 1812 года. М., 1953.

Фруменкова Т.Г. Московский воспитательный дом в 1812 году // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вологда, 2000. Ч. 2.

Шведов С.В. Москва в Отечественной войне 1812 года: «чудный жребий» // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года. Малоярославец, 1998.

Шведов С.В. О запасах военного имущества в Москве в 1812 году // Советские архивы. 1987. № 6.

Шведов С.В. Судьба запаса огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 году // Советские архивы. 1985. № 5.

Эйнгорн В.О. Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 году. М., 1912. Вып. 1, 2.

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ НА ФОНЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И МИКРОИСТОРИИ

Тот, кто преподает историю (отечественную или зарубежную — не важно, как не важно и то, преподает он в старших классах средней школы и лицея, на младших курсах гуманитарных или технических факультетов вузов или, наконец, на старших курсах исторических факультетов) не может не обратить внимания на то, как стремительно в последние полтора десятилетия потускнели и стали вовсе исчезать знания у школьников и студентов не только по исторической географии, но и по географии в целом. Города, моря, реки, горы, а то и континенты оказываются объектами, недоступными для постижения даже в виде их локализации на карте. Ход какого-нибудь сражения или в целом военных действий, ранее не рассматривавшиеся на занятиях в силу их очевидности, на рубеже 1980–1990-х гг. перестали разбираться по причине, как тогда казалось, «ненужности». Но сегодня преподаватель, желающий обратиться к военно-исторической тематике, просто опасается бессмысленности потраченных усилий.

И все же... Если на минуту отвлечься от чисто школьных и вузовских причин такой ситуации, то невольно увидишь, что убожество «картографических» знаний является лишь отражением того, что происходит в «большой» науке. Вышедшая в 2004 г. фундаментальная энциклопедия «Отечественная война 1812 года» либо просто воспроизвела устаревшие карты из работ Д.П. Бутурлина и К.Ф. Толя, либо предложила новейшие схемы, выполненные в компьютерной графике, на которых оказались «потерянными» целые дивизии и корпуса! Последние публикации по теме Отечественной войны 1812 г. Л.Л. Ивченко и А.И. Попова вообще оказались без карт и схем!

Между тем в последние годы каждый второй автор исторического произведения считает своим долгом заявить о готовности вписаться в «постмодернистский поворот» и объявляет о приверженности локальной истории, микроистории или просто заявляет о междисциплинарном ракурсе своего исследования. Реально же наблюдается, во-первых, стремление подменить кропотливую работу с источниками (без чего немислима ни микроистория, ни локальная история) пересказыванием чужих мыслей и пустым теоретизированием, а, во-вторых, путаница в новомодных терми-

*Земцов Владимир Николаевич (Екатеринбург) — заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

нах и неготовность реально воспользоваться новейшим инструментарием, открывающим историку немалые перспективы.

Попытаемся эти перспективы обозначить на примере важнейшего сюжета отечественной и мировой истории, а именно истории пребывания Наполеона в Москве. Как ни странно, но в отечественной и зарубежной историографии имеются только две основательные работы, посвященные этой теме. Одна принадлежит перу А.Н. Попова и вышла еще в 1876 г.! Вторая опубликована французской писательницей русского происхождения Д. Оливье в 1964 г. Если А.Н. Попов, прекрасно знавший особенности «допожарной» Москвы, удачно «накладывал» события на географию города 1812 г., то Д. Оливье, пытаясь проникнуть в движения человеческой души участников великой драмы, вместе с тем демонстрировала слабое знакомство со спецификой русской столицы того времени. В сущности, сегодня может идти речь о своеобразном соединении московского «краеведения» с тем, что принято сейчас называть «микроисторией», когда внимание концентрируется на объяснении конкретного поступка конкретного человека в конкретном месте и в конкретное время. Уже главная проблема, волнующая историков, публицистов, писателей и поэтов почти два столетия, а именно: причины и обстоятельства начала московского пожара — может предстать сейчас в новом свете. Подробная локализация местонахождения соединений и частей Великой армии, вступивших в Москву 14 сентября 1812 г., в соединении с максимально возможной детализацией действий ее чинов и самого Наполеона позволяет понять мотивы действий французов и их главнокомандующего. Наполеон, вопреки всему предшествующему опыту военных действий в России, был уверен, что русские не станут жечь Москву! Несмотря на, казалось бы, очевидность развития событий 14 и 15-го сентября 1812 г., а именно начала больших пожаров, организованных русским командованием и властями, французский император упорно отказывался принимать меры для их предотвращения. Именно это привело к поистине гигантскому размаху московской трагедии. Стоит ли говорить, что такое утверждение автор настоящей статьи решился высказать только после кропотливого изучения карт «допожарной» Москвы и карты 1813 г.; совмещения сотен свидетельств солдат-иностранцев, плохо знавших русскую столицу, а значит, и допускавших явные неточности; локализации мест первых пожаров; учета атмосферных явлений (прежде всего, направления и силы ветра); особенностей восприятия отдельными чинами Великой армии русских реалий (на основе учета их предшествующего персонального опыта и особенностей сознания, отразившихся в их дневниках, письмах, мемуарах и пр.); достоверной реконструкции (иногда по часам и минутам) действий французского императора.

Не менее ценный материал дает изучение повседневной жизни чинов наполеоновской армии в Москве. Комплекс различных документов, прежде всего личного происхождения (где вопросам быта и личных ощущений уделено значительное место), позволяет нарисовать картины, обычно исчезающие при обращении к «большой истории», а именно: рацион питания, устройство кухонь, освещения, отхожих мест и всего того, что ежедневно определяет настроение человека, его ощущения комфорта или дискомфорта, характер восприятия чужого образа жизни и пр. Стоит ли отмечать, что такого рода «малая история» возможна только при тщательной реконструкции географии города и его развалин в 1812 г. Немалое место в воспроизведении этого исторического «среза» занимает вопрос о реконструкции быта и ощущений самого Наполеона. В этой связи сразу следует определить, что французский император, вопреки утверждениям многих авторов, отнюдь не чувствовал себя в изоляции, будучи якобы «скован партизанами». Он мог достаточно свободно при желании расширить районы фуражирования, отправляя войска в Дмитров, Богородск, и даже был готов продвинуть части 3-го армейского корпуса до Владимира. Недавняя реконструкция реальной картины действий партизанских отрядов, осуществленная А.И. Поповым, серьезно меняет наши представления о географии и характере «московской ловушки». Прояснение проблемы об объемах продовольствия, имевшихся в распоряжении Великой армии в Москве, также поновому ставит вопрос о возможности зимовки в русской столице. Картина мероприятий, проводимых по защите Кремля, Новодевичьего монастыря и ряда других объектов не может свидетельствовать о том, что они проводились только ради «введения противника в заблуждение». Тем большую актуальность вновь приобретает вопрос о главных причинах и сроках оставления Наполеоном Москвы.

Немаловажную роль играет вопрос о мародерстве и других бесчинствах солдат Великой армии в Москве. Не только во французской, но и в отечественной историографии (вплоть до Н.А. Троицкого) бытует тезис о том, что собственно французские части вели себя в Москве достойно, а вина за все бесчинства лежит чуть ли неисключительно на поляках, баварцах, саксонцах, вюртембергцах, итальянцах и представителях других национальностей коалиции Наполеона. Микроисторический материал при совмещении его с локальной историей дает более точную картину, которая оказывается весьма отличной от расхожих утверждений, бытующих почти два столетия в литературе. Речь, в сущности, должна идти не только о национальных особенностях и склонностях к мародерству, насилиям и убийствам, но об общих изменениях в человеческой натуре в условиях войны.

Двенадцатого октября (по новому стилю) 1812 г. в Москве выпал первый снег, который долго не таял. К тому времени подготовка к отступлению Великой армии из Москвы уже шла полным ходом. Большие морозы, как доложили Наполеону на основе изучения календарей за четыре десятилетия, должны были начаться только в первых числах декабря (по новому стилю) 1812 г. Таким образом, казалось, что Великая армия имела все возможности идти туда, куда она хочет, и остановиться там, где она пожелает. Почему же все закончилось для нее катастрофой? Убедительный ответ на этот главный вопрос русской и европейской истории начала XIX в., как представляется, может дать лишь рассмотрение всей совокупности мелких событий через наложение их на крупномасштабную историческую карту. Только после этого историки смогут предложить свои выводы, обогащенные уверенностью (или видимостью уверенности?) в подлинности знания, тем, кто изучает учебную дисциплину под названием «История».

А.Г. Смирнова*

**«ПОЖАР СПОСОБСТВОВАЛ ЕЙ МНОГО К УКРАШЕНИЮ...»
ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ МОСКВЫ
ПОСЛЕ ПОЖАРА 1812 ГОДА**

Проблемы московского градостроительства на разных этапах развития города традиционно привлекают внимание исследователей. Разумное сочетание традиций и новизны в планировке и застройке приобретает особое значение для таких исторических городов, как Москва, в связи с чем возникает необходимость в освоении накопленного теоретического и практического опыта в данной области. Складывавшийся веками облик города постепенно приобрел те индивидуальные черты, которые отличают Москву не только от других городов мира, но и выделяют ее среди российских городов. Образ города складывается из многих компонентов, в том числе его формируют и планировка в ее историческом аспекте, и застройка, как парадная, так и рядовая. Изучение архитектурно-градостроительного развития Москвы подводит исследователя к пониманию целого комплекса проблем социокультурной жизни города.

В истории Москвы есть несколько периодов, когда город подвергался реконструкции. В период классицизма попытки осуществить крупные градостроительные мероприятия в Москве предпринимались еще в XVIII в. Но реализация централизованной программы реконструкции города пришлось уже на первую треть XIX в., что связывается с одной из самых трагических страниц в истории города — с великим московским пожаром 1812 г.

* * *

На Военном Совете в Филях 1 сентября 1812 г. (даты в статье приводятся по старому стилю) Главнокомандующим русскими войсками, генерал-фельдмаршалом, князем М.И. Кутузовым было принято решение оставить Москву, не давая у ее стен нового генерального сражения, что, как известно, вызвало возражения большинства членов Военного совета. Не будем подробно останавливаться на различных оценках этого решения и спорах, которые были им вызваны. Заметим лишь, что реальная обстановка, сложившаяся к 1 сентября 1812 г., диктовала необходимость принятия именно такого решения.

*Смирнова Александра Геннадьевна (Москва) — заместитель председателя Союза краеведов России, кандидат исторических наук, доцент кафедры москвоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Понесшая тяжелые потери в Бородинском сражении русская армия, организованно отходила к Москве, вступая в постоянные стычки с французским авангардом. Главнокомандующий искал надежную позицию для нового генерального сражения при условии пополнения боевых запасов главной армии и соединения ее с резервами. Но 30 августа 1812 г. М.И. Кутузову с опозданием был доставлен рескрипт Александра Первого с уведомлением о невозможности присылки резервов. Большие сомнения вызвала предложенная генералом Л.Л. Беннигсеном позиция под Москвой. Кроме того, были получены сведения о том, что Наполеон начал обходной маневр, отправив часть войск в район Рузы и Медыни. Все это заставило М.И. Кутузова настоять на своем решении.

Второго сентября 1812 г. русская армия в молчании проходила через город к Рязанской заставе, по мере возможностей увозя с собой раненых, обозы и боеприпасы. Вместе с армией уходили и жители. По некоторым данным, из 270-тысячного населения в Москве осталось не более 10–12 тыс. чел. [1]. В этот же день наполеоновская армия входила в Москву. Хорошо известны обстоятельства, связанные с ожиданием Наполеоном церемонии официальной сдачи города, известно также, что были предприняты отдельные попытки со стороны оставшихся в городе патриотов оказать сопротивление французским войскам, в частности, попытка обороны Кремля горсткой героев, расстрелянной маршалом И. Мюратом. И, наконец, не менее хорошо известно, что следствием всех этих трагических событий стал грандиозный московский пожар.

Спор о причинах пожара, возникший непосредственно в первые дни сентября 1812 г., в исторической литературе продолжается и по сей день. Основными виновниками пожара русские считали французов, французы — русских. Несколько позднее получило распространение мнение о случайном, стихийном возникновении огня. Возможно, следует признать наличие сразу нескольких причин московского пожара.

Во-первых, оставляя Москву, русские войска были не в состоянии вывезти огромные запасы вооружения, снарядов, пороха, провианта и проч. По некоторым данным, в Москве находилось до 20 000 пудов пороха, 27 000 артиллерийских снарядов, 156 орудий, 39 846 сабель, 18 522 ядра, 4 293 бомбы, 1 600 000 патронов [2]. Военные склады размещались в Кремле, у Никольских ворот, в Китай-городе, Замоскворечье, в Яузской и Таганской частях города. Какое-то количество боеприпасов уничтожалось при отходе русской армии. Известно, что первые очаги пожара появились уже в ночь на 2 сентября 1812 г., то есть тогда, когда французов в городе еще не было.

Во-вторых, действия французской армии, мародерствующей в Москве, также реально могли повлечь за собой массовое распространение огня.

Есть свидетельства о целенаправленном уничтожении общественных и административных зданий. Например, 4–5 сентября 1812 г. было разгромлено и затем сожжено здание Московского университета на Моховой, 15 сентября 1812 г. разрушению подвергся Вдовый дом в Кудрине, где помещался госпиталь. Перед выходом французской армии из Москвы Наполеон отдал приказ взорвать Кремль и общественные здания. К счастью, этому варварскому плану не суждено было осуществиться, хотя несколько взрывов все же прогремело. Пострадали Никольская и Боровицкая башни, были разрушены часть Кремлевской стены, здание Арсенала, повреждения получила колокольня Ивана Великого, обгорели Грановитая палата и Кремлевский дворец. Но, даже учитывая все эти факты, едва ли можно серьезно говорить о том, что, входя в Москву, французское командование имело план ее уничтожения. Очевидно, не могло быть такого плана и у русского командования, Москву отдавали французам не навсегда, да и вряд ли сожжение второй столицы могло принести какую-либо реальную пользу.

В-третьих, следует учитывать действие случайных факторов, например, сильнейший ветер в первые дни пожара, переносивший пламя с одного здания на другое с невероятной быстротой (кстати, таким же случайным, но уже благоприятным фактором оказался мощный ливень 7 сентября 1812 г., благодаря которому огненная стихия начала терять силу).

Французская армия покидала Москву 7–8 октября 1812 г. Сразу же после этого жители стали возвращаться в город. То, что осталось на месте одной из красивейших столиц мира, трудно было описать словами. До пожара московская застройка насчитывала 9 158 домов, из них 6 591 деревянный и 2 567 каменных; уцелело лишь 2 626 домов. Из 8 521 торговой лавки осталось 1 368 подобных заведений. Из 556 фабрик и заводов пожар пережили не более 40 промышленных предприятий [3]. Казенные здания пострадали несколько меньше, чем жилой фонд: из 387 строений уцелела половина [4]. Примерно вдвое сократилось и число постоянных дворов [5].

Было очевидно, что без специальной правительственной программы отстроить Москву невозможно. Поэтому уже в феврале 1813 г. министру финансов выдали указание о выделении денежных средств [6], а московскому главнокомандующему графу Ф.В. Ростопчину было предложено заняться созданием специального учреждения. Указ о создании Комиссии для строений в Москве Император подписал 5 мая 1813 г. [7], а 7, 11 и 14 июня 1813 г. в «Московских ведомостях» напечатано сообщение о начале деятельности Комиссии для строений с 5 июня [8].

Комиссия проработала в Москве три десятилетия, сочетая в своей деятельности опыт, накопленный русским градостроительством в течение нескольких столетий, и новые приемы и методы планировки и за-

стройки, отвечающие требованиям и эстетическим предпочтениям эпохи классицизма.

«Московские ведомости» сообщали: «Комиссия для строений в Москве объявляет, что желающие производить или вновь отделывать, или исправлять старые строения, могут подавать в оную объявления для получения за сие позволение планов и фасада» [9].

О Комиссии для строений в Москве Александр Первый писал московскому Главнокомандующему, что основное ее назначение — оказать помощь пострадавшим москвичам, а также «доставить столице сей лучшее устройство и порядок в расположении ее улиц и кварталов» [10]. По сути дела, в Москве впервые появилось учреждение, которое сосредоточило в своих руках все функции по осуществлению строительно-планировочной деятельности, в задачи которого входило:

- восстановление московской застройки (в первую очередь, жилой);
- наблюдение за производством строительных работ;
- осуществление перепланировки и реконструкции Москвы;
- контроль за соответствием построек проектным планам и образцам;
- организация кирпичного производства, управление промыслами по заготовке строительных материалов;
- поощрение частного предпринимательства в области производства строительных материалов и контроль за их соответствием стандартам;
- стабилизация и снижение цен на стройматериалы;
- помощь населению деньгами и стройматериалами в форме беспроцентных ссуд [11].

Из сферы деятельности Комиссии исключался Кремль как особая городская территория, подведомственная дворцовым учреждениям.

Наибольший объем восстановительных работ пришелся на первые три года работы Комиссии: с 1813 по 1816 г. Именно в это время наиболее остро стояла проблема восстановления уничтоженного и пострадавшего жилого фонда. Одновременно с ремонтно-строительными работами Комиссия занималась перепланировкой Москвы и составлением нового Генерального плана. С 1816 г. были развернуты широкомасштабные работы по благоустройству Москвы, реконструкции и оформлению парадного центра города.

Москву поделили на четыре участка. В первый входили Пятницкая, Якиманская, Серпуховская, Пречистинская, Хамовническая городские части, во второй — Сретенская, Сущевская, Мещанская, Басманная, Покровская, в третий — Мясницкая, Яузская, Таганская, Рогожская, Лефортовская, в четвертый — Городская, Тверская, Арбатская, Пресненская, Новинская. Из всех городских частей наиболее пострадали от пожара Пятницкая,

Пречистенская, Городская, Таганская, Сретенская, Яузская, Якиманская, Басманная и Рогожская [12].

С 1813 по 1834 г. архитектурное отделение Комиссии возглавлял главный архитектор по «фасадической части» О.И. Бове. Именно под его руководством был проделан основной объем работ по восстановлению жилой застройки Москвы и осуществлены мероприятия по реконструкции города. Комиссией на практике были введены новые правила планировки и застройки, разработанные с учетом приемов западноевропейского планировочного искусства, опыта регулярного строительства российских городов и традиций отечественного градостроительства. Следует также отметить, что с Комиссией были связаны такие выдающиеся зодчие, как А. Григорьев, Д. Жилярди, Ф. Шестаков, Д. Григорьев и многие другие.

За время своей деятельности Комиссия, по сути, заново воссоздала Москву, придав ее планировке и застройке более правильный регулярный порядок, введя в практику строительство только по утвержденным планам и фасадам (то есть по проектным планам и по заранее разработанным архитектурным проектам) под строгим контролем землемеров и архитекторов в соответствии с единым общегородским проектно-строительным планом.

Своеобразным рубежом в восстановлении и реконструкции Москвы стал 1816 г. Размах частного жилищного строительства стал уменьшаться, так как в основном к этому времени жилищный фонд был восстановлен. Появилась возможность перейти к строительству крупных казенных зданий, начать работы по благоустройству города и улучшению его инженерного оборудования. Среди намеченных мероприятий были отделка Петровского театра, казарм, каменных зданий, находящихся на примечательных, видных местах и принадлежащих несостоятельным хозяевам, покупка и отделка домов под полицейские съезжие дворы, нивелирование (спрямление, придание геометрически правильных форм) улиц и площадей, устройство скатов в реки Москву, Язу, Неглинную и в Пречистенские пруды. Предполагалось также построение еще одного каменного или чугунного моста вместо деревянного Москворецкого и моста на водоотводном канале, отделка камнем и чугуном решеткой берегов рек, закрытие кирпичным сводом канала и бассейна реки Неглинной, отделка бульваров вокруг Кремлевской стены, прокладка проезда по Земляному валу, разборка Китайгородской стены и ремонт ее башен и ворот, чтобы «могли на вечные времена оставаться памятниками древнего великолепия Московской столицы» [13]. С 1825 г. основное внимание уделялось постройке казарм, складов и прочих хозяйственных объектов.

Проектно-планировочные работы активно проводились до 1818 г. Еще в 1813 г. Комиссии предложили дать заключение по плану, разработан-

ному архитектором В.И. Гесте. К февралю 1814 г. были сделаны необходимые исправления и замечания [14]. Дискуссия, начатая Комиссией, свидетельствовала о сложности переходного периода в московском градостроительстве. Проект В.И. Гесте носил поверхностно-академический характер [15]. С одной стороны, он был основан на целостном подходе к городской структуре, позволяющем пространственно объединить и упорядочить ее в пределах Камер-Коллежского вала. План учитывал исторически сложившуюся планировочную схему, как и предшествующий Генеральный план 1775 г. он не менял направления основных магистралей и не предусматривал прокладки новых. Здесь преемственно развивалась идея кольцевой структуры: Кремль, Китай-город, в ожерелье окружающих пространств. Но В.И. Гесте в своем проекте исходил из правил и канонов классицистической планировки, а Москву довольно трудно было втиснуть в эти правила, она была живым организмом со своими традициями и привычками, далеко не всегда поддающимися строгой академической регламентации. Поэтому, например, создание многих новых площадей, предусмотренное планом В.И. Гесте, вызвало возражения Комиссии, основанные на реальных потребностях города и установившихся в среде москвичей традициях использовать те или иные пространства под гулянья, военные ученья и прочие мероприятия. Кроме того, следовало учесть обстановку, сложившуюся в Москве 1813 г. Состояние жилой застройки и острая жилищная проблема требовали сосредоточения всех сил и средств в этой области, и лишние перепланировочные мероприятия с этой точки зрения представлялись неуместными. В то же время членами Комиссии была одобрена идея оформления и усиления в планировочном отношении Кремлевского и Китайгородского ядра, предполагавшая раскрытие ансамблей центра и благоустройство прилегающих территорий.

Возражения, выдвинутые Комиссией, свидетельствовали о наличии разных подходов к решению градостроительных задач в первой трети XIX в. и о различных критериях художественной оценки градостроительных приемов, характерных для представителей московской и столичной петербургской школ классицизма [16]. Несмотря на то, что уже в феврале 1814 г. были подготовлены и отправлены в Петербург материалы плана и выполненные О.И. Бове виды Москвы, новый Генеральный план Александр Первый потребовал от Комиссии лишь в 1816 г. В январе землемер Н. Горчаков представил разработанный под его наблюдением новый проект Генерального плана «с показанием всех прожектов..., также строений, уцелевших от пожара, отстроенных вновь и поправленных, с обозначением улиц и проулков, предполагаемых вновь по местной надобности к открытию, а некоторых по ненадобности к уничтожению. <...> Вместе

с сим представил двадцать два плана площадям, вновь проектированным от Комиссии и по плану архитектора Гесте признаваемым быть ненужными» [17]. К плану прилагались также спроектированные О.И. Бове новые фасады лавок на Красной площади и по внешней стороне восточной стены Китай-города. Через три месяца план был утвержден Комитетом министров. Программа перепланировки и реконструкции Москвы предусматривала корректировку системы площадей; частичное регулирование и расширение улиц и переулков; строительство гостиниц на пересечении больших улиц с бульварами (бульвары становились парадной магистралью города и возведенные на них гостиницы приобретали особое градостроительное значение) и с линией бывших укреплений Земляного города; увеличение контраста между массовой застройкой и вертикалями церквей; усиление градостроительного значения древних монастырей возведением высоких колоколен и устройством вокруг просторных площадей; широкомасштабное озеленение; совершенствование системы водоснабжения, реконструкцию водоотводного канала, заключение в трубу реки Неглинной [18].

В дальнейшем план дорабатывался и совершенствовался, и на его основе строилась вся деятельность Комиссии вплоть до 40-х гг. XIX в.

Что касается архитектурно-строительных работ в Москве после пожара, то достаточно назвать лишь некоторые осуществленные проекты, чтобы в полной мере представить их размах: начало создания парадного кольца площадей вокруг Кремля и, в частности, оформление ансамблей Манежной и Театральной площадей, строительство Петровского театра, ремонт и реконструкция Китайгородской стены, оформление Бульварного и создание Садового колец, устройство Александровского сада, Петровского и Екатерининского парков, строительство Триумфальных ворот и прочих архитектурных сооружений. Однако не только были созданы замечательные творения, ставшие достоянием русской и мировой культуры, но и была восстановлена массовая жилая застройка, составившая неповторимый архитектурный облик послепожарной Москвы.

Поскольку все строительство осуществлялось в рамках единой программы и под контролем специального учреждения, то появилась реальная возможность упорядочить московскую застройку, что отвечало и эстетическим предпочтениям классицизма. Каждый проект тщательно увязывался с окружающими постройками и «проектированными» красными линиями (проектные линии, нанесенные на городской план, регулировавшие планировку и обозначающие границу застройки). Правила, разработанные Комиссией, предполагали строительство по типовым проектам (практика образцовых, разрешенных проектов фасадов зданий существовала с начала XIX в.) с применением типовых деталей постройки (окна, двери) и

декора. Дома рекомендовалось красить только разрешенными красками (преобладали светлые тона), не разрешалось по-разному красить отдельные части одной постройки (в августе 1817 г., например, архитекторам Комиссии было поручено проконтролировать каждому по своему участку, как выкрашены дома, и в случае нарушений «к отвращению неприличия от сего происходящего» переокрасить) [19]. Поощрялось, в первую очередь, каменное строительство, ссуды выдавались только под каменные сооружения. Устанавливался примерный стандарт на жилые строения, все они должны были иметь определенные размеры и возводиться с учетом противопожарных норм (соблюдение необходимого расстояния между соседними зданиями, строительство брандмауэров — каменных перегородок между вплотную стоящими постройками, определенная ширина улиц и переулков и проч.), фасадами на улицу. Фундамент мог быть только каменным, сам дом мог быть каменным или же деревянным, но обязательно оштукатуренным, постройки не должны были выходить за «проектированные» линии. (С удалением от центральных частей города допускалось делать некоторые отступления от правил, например, в Земляном городе дома, более длинные, чем допускали соответствующие правила, при условии, что они не нарушают «проектированных» линий, разрешалось не ломать, а лишь оштукатуривать и покрывать железной крышей) [20]. Вообще, крыши домов должны были быть только железными, заборы, выходящие на улицу, или должны были иметь чугунные решетки, или же, если решетки были деревянные, их следовало отделять под чугунные. В Китай-городе и Белом городе разрешалось делать деревянные заборы на каменных столбах, но решетки оформлять под чугунные и «красить пристойно» [21]. Все эти правила явились, с одной стороны, итогом многочисленных попыток, предпринимавшихся еще с XVII в., упорядочить московскую застройку с точки зрения снижения пожароопасности, а с другой стороны, были продиктованы взглядами на застройку городов и оформление их внешнего облика в связи со строгими вкусами классицистической эпохи (упорядоченность, симметрия, канон и т. д.). Конечно, подобный подход как нельзя лучше способствовал и решению чисто практических задач, ведь объем строительных работ в послепожарной Москве был поистине грандиозным. Однако, несмотря на издание Комиссией специальных альбомов с типовыми фасадами, на производство стандартных дверей, рам, лепнины, на подчинение застройки единым правилам, Москва не только не утратила яркого своеобразного облика, но и в классицистическую ампирную архитектуру привнесла свою индивидуальность.

Одним из крупнейших градостроительных мероприятий первой трети XIX в. в послепожарной Москве стало устройство Садового кольца (проект,

задуманный еще в 70-е гг. XVIII в., но так и не осуществленный). Вал, оставшийся от старинных укреплений Земляного города, должны были скрыть, ров предполагалось засыпать, а на их месте образовать вокруг города пятнадцативерстовую улицу*. Только в местах пересечения Земляного вала с большими радиальными улицами оставались нетронутыми каменные здания для гостиниц и лавок. В обязательном порядке предписывалось раздавать владельцам домов пустые пространства рядом с их постройками для разведения палисадников: «...отвести обывателям на Земляном валу улицу и садики так, чтобы улица была посередине, а садики с обеих сторон равной глубины...» [22]. Работы начались с августа 1818 г. и велись до конца 30-х гг. XIX в.

С 1814 г. началась реконструкция Красной площади по проекту и под руководством О.И. Бове. В первую очередь снесли лавки, заграждавшие собор Василия Блаженного, и сгоревшие ряды [23], вдоль Кремлевской стены, где также были снесены лавки и срыты Петровские земляные укрепления, посадили ряд деревьев. К 1817 г. был засыпан ров между Никольскими и Спасскими воротами [24]. Были восстановлены Верхние Торговые ряды. В это же время архитекторам Комиссии было поручено заняться восстановлением пострадавших зданий в Кремле (хотя эта территория и не входила в ее компетенцию) [25].

После 1816 г. начались работы по созданию ансамбля Манежной площади. С 1817 по 1819 г. восстанавливался Университет по проекту Д. Жиллярди. С 1820 г. приступили к созданию Александровского сада [26].

Безусловно, решение проблем большого столичного города предполагало не только приведение в порядок планировки и застройки, но и улучшение благоустройства. Уже после 1816 г. начали мостить улицы, устраивать водосточные каналы, тротуары, улучшать водоснабжение, строить набережные и пр. Москвичам было предписано устраивать стоки с крыш домов через специальные желоба или трубы, выводя их под тротуары, чтобы не создавать опасных ситуаций для пешеходов на тротуарах, примыкающих непосредственно к домам [27]. С 1825 г. до конца 1830-х гг. велись работы по устройству водосточных канав у ворот Белого города. В начале 1830-х гг. осушалась Зарядье, в 1834 г. осушалась и мостилась Болотная площадь.

С 1823 г. началась отделка Бульварного кольца. Первыми благоустроивались Тверской [28] и Никитский бульвары [29], выравнивалась местность, засыпалась щебнем центральная дорога, устанавливались ограды, скамейки, высаживались деревья и кустарники. По сохранившимся документам можно восстановить первоначальный облик бульваров послепожарной Москвы. Посадки были исключительно разнообразны. На Тверском буль-

*Верста равняется 1,0668 км.

варе, например, преобладали липы, березы, ели, были посажены сосны, ясени, лиственницы (самый дорогой посадочный материал), дубы, тополя, рябины. Украшали бульвар и «цветошные разные воздушные кустарники» в количестве трехсот штук, и белая сирень, и кустовая рябина, и калина. Устроили бульвар вдоль Китайгородской стены, здесь особенно выделялись посадки осины, орешника и акации [30]. Интересно, что 10 000 молодых липок для озеленения бульваров были куплены в Лосином Острове, на что было дано специальное разрешение [31]. В 1839 г. Комиссия для строений вновь вернулась к работам по озеленению бульваров, ей было предписано привести их в порядок и дополнительно обсадить низко подстриженными акациями, душистыми кустарниками (шиповником, сиренью), деревьями, разбить клумбы, «дабы бульвары походили на сады» [32].

Если говорить о восстановлении Москвы после пожара 1812 г., то отдельно следует рассмотреть тему отражения в облике города памяти о событиях, последовавших за пожаром и изгнанием французов. Трагизм и величие этих событий, рост патриотических настроений и осознание общенационального значения победы над Наполеоном породили потребность увековечить народный подвиг, сохранить память о 1812 г. как одной из священных дат российской истории. Неслучайно, местом возведения первых мемориалов стала именно Москва.

Мысль Александра Первого о необходимости создания памятника победе, высказанная еще в Манифесте 25 декабря 1812 г. [33], получила реальное воплощение в ходе работ по восстановлению и реконструкции Москвы (в разработке проектов и создании некоторых мемориалов участвовала и Комиссия для строений). Отдельные памятники и целые мемориальные ансамбли, посвященные героической теме 1812 г., создавались в Москве на протяжении длительного исторического периода, вплоть до конца XX в., но первые памятники начали появляться именно в послепожарной Москве.

В 1817 г. Москва была избрана местом проведения торжественных мероприятий, посвященных пятилетию победы. В августе в первопрестольную прибыл Император в сопровождении двора и сводного гвардейского отряда. К этому времени специально для смотра и парада войск был возведен эзерциргауз (Манеж), по существу ставший первой мемориальной постройкой. Строительство прямоугольного здания, опоясанного колоннадой с гладкими строгими фронтонами, лишенными декоративного убранства, с двускатной крышей и уникальной конструкцией перекрытий по проекту инженера А.А. Бетанкура и под руководством инженеров А.Л. Карбонье и А.Я. Кашперова велось шесть месяцев.

В начале 1820-х гг. в связи с осадкой здания были проведены дополнительные работы инженером Р.Р. Бауса [34]. А в 1825 г. в ходе формирования единого ансамбля Манежной площади и создания его стиливого единства с уже заложенным к этому времени Кремлевским (Александровским) садом О.И. Бове разработал проект внешнего декоративного убранства здания, посвященного воинской доблести и славе, причем здесь достигается вполне гармоничное единое звучание героического мотива, как в декоре Манежа, так и в оформлении Александровского сада. Таким образом, тема войны 1812 г. и победы над Наполеоном органично вошла в градостроительное решение московского центра. Следует подчеркнуть, что вообще строительство общественного здания в память о военной победе было новым явлением для Москвы, где в честь побед и победителей традиционно возводились храмы-памятники, а с петровских времен и Триумфальные ворота.

Близко по времени к строительству Манежа появление в Москве еще одного памятника. В феврале 1818 г. на Красной площади, практически уже к этому времени реконструированной, был торжественно открыт монумент Минину и Пожарскому, связавший воедино героические события древней истории и современности. Это был первый скульптурный монумент в Москве. Известна история создания памятника, предназначавшегося первоначально для увековечения национального подвига русского народа, совершенного в 1612 г. В год двухсотлетия освобождения Москвы от интервентов и начала возрождения России после Смуты монумент должны были установить в Нижнем Новгороде. Идея, возникшая еще в 1803 г., получила воплощение благодаря общественной инициативе [35]. Скульптор И. Мартос создал проект памятника и представил его на выставке в Академии художеств, нижегородцы собрали деньги по подписке, благодаря чему в 1808 г. был открыт официальный конкурс на лучший проект памятника, которым в итоге и был признан проект И. Мартоса. Автор считал, что памятник должен быть установлен в Москве, так как именно здесь развивались ключевые события 1612 г., и настоял на размещении памятника на Красной площади у Торговых рядов напротив Кремля, не согласившись с мнением Александра Первого по этому поводу [36]. Историческая ситуация, сложившаяся в связи с Отечественной войной и изгнанием французов из Москвы осенью 1812 г., придала новое звучание работе И. Мартоса. Теперь идея монумента приобрела актуальность и обозначила преемственную связь исторического подвига и героических событий современности, в сходстве ситуаций, разделенных двухсотлетним промежутком, выделась определенная высшая закономерность, и это в еще большей степени усиливало главную идею монумента и углубляло его мемориальное значение.

В 20-е гг. XIX в. в Москве был осуществлен еще один мемориальный проект, ставший новаторством в области московского градостроительства. Речь идет об устройстве уже упоминавшегося выше Александровского сада. До сих пор Москва не имела традиции устройства публичных садово-мемориалов. Традиционные монастырские, усадебные, аптекарские городские сады имели утилитарный характер или же отчасти выполняли увеселительные функции. Создание же садов и парков, предназначенных для общественного пользования и имевших мемориальное значение, началось со времен Петра Первого и было введено в практику лишь в Петербурге.

В рамках работ по реконструкции Москвы, созданию парадного кольца площадей вокруг Кремля и оформлению городского центра Комиссией для строений был разработан проект первого московского мемориального сада у стен Кремля, реализации которого осуществлялась в 1820–1833 гг. [37]. Руководил закладкой и архитектурным оформлением Кремлевского (таково было первоначальное название) сада О.И. Бове. Выбор места у стен Кремля внутри парадного кольца центральных площадей был неслучаен, этим подчеркивалось, с одной стороны, значение Сада как мемориального комплекса, неразрывно связанного с главными московскими святынями, а с другой стороны, значение и место его в городской планировочной схеме. Кремлевский сад был разбит на территории от Воскресенских до Боровицких ворот Кремля, на месте глубокого оврага, где до заключения в трубу текла река Неглинная. Местность была выровнена и покрыта дерном, для озеленения были приглашены лучшие садовники. Архитектор О.И. Бове разработал интерьер парка и к июлю 1821 г. возвел главный парковый павильон — декоративный грот-руину, являвшийся одним из обязательных элементов оформления садов эпохи классицизма и одновременно создававший ассоциативную связь с недавними событиями великого московского пожара, с развалинами сгоревших московских зданий (что, кстати, породило одну из московских легенд, об использовании О.И. Бове при сооружении грота подлинных остатков московских домов).

Если создание Александровского сада было новшеством для московского градостроительства, то возведение мемориалов в форме триумфальных ворот уже прочно вошло в традицию. С 1826 г. О.И. Бове занимался разработкой проекта каменных Триумфальных ворот на Тверской. Последний вариант был утвержден Императором 1 апреля 1829 г., а 20 апреля 1829 г. был утвержден план строительства [38], учрежден специальный Комитет для построения Триумфальных ворот [39]. А 17 августа 1829 г. в Москве состоялась торжественная закладка памятника. Авторы, архитектор О.И. Бове, скульпторы И.П. Витали, И.Т. Тимофеев соединили в этом памятнике (на сегодняшний день единственном из сохранившихся подобных мемориалов,

пережившем в 30-е гг. XX в. демонтаж и восстановленном в 60-е гг. на новом месте) европейский художественный стиль и русское национальное своеобразие. Тема воинского подвига и славы получила разностороннее выражение в пышном декоративном убранстве ворот, в символических фигурах, скульптурных рельефах, медальонах, воинской атрибутике, аллегорически повествующих об основных событиях Отечественной войны. На памятной бронзовой доске высечены слова фельдмаршала М.И. Кутузова, обращенные к воинам-победителям. Пояснительная надпись гласит: «Сии Триумфальные ворота заложены в знак воспоминания торжества российских воинов в 1814 году и возобновления сооружением великолепных памятников и зданий первопрестольного града Москвы, разрушенного в 1812 году нашествием галлов и с ними двенадцати языков» [40].

И последний мемориал Отечественной войны 1812 г., о котором следует сказать в рамках данной статьи, это — храм Христа Спасителя. Правда, его непосредственное строительство, растянувшееся на три десятилетия, осуществлялось уже не в ходе восстановления Москвы, в иную архитектурную эпоху и в иной градостроительной ситуации. Однако рождение идеи о создании храма-памятника и первые попытки ее воплощения связаны как раз с интересующим периодом. Собственно, уже упомянутый выше Манифест 25 декабря 1812 г. как раз и выдвинул задачу создания мемориального храма. В 1816 г. для реализации выбрали проект А.Л. Витберга, базировавшийся на сложной религиозно-философской программе. Торжественная закладка памятника на Воробьевых горах произошла 12 октября 1817 г., до 1820 г. разрабатывался экономический проект строительства, а в 1821–1825 гг. велись работы по сооружению храма. Однако, как известно, его строительство было приостановлено, а затем и свернуто [41]. В 1832 г. предпочтение было отдано проекту архитектора К. Тона, подготовительные работы велись вплоть до конца 1830-х гг. И лишь 10 сентября 1839 г. произошла торжественная закладка храма [42] (разрушенного в 30-е гг. и восстановленного в 90-е гг. XX в.).

Менее известно, что до начала работ по проекту архитектора К. Тона были предприняты попытки разработки проектов московскими зодчими, и в частности, зодчими Комиссии для строений.

В сентябре 1830 г. Комиссии было поручено организовать разработку проекта сооружения храма на Воробьевых горах [43]. Среди желающих участвовать в конкурсе с самого начала были архитекторы Экспедиции Кремлевского строения Е.Д. Тюрин и Комиссариатского ведомства М.В. Горлицын, чиновники мастерских команд московской военно-рабочей бригады А.И. Бове (второй), А.И. Давыдов, К.И. Ламони, А.С. Сумароков,

В.А. Риенни, архитектор Комитета снабжения войск сукнами А.Д. Татищев [44]. В итоге на рассмотрение поступило несколько проектов [45].

Проект А.Д. Татищева основывался на следующей программе: место — Воробьевы горы; величина — «превосходство купола против всех куполов Европы и в Москве»; форма — соединение современной архитектуры с канонами архитектуры греко-российской церкви. В высоту храм должен был достигать 170,2 м [46]. Учитывались видовые возможности места и уже существующая закладка (над ней предлагалось возвести памятную часовню со сходом к храму и со спуском в овраг, необходимым при шествиях к воде). Храм предполагалось возводить на фундаментах старого царского загородного дворца. В конструкции сочетались традиционный крестообразный план и круглая форма середины храма. В высоту пространство делилось на два этажа. В качестве завершения допускался каменный купол, но поскольку отечественный кирпич признавался автором непригодным для этих целей, то выдвигалось предложение, купол и карнизы сделать металлическими (сочетание меди и железа), что, кстати, и удешевляло проект. Фасад здания решался в традициях классицистической архитектуры, весь храм окружала круглая колоннада, которая несла не только эстетическую, но и конструктивную нагрузку (она скрадывала вблизи высоту постройки, а издалека придавала колоссальному зданию необходимую пирамидальность. Храм был рассчитан на 8–10 тыс. чел. Проект предполагалось осуществить в течение 15 лет [47].

В 1832 г. на конкурс были представлены работы архитекторов Комиссии И. Таманского и Ф. Шестакова. Поскольку в этом же году Воробьевы горы как место возможной постройки храма были отклонены окончательно, то оба проекта содержали уже иные градостроительные решения.

Проект И. Таманского был привязан к месту на Царицыном лугу в районе современной Болотной площади напротив Кремля. Классицистический ансамбль архитектурно и содержательно был связан с Кремлем [48]. Перед храмом располагалась полуциркулярная площадь, окруженная открытой колоннадой с пристанью против Кремля и памятником Александру Первому. На набережной колоннаду завершали Триумфальные ворота, символизировавшие изгнание французов из Москвы и вступление русских войск в Париж. Комплекс построек включал четыре монументальных обелиска, шесть жилых корпусов для инвалидов Отечественной войны и несколько лавок, где они могли бы работать. Таким образом, проект предполагал не просто постройку храма-памятника, но и целостное градостроительное решение, позволявшее связать с уже сложившимся ансамблем парадного городского центра комплекс построек между Москворецким и Каменным

мостами. Кроме того, здесь впервые было предусмотрено сочетание мемориальных функций памятника с социальными.

Архитектор Ф.М. Шестаков в своем проекте также предложил новое градостроительное решение. Храм планировалось возвести на площади между Тверской заставой и Бутырским валом. Комплекс органично включался в цепь существующих площадей: площадь у Тверской заставы, новая площадь у храма Христа Спасителя, площадь у границы Земляного города у создававшегося Садового кольца. Новая площадь перед храмом имела равные стороны в длину (по 350 м), с востока и запада она завершалась полукружиями, от которых лучами расходились улицы. По периметру площади предполагалось разбить бульвары и установить четыре фонтана. Новаторство проекта состояло в создании на Тверской улице крупнейшей городской площади с мемориальным комплексом, что требовало реконструкции окружающей городской среды. Въезд в город получал парадное оформление, благодаря чему городской центр приближался к въезжающему из Петербурга [49].

Можно утверждать, что задача возведения в Москве храма-памятника, посвященного событиям 1812 г., вызвала живой отклик многих архитекторов, чьи проекты, несмотря на определенные недостатки, продемонстрировали не только оригинальность архитектурного и градостроительного мышления авторов, но и показали глубину восприятия обществом значения победы в Отечественной войне 1812 г.

В заключение подчеркнем, что события 1812 г., великий московский пожар и его последствия повлекли за собой не только целую серию градостроительных мероприятий, значительно повлиявших на изменение облика города, привнесших в традиционную планировку и застройку новые регулярные черты и художественные формы, характерные для архитектуры периода ампира, но и способствовали формированию в сознании москвичей понимания масштабности событий, величия народного подвига и величия России.

Литература и источники

1. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 419.
2. Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. М., 1988. С.194.
3. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года... С. 429. В литературе эти цифры незначительно варьируются.
4. История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 110.
5. Там же. С. 144.
6. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1-е. Т. 32. СПб., 1830. № 25377. Следует заметить, что государственное финансирование восстановительных работ и последующей реконструкции города на практике оказалось весьма неудовлетворительным.

7. Там же.
8. Московские ведомости. 1813. № 46, 47, 48.
9. Московские ведомости. 1813. № 49.
10. Письмо Александра Первого графу Ф.В. Ростопчину из Главной квартиры княжества Варшавского, Калиш, 14 февраля 1813 года // Сборник Археологического института. СПб., 1879. Кн. II. С. 62.
11. ПСЗ. Т. 32. СПб., 1830. № 25377.
12. История Москвы. М., 1954. Т. 2. С. 144.
13. Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 163. Оп. 4. Д. 35. Л. 270 об.
14. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 8. Л. 127–156.
15. Гуляницкий Н.Ф. Архитектурно-градостроительное развитие Москвы в эпоху классицизма // Архитектурно-градостроительное развитие Москвы: Сборник статей. М., 1997. С. 129.
16. Там же.
17. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 31. Л. 348–371.
18. Гуляницкий Н.Ф. Архитектурно-градостроительное развитие Москвы в эпоху классицизма... С. 129–131.
19. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 50. Л. 761–762.
20. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 35. Л. 273 об.
21. Там же.
22. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 50. Л. 757–758.
23. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 9.
24. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 35. Л. 44–46.
25. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 35. Л. 235–236.
26. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 21, Оп. 3. Д. 8.
27. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 4. Д. 100. Л. 320–321 об.
28. По сути дела, Тверской бульвар, первый из всех московских бульваров, был сформирован еще в 90-е гг. XVIII в. Однако в 20-е гг. XIX в. потребовались существенные усилия для приведения его в порядок.
29. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 3. Д. 9. Л. 3.
30. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 3. Д. 9. Л. 91 об., 106–106 об.
31. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 3. Д. 9. Л. 7.
32. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 3. Д. 50. Л. 101–101 об.
33. Мостовский М. Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. М., 1996. С. 9.
34. Кукина Е.М., Кожевников Р.Ф. Рукотворная память Москвы. М., 1987. С. 20.
35. Там же. С. 21.
36. Там же. С. 22.
37. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 21. Оп. 3. Д. 8.
38. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 52. Л. 1–2.
39. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 52. Л. 6 об.
40. Цит. по: Кукина Е.М., Кожевников Р.Ф. Рукотворная память Москвы... С. 24.

41. Подробнее об этом см.: Мостовский М. Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве... С. 16–20.
42. Там же. С. 25.
43. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 57. Л. 4.
44. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 57. Л. 5.
45. Подробнее об этом см.: Смирнова А. Г. Градостроительство и органы московского городского управления (60-е гг. XVIII в. — 30-е гг. XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 319–322.
46. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 57. Л. 29.
47. ЦИАМ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 57. Л. 32.
48. Подробнее об этом см.: Нашокина М.В. Градостроительные аспекты сооружения в Москве храма-памятника Отечественной войне 1812 года // Архитектурное наследие Москвы. М., 1988. С. 71.
49. Там же.

А.Д. Кубрик*

ЗАЯВЛЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ О НАРЕЧЕНИИ ФАМИЛИЯМИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКОГО НАШЕСТВИЯ

В страшных условиях разорения и после ухода французов из Москвы многие москвичи были заняты не только экономическими проблемами, но также и хлопотами по закреплению на официальном уровне в качестве полноценных фамилий своих уличных прозвищ, или уличных прозваний. Для этого москвичи находили силы и время, чтобы ходить по учреждениям, писать прошения на гербовой бумаге и, следовательно, тратить на это деньги. Об этом интересном общественном явлении свидетельствуют архивные документы 1813–1816 гг., отложившиеся в фонде Московского городского магистрата Центрального исторического архива Москвы и других фондах.

Публикуемое исследование посвящено историческим аспектам, связанным с происхождением и значением русских фамилий, в первую очередь, мотивам просителей и обстоятельствам, сопровождавшим процесс закрепления в юридических документах фамилий русских москвичей после Отечественной войны 1812 г.

Это первое исследование на данную тему в отечественной историографии [1].

Первое, что обращает на себя внимание в архивных делах, это инициатива получения фамилии, которая исходила от представителей московского податного населения, а не от чиновников. Москвичи могли продолжать жить без фамилий и дальше, если бы не стремились так к их получению. Поэтому нередки были случаи, когда отпущенные на волю крепостные крестьяне фамилий себе не просили, а продолжали жить лишь с именем и отчеством, как и до получения вольной. Это видно из журналов заседаний Московского городского магистрата, на которых обсуждалась судьба, например, бывшей дворовой Марфы Матвеевой (здесь имеется в виду имя Марфа Матвеевна, т.е. «Матвеева» — это форма отчества, которая использовалась в то время в делопроизводстве; употребление же в формах отчеств суффиксов -вич, -вна, -ична было в ту эпоху, как известно, привилегией дворян) [2].

Вообще говоря, если у человека фамилии не было, то в качестве ее в документах той эпохи могло использоваться отчество, как это видно из

*Кубрик Анна Дмитриевна (Москва) – главный специалист Выставочного центра Главного архивного управления Москвы, кандидат исторических наук.

текстов резолюций Московского городского магистрата и из журналов его заседаний. Например, в отпускной Николая Фролова, просившего закрепить за ним прозвище Латышев, при перечислении примет этого человека было указано: «А приметами оной Фролов росту двух аршин...». Так же, с использованием отчества вместо фамилии, он назывался в копии резолюции Московского городского магистрата, и так же сам проситель подписался на обороте прошения [3]. Схожее использование отчества в качестве фамилии встречается и в других делах [4], а в некоторых документах человека могли звать по фамилии, еще не присвоенной на официальном уровне [5].

Еще один вариант оформления имени дают журналы заседаний Московского городского магистрата, в которых имена дворян отражаются по принципу «имя плюс фамилия», и так же оформляются имена их крепостных: дворянин Николай Левашов, его дворовый человек Алексей Самородов. Интересно отметить, что если о Левашове и Самородове не сказано, какое у них было отчество, то о жене дворового, наоборот, сказано: ее звали Матрена Федорова (то есть Федоровна) [6]. Схожая двучленная структура встречалась и в списках московских погорельцев, получивших денежную помощь после Отечественной войны 1812 г.: в этих списках отчества употребляются в качестве фамилий [7]. Сам же порядок, в котором в этих документах перечисляются сведения о человеке, свидетельствует о желании бюрократии выносить на первое место именно фамилию, а только потом сословную принадлежность или чин, имя и семейное положение.

За получение фамилии как таковой просители не платили, однако данный процесс все равно был довольно дорогим, так как прошение, копию резолюции Московского городского магистрата, а также подписку «достойных людей» (т.е. минимум три документа) было необходимо оформлять на гербовой бумаге стоимостью 50 коп. лист, и, кроме того, еще вносили пошлину в размере 50 ½ коп. (Заметим для сравнения, что, например, осенью 1813 г. пуд пшеничной муки первого сорта стоил 5 руб. 50 коп., а фунт зернистой икры первого сорта — 96 коп. [8]).

В некоторых случаях приобретение фамилии сопровождалось размещением информации об этом в газетах Москвы и Санкт-Петербурга. Публикация Указа Правительствующего Сената стоила 5 рублей, и эта сумма шла в пользу Сенатской типографии. Упоминание об этом сборе и об Указе встретилось далеко не во всех архивных делах, и принцип, по которому для определенных просителей подобный указ печатался, а для других нет [9], по документам не просматривается. На явную необязательность подобной публикации указывает то, что в одной из копий резолюций Московского городского магистрата распоряжение о предоставлении

в Московское губернское правление двух экземпляров печатного объявления о приобретении фамилии было приписано сбоку [10].

Документами, означавшими конец хлопотам по приобретению фамилии, были ответ из Московского градского общества, подтверждавший финансовую состоятельность подписавшихся, извещение из дома Московского градского общества во Второй департамент Московского городского магистрата о включении приобретенной фамилии в слободской реестр, а также необязательный документ — копия указа Его Императорского Величества «о позволении именоваться по народному прозвищу» и о публикации в ведомостях этой информации.

Подтверждение финансовой состоятельности требовалось как самому просителю, так и трем его поручителям: «...ответствует он и поручители по законам...» (приведенная формулировка встречается практически во всех расписках) [11]. Часть дел о приобретении фамилий ничем не закончилась или закончилась сообщениями о том, что указанные в подписке статусы поручителей и их капиталы не совпадают с записанными в документах Московского градского общества [12]. Пример того, как процесс не имел своего завершения, и человек не обрел полноценной фамилии, содержится в деле мещанина Гаврилы Федотова, просившего присвоить ему фамилию Ревелев [13]. Таким образом, можно предположить серьезность проверки, которую проводили чиновники. Большинство дел, закончившихся для просителей положительно, длилось от одного до шести месяцев, а некоторые завершились меньше чем за месяц [14]. Следовательно, данный вопрос решался чиновниками весьма оперативно.

Отсутствие фамилии не снижало правоспособность мещан или купцов. Среди поручителей, гарантировавших честность намерений тех, кто хотел придать юридический статус своим уличным прозвищам, встретилось достаточно много бесфамильных людей. Например, поручителем купчихи третьей гильдии Дарьи Ивановой был купец третьей гильдии Иван Васильев, а за купца третьей же гильдии Бориса Степанова ручались также купцы этой гильдии Алексей Максимов и Василий Леонтьев: все эти люди, как видно, фамилий не имели [15].

Закрепление фамилии из уличного прозвища происходило в присутствии и по поручительству представителей одного сословия с сословием просителя. Из этого получается, что получение фамилии было событием общественным и обсуждавшимся в сословной среде. Лишь в двух расписках поручителей были обнаружены подписи купцов третьей гильдии и мещанина [16], и еще в одной расписке среди поручителей — купцов третьей гильдии — встретился купец второй, правда, не имевший фамилии, то есть, возможно, ставший им недавно [17].

Поручители — московские мещане и купцы — имели обязательство быть «достойными», т.е. фигурировать в соответствующих слободских реестрах и других списках, быть мужчинами и главами семей. Адреса этих людей нигде конкретно не указываются, лишь упоминаются слободы, к которым поручители были приписаны.

Между прочим, официально присвоенная фамилия в другом городе или в органах самоуправления других сословий могла считаться недействительной. В некоторых прошениях действительно было указано на пропуск фамилии при оформлении документов при переходе в московское мещанство или купечество и на другие ошибочные действия чиновников, из-за которых люди должны были дополнительно обращаться в органы власти [18].

Таким образом, в первой четверти XIX в. в одном из крупнейших русских городов — Москве — в среде наиболее многочисленных сословий было заурядным явлением не обладать никакой фамилией. Люди могли жить во второй столице без фамилии годами, владеть жилыми и производственными помещениями, заниматься бизнесом и вступать в различные взаимоотношения с бюрократией. Имел человек фамилию или нет, с него все равно собирали налоги и заставляли отправлять повинности, и в том числе рекрутскую.

В первой четверти XIX в., как показывает анализ документов, власти не принуждали москвичей узаконивать их уличные прозвища. Люди пользовались фамилиями при оформлении документов, в том числе финансового характера, лишь тогда, когда они уже были зафиксированы в соответствующих документах. Московский городской магистрат вел строгий учет всех жителей города по сословиям, существовали также списки всех москвичей по сословиям и по каждой слободе, которые хранились в доме Московского градского общества. Однако в этих списках люди записаны не только по фамилии, имени и отчеству, а также месту жительства, но и только по имени и отчеству с указанием адреса. Поэтому при выдаче, например, денежных ссуд погорельцам после Отечественной войны 1812 г. писать в прошениях фамилию, если ее у человека не было, не требовалось, на что указывает стандартная форма прошений [19], сами эти прошения и списки людей, получивших деньги от Комиссии для рассмотрения прошений обывателей, о которых было уже сказано.

Тексты прошений, резолюций Московского градского общества и подписок поручителей показывают, что бюрократию (например, сотрудников Московского городского магистрата) интересовало при закреплении в официальном статусе уличного прозвища одно обстоятельство — имущественная состоятельность: не было ли на человеке долгов, не планиро-

вал ли он мошенничество, не пытался ли избавиться благодаря получению фамилии от податей и повинностей. В связи с этим интересно отметить, что никакого удостоверения того, что получаемая фамилия действительно являлась общеизвестным уличным прозвищем, чиновники не требовали. Буквально в одном из архивных дел был обнаружен запрос об истинности информации, что у просителя действительно не было фамилии [20].

При решении дел по приобретению фамилии бюрократия первой четверти XIX в. руководствовалась не современными ей законами или циркулярами, а 202-м артикулом «Артикула воинского с кратким толкованием» (составная часть Воинского устава 1716 г.). Этот сборник законов уже столетней давности для людей эпохи 1812 г. предлагал проверять наличие умысла у тех людей, которые хотели переменить свое имя, и наказывать за обман и «вредительное намерение» [21].

Нужно обратить внимание и на то, что в сохранившихся архивных делах нигде специально не подчеркивалось, что документы на имущество данного лица и другие важные бумаги после приобретения фамилии будут автоматически переписаны с учетом новой фамилии. Следовательно, московский бюрократический аппарат первой четверти XIX в. был способен организовать свое делопроизводство так, чтобы не заставлять людей в случае приобретения ими официальной фамилии по-новому регистрировать все документы об имуществе, браке, рождении детей и т.д.

Внятная мотивация просителей, желавших получить фамилию, из их прошений, как правило, не определяется. Специальных аргументов, описаний жизненных обстоятельств и других фактов, как правило, в этих документах не приводилось. Просители лишь указывали, где они жили и в каком сословии состояли, а далее жаловались, например, «...но прозвища у себя никакого не имею...» [22]. Далее, не объясняя никаких причин, просители писали, что они желают «записаться в московское мещанство с прозвищем» [23], «присовокупить себе прозвание» [24], «иметь фамилию по первобытному крестьянскому названию» [25] или просто «принять себе фамилию» [26].

Лишь в крайне незначительном количестве изученных документов был все же указан мотив для приобретения фамилии: стремление к удобству заключения контрактов для ведения коммерческой деятельности, а также для рекламы. Например, купец третьей гильдии Василий Дмитриев описывал причину, зачем ему нужна фамилия: «...я везде именуюсь именно Хахловым (так в источнике. — А. К.), а по моему торговому производству оное для меня удобнее с означением фамилии...» [27]. Мещанин Гаврила Федоров просил присвоить себе фамилию Носков, объясняя, что «...по торговой моей с братом промышленности без прозвания бывает немалая

остановка» [28]. Можно предположить, что этот мотив был характерен и для тех прошений, где не был отражен напрямую, поэтому экономическую подоплеку можно рассматривать как одну из наиболее реальных причин появления изучаемого общественного явления. Сообщение же о том, что отсутствие фамилии препятствует в оформлении других каких-либо документов, встретилось в одном из изученных прошений, в котором купец третьей гильдии Семен Афанасьев, по прозвищу Кудряшов, жаловался на невыдачу ему паспорта [29].

Документы не содержат упоминания о каком-то торжественном обряде вручения новой фамилии, да и вообще не говорят, что это событие могло кем-либо восприниматься как рубежная инициация. Кроме того, в прошении ничего не говорится о священниках, религии и Боге, а это означает, что приобретение фамилии считалось обществом первой четверти XIX в. сугубо гражданской процедурой, заключительным шагом по выделению себя с помощью фамилии среди соседей и партнеров по бизнесу.

Иногда прошения могли подаваться людьми, знакомыми между собой и, очевидно, подверженными определенной моде. Например, в один и тот же день были поданы прошения двух купцов третьей гильдии, выходцев из экономических крестьян Владимирской губернии и соседей — оба они жили в Садовой Большой Слободе [30]. При этом следует подчеркнуть, что Замоскворечье, частью которого была Слобода, в наибольшей степени пострадало от пожара, который здесь не пощадил практически ни одного дома [31], а значит, можно предположить, что получение фамилии просителями могло проходить на фоне их серьезных материальных трудностей.

О превращении своего уличного прозвища Родионов в фамилию мечтал и купец Иван Алексеев, который не жалел на это денег, несмотря на большое семейство — жену, пятерых собственных детей и троих племянников, оставшихся после умершего брата [32]. Известие о его новой фамилии было напечатано в газетах, что стоило ему, как было сказано ранее, 5 руб.

Наконец, следующая история демонстрирует еще большее упорство в стремлении получить фамилию. Живописец из крепостных Герасим Петров добивался закрепления за ним и его женой фамилии Петровский полтора года, поскольку «...за отлучкою из Москвы и по одержимой болезнью за делом хождения иметь не мог...» [33]. Выздоровев, он возобновил свое ходатайство и добился положительного результата.

Необходимо коснуться и еще одной темы. Выбор фамилии в первой четверти XIX в. в среде русского православного податного населения Москвы происходил не произвольно. Фамилии никто себе специально не придумывал, тем более никто не создавал себе фамилию-талисман. Все изученные документы говорят о том, что фамилии образовывались

от реально существовавших уличных прозвищ. Просители считали свои стихийно сформировавшиеся уличные прозвища именно фамилиями, употребляя это слово в значении «официально существующее общеизвестное имя (прозвище, прозвание), передающееся от родителей к детям» [34].

О том, что приобретаемые просителями фамилии были не выдуманными, а общеизвестными среди соседей и других знакомых, говорит и то, что люди могли стремиться закрепить не обязательно благозвучное и эффектное, броское прозвище, а вполне нейтральное: Носков, Зайцева, Родионов [35]; были прошения о присвоении в качестве фамилий даже насмешливых, если вдуматься, прозвищ (например, Козюлицын, Свинухин, Простаков [36]).

Занимались официальным закреплением уличных прозвищ по преимуществу мещане и купцы третьей гильдии, а также выходцы из экономических крестьян и вольноотпущенные, которые параллельно с получением фамилии пытались приписаться к московским городским сословиям. Таким образом, все податные сословия, представители которых жили в Москве, хотели в эпоху 1812 г. обладать официальными фамилиями, а уличные прозвища, вероятно, и так многие уже имели. Это желание было свойственно и крепостным крестьянам, о чем можно сделать вывод на основании их прошений, поданных в момент приписки к московскому мещанству или купечеству, хотя, как уже было отмечено, иметь собственную фамилию некоторые из них не хотели. Самостоятельно же реализовать мечту о полноценной фамилии могли только лично свободные люди.

В документах не указываются дата и место рождения просителей, членов их семей и поручителей, равно как и время, с которого человек живет в Москве и приписан к тому или иному сословию. Не приводятся и данные о характере производства или об источнике доходов. Однако в прошениях могло быть указано, каков был социальный статус человека до приписки к московским сословиям; для вольноотпущенных это было обязательно. Наконец, лишь в одном из прошений встретилось упоминание о размере капитала, а именно в прошении вольноотпущенного Андрея Лазарева Ускова, который владел более чем 8 000 руб. [37].

Среди просителей преобладали мужчины, причем многие из них указывали наличие жен, детей, братьев, а также родителей и сестер, но значительно реже. Одни тщательно перечисляли имена членов своих семей, а другие обходились только выражением, например, «потомство мое» [38]. Можно предположить, что приобретение официальной фамилии считалось событием, касавшимся всей семьи просителя, и полученную фамилию должны были носить они все, хотя в поданных в Московский городской магистрат проситель выступал сам за себя.

В заключение следует уточнить общепринятую концепцию происхождения фамилий, которая заключается в том, что «фамилия стала необходимой, чтобы дать человеку четкие координаты в обществе, более надежные и постоянные, чем давало прозвище» [39]. Проведенное на московском материале исследование показывает, что в Москве в первой четверти XIX в. стремление иметь каждому человеку более «четкие координаты в обществе» исходило от населения, а не от государства.

Конечно, напрямую Отечественная война 1812 г. на процесс закрепления фамилий в документообороте не повлияла. Стремление москвичей к приданию официального статуса своим уличным прозвищам интересно само по себе, тем более в условиях экономических трудностей, последовавших после изгнания французов, что своеобразно характеризует эпоху наполеоновского общения.

Литература и источники

1. Необходимо отметить работу на схожую тему, но посвященную другому региону, другому периоду и несколько иным аспектам проблемы, а именно появлению уральских фамилий в XVII в.: Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий: Опыт историко-антропологического исследования: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002.

2. Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 32. Оп. 21. Д. 143. Л. 46 об.-47, 349.

3. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 145. Л. 2 об., 5, 12 об.

4. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 205. Л. 2; Д. 209. Л. 2, 3; Д. 227. Л. 2., а также другие дела этого фонда.

5. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 301. Л. 2.

6. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 21. Д. 143. Л. 4. П. 119.

7. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 208. Л. 14.

8. ЦИАМ. Ф. 105. Оп. 4. Д. 22. Л. 55 об., 56 и др.

9. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 350, 364, 391 и др.

10. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 273. Л. 2.

11. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 246. Л. 3.

12. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 1390. Л. 3 об.

13. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 249.

14. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 145 (с 12 по 19 января 1814 г.), 339 (с 22 апреля по май 1814 г.) и др.

15. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 364. Л. 3; Д. 284. Л. 3.

16. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 1390. Л. 3–3 об.; Д. 1391. Л. 3–3 об.

17. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 361. Л. 3.

18. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 56, 350 и др.

19. ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 567. Л. 18.

20. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 361. Л. 3 об.

21. См.: Артикул воинский с кратким толкованием // Воинский устав 1716 года.
Глава 22. Артикул 202.
22. Отрывок из типичного прошения: ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 246. Л. 1.
23. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 145. Л. 1.
24. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 1390. Л. 1.
25. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 361. Л. 1.
26. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 189. Л. 1.
27. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 56. Л. 1.
28. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 227. Л. 1.
29. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 1391. Л. 1.
30. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 350 и 361.
31. См., например, ведомость 1817 г. сгоревших в Москве в Отечественную войну домов: ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3826. Л. 7 и др., а также многочисленную литературу, например: Сытин П.В. Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет // История планировки и застройки Москвы. М., 1972. Т. 3.
32. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 247. Л. 1, 2.
33. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 257. Л. 8.
34. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 56, 189, 205, 350, 361 и др.
35. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 227, 147, 247.
36. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 526, 1135, 2791 и др.
37. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 259. Л. 1.
38. ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 190. Л. 1.
39. Суперанская А.В., Сулова А.В. О русских фамилиях. СПб., 2010. С. 12.

СОВРЕМЕННОК НАШЕСТВИЯ НАПОЛЕОНА, ИСТОРИК-МОСКВОВЕД И.М. СНЕГИРЕВ О ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ

Первопрестольная Москва во время Отечественной войны 1812 г. занимала заметное место в творчестве известного ученого историка, археолога, краеведа, этнографа и искусствоведа Ивана Михайловича Снегирева (1792–1868). Несмотря на рано сформировавшийся интерес к истории Москвы, его обращение к истории города в эпоху наполеоновского нашествия произошло не сразу и не привело к появлению специальных научных работ. К этой теме И.М. Снегирев чаще обращался в публицистических статьях, которые были приурочены к годовщинам Отечественной войны, или в описаниях отдельных храмов. Научный интерес в изучении 1812 г. в его научной биографии начал проявляться в исследованиях 1830-х гг., когда историк работал над историей Москвы с древнейших времен до начала XIX в. В очерках истории Москвы Отечественную войну 1812 г. И.М. Снегирев рассматривал как начало нового периода (седьмого по его периодизации), приведшего к существенному изменению облика города [1].

Историк И.М. Снегирев в боевых действиях в Отечественной войне 1812 г. участия не принимал. В этом году он был студентом Московского университета, архивариусом университетского Совета и письмоводителем Цензурного комитета, который действовал также при университете. Он являлся соревнователем Общества любителей российской словесности. Успев сохранить протоколы первых годов университета, он покинул Москву в понедельник 2 сентября 1812 г., когда французы уже входили в город, и вернулся туда почти сразу после их отступления, 12 или 13 ноября 1812 г. Как историк-москвовед он впоследствии собрал и записал воспоминания московских жителей, в особенности, духовенства о Москве 1812 г.

Образ Москвы 1812 г. в исторических работах ученого несколько отличается от его собственного восприятия, отраженного в воспоминаниях [2]. Причины таких различий основаны на особом, можно сказать, художественно-историческом методе написания работ, когда автор, считая, что «для потомства все подробности будут драгоценны», «ограничивается несколькими чертами, которые могут войти в состав целой картины, или многих картин — печальных, трогательных и ужасных» [3]. Выбор черт картины — образа Москвы 1812 г. — был обусловлен, с одной стороны, задачами его работ, служащих религиозному, нравственному и гражданско-пат-

*Топычканов Андрей Владимирович (Москва) – старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук.

риотическому воспитанию читателя в духе Православия, Самодержавия и Народности, а с другой стороны, его системой представлений, в которой важное место занимали религиозно-нравственные принципы. В настоящей статье автор сознательно не касается фактической стороны образа Москвы 1812 г. Предметом анализа станет осмысление И.М. Снегиревым событий наполеоновской оккупации первопрестольной и идеи, ставшие основой образа Москвы в 1812 г.

Одной из важнейшей идей в общественном сознании периода Отечественной войны 1812 г. и всей первой половины XIX в. была идея, что Москва являлась жертвой за Россию и даже Европу. Эта идея, названная М. Сокольским «московским мессианизмом» [4], как и всякая идея жертвенности вообще, характерна для православной культуры. Она была популярна как в официальных документах, так и в художественно-исторических произведениях, и высказывалась многими известными людьми, например, Императором Александром Первым, Ф.В. Ростопчиным, А.И. Тургеневым, И.М. Муравьевым и др. [5].

Наиболее полно идея жертвенности высказана И.М. Снегиревым в речи, посвященной 70-летию юбилею Московского университета и коронаванию Императора Николая Первого, отмечавшегося в 1827 г., в год пятнадцатилетия Отечественной войны 1812 г.: «О, сколь утешительна мысль, что патриотизм есть достояние всех чинов, всех возрастов и состояний! Знаменитые в этом примеры мы видели во времена священной брани и великодушных жертв народа, коих жертвенником была Москва — сама искупительная жертва за Россию. На этот жертвенник возлагали приношения свои и питомцы Московского университета, обязанного бытием своим любви к Отечеству» [6]. Таким образом, Москва представляется И.М. Снегиреву и как жертва, служившая искуплением за грехи России и своим разрушением приведшая к поражению непобедимую армию, и как жертвенник, на котором всякий мог принести жертву — пожертвовать своим имуществом и собой, ради самобытности, могущества, славы и величия России [7].

Искупительная жертва Москвы за Россию, очевидно, ассоциировалась с добровольной жертвой Иисуса Христа. Именно поэтому Преосвященный Августин, по словам И.М. Снегирева, увидев по дороге из Москвы в Муром зарево пожара, сказал: «Совершишася» [8]. Искупительным по своему значению явились и разрушение города, и осквернение его святынь (причем одним из самых воспитанных народов — французами). Сам по себе факт разрушения Москвы был совершенно невероятен для религиозного человека. Москва была священным городом, исполненным храмов и монастырей, мощей и чудотворных икон, ограждаемым заступниче-

ством святых и Богородицы [9]. Митрополит Платон (Левшин) часто повторял, что «если нечестивцы прикоснутся в Москве к образам Божиим, то погибнут», т.е. Бог, по его мнению, сохраняет Москву [10]. Когда же разорение города случилось, то народ воспринял это как добровольную жертву для спасения России и Европы. По словам И.М. Снегирева, далеко не все были согласны с этой жертвой. На безавшего Преосвященного Августина роптали те, кто не чаял, что пожертвованием Москвы можно было спасти Россию, и кто представлял в стенах древней Столицы все Отчество свое. «Когда уже не устояла Москва, наша мать кормилица, — говорили они, — устоять ли России?» [11]. Однако помимо их воли акт искупления совершился.

Наполеоновская армия перед лицом этой жертвы сыграла роль не только врага России, но и врага веры и Православной Церкви. «Кажется, что храмы Божии в Москве, — писал И.М. Снегирев, — более испытали поругания от питомцев Революции, ревнителей Реформации и Католицизма, нежели человеческие жилища <...> Враги нашего Отечества были врагами нашей Церкви, которая столько веков ратовала против замыслов папства и уни, против покушений лютеранства и западного нечестия <...> Между французскими солдатами еще находились некрещенные питомцы кровавой революции, современники терроризма, попиравшие и свою отечественную святыню и выбрасывавшие из гробниц тленные остатки своих государей» [12]. Разрушение Москвы, истребление памятников древности, славы и святыни, кроме такого религиозно-нравственного обоснования, имело более глубокий смысл: оно рассматривается как стремление «расторгнуть нравственные связи России с ее сердцем Москвою» [13].

Столь же важное значение в принесении в жертву Москвы имело и участие москвичей и русских людей в борьбе с врагами Отечества и веры, что рассматривалось как святой долг каждого. При этом И.М. Снегирев акцентировал внимание не на военном сопротивлении французам, хотя он и называл Московское ополчение «русским крестовым походом» [14], а на проявлении жертвенности и христианской добродетели. Он считал, что «нет ни одного сословия, которое бы не ревновало жертвовать Царю-помазаннику и Отечеству не только своим имуществом, но и самую жизнь, если только требует честь и благо того и другого» [15]. Наиболее сильное впечатление на него произвели подвиг священника церкви Сорока мучеников Севастийских у Новоспасского монастыря Петра Гаврилова Вельяминова, не давшего французам ключи от храма и убитого на его паперти, подвиг дочерей священника Софийской церкви в Средних Садовниках Марка Семенова Тинковского Екатерины и Елены, бросившихся в реку, чтобы избежать позора, подвиг портного Василия, который вез своего отца на те-

лежке от Москвы до Александрова, подвиг священника Петра Симеонова (Семенова), спасшего трех купцов своим заступничеством от расстрела [16]. Эти примеры отечественных добродетелей, хотя и сравнивались с классическими подвигами римской мифологии, одновременно являются христианскими по существу и имеют близкие аналогии в житийной литературе.

Результатом Отечественной войны 1812 г. и разрушения главного города России стало нравственное и политическое искупление, о котором писал А.И. Тургенев [17]. Историк И.М. Снегирев отмечал, что «испытанные бедствия и опасности пробудили во многих угасшую веру, поселили благочестие в душах, раскрыли сердца к состраданию и милосердию к бедным; стали наблюдать посты и те, которые дотоле не наблюдали их, посещать храмы Божии чаще и усерднее прежнего» [18].

Таким образом, образ Москвы у И.М. Снегирева складывался на основании идей жертвенности и православного миропонимания. Естественно, фактическая сторона образа Москвы соответствовала этой идее. Этот образ не претерпел существенных изменений на протяжении полустолетия. В отличие от исторических работ, воспоминания И.М. Снегирева, написанные в 1860-х гг., нельзя рассматривать как результат художественно-исторического творчества. В них образ Москвы 1812 г. не содержит какого-либо осмысления или идей. Автор перечислил лишь те события, свидетелем которых он являлся. Если сравнивать описание 1812 г. в воспоминаниях и исторических работах, то складывается впечатление, что в последних автор сознательно обходил молчанием некоторые факты, хорошо известные ему, например, о ненависти крестьян к бежавшим из Москвы, о распространении пьянства среди московских жителей в первые дни после отступления русской армии, об участии крестьян и дворовых людей в мародерстве и грабежах московских домов со времени вступления французов в Москву до начала ноября, об обещании Наполеона дать свободу крепостным [19]. Примечательно, что эти же факты он скрыл и в первой публикации записок протоиерея Петра Симеонова 1826 г., опубликовав их полностью только в 1862 г. [20]. Таким образом, И.М. Снегирев, не выходя за рамки историографической традиции и не разрушая образа Москвы 1812 г., в то же время ведет себя совершенно иначе в отношении публикации и сочинения мемуаров [21].

Скорее всего, И.М. Снегирев стремился вытеснить негативные (прежде всего, с точки зрения религиозного человека) индивидуальные воспоминания о пережитом в 1812 г. под влиянием коллективного образа Отечественной войны 1812 г. Тем более что его исторические работы часто инициировались годовщинами, когда этот образ и был востребован в обществе [22]. Однако с изменением общественного сознания в 60-е гг. XIX в.

И.М. Снегирев постепенно освобождается от коллективного образа уходящего поколения, который, оказывая влияние на оценку и интерпретацию событий Отечественной войны 1812 г., в значительно меньшей степени влиял на их описание (особенно тогда, когда мемуарист был непосредственным участником этих событий). Возможно, индивидуальные воспоминания И.М. Снегирева в данный период вступают в конфликт с коллективной памятью. Это выражается, прежде всего, в том, что его воспоминания и публикация мемуаров начинают противоречить образу Москвы 1812 г., который сформировался под влиянием исследований, в том числе и самого И.М. Снегирева. По всей видимости, жанр мемуаров в данном случае позволил ему зафиксировать то, о чем он умалчивал долгие годы.

Подвигли его к этому и повышение общественного интереса к Отечественной войне 1812 г., и общественно-политические изменения в России 1860-х гг., и истечение пятидесяти лет после Отечественной войны, и более спокойное отношение И.М. Снегирева к таким темам, к которым относились цензурные ограничения [23], и уговоры М.П. Погодина написать мемуары, и возраст, болезни, одиночество, нужда, семейные неурядицы, которые стали особенно болезненно восприниматься после увольнения И.М. Снегирева от должности цензора 15 марта 1855 г.

Итак, образ Москвы в работах И.М. Снегирева — это образ искупительной жертвы за Россию и Европу. При создании исторических сочинений автор отбирал те факты, которые соответствовали этому образу и воспитательным задачам работ (религиозным, нравственным и гражданско-патриотическим). Такой подход, не являясь историческим в современном понимании, имел важное воспитательное и религиозное значение и представляет интерес для понимания общественного сознания первой половины XIX в., в котором религиозные идеи продолжали играть важную роль. Вместе с тем собственные мемуары И.М. Снегирева и его вторая публикация мемуаров протоиерея Петра Семионова противоречат этой историографической традиции, что можно рассматривать как результат изменений взаимоотношения индивидуальной и коллективной памяти на протяжении полувека после Отечественной войны 1812 г.

Литература и источники

1. Снегирев И.М. Памятники московской древности... М., 1842–1845. С. III; Москва: Подробное историческое и археологическое описание города / Текст сост. И.М. Снегиревым при сотрудничестве издателя А.А. Маргынова. М., 1865. Т. 1. С. LXVI–LXXVIII. Второе издание — самое полное по описанию Москвы в период пребывания французов.

2. Воспоминания И.М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 5. Стлб. 540–554; То же // Старина русской земли: Историко-археологическое исследование, биогра-

фии, учено-литературная переписка, заметки и дневник воспоминаний И.М. Снегирева. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 137–150; То же // Русский Архив. 1905. № 5. С. 19–39; То же // Снегирев И.М. Дневник. М., 1905. Т. 2. С. 262–271.

3. Снегирев И.М. Пятидесятилетие 1812 года // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 3. Кн. 10. С. 201.

4. Сокольский М. Самосожжение // Родина. 1992. № 6–7. С. 100.

5. Например, см.: Высочайшая Грамота древней столице Москве, пожалованная 30-го августа 1816 г. // Исторический, статистический и географический журнал. 1816. Ч. 3. Кн. 3. С. 247; Из памятных записок графа П.Х. Граббе. М., 1873. С. 91–92; Русские и Наполеон Бонапарте или рассмотрение поведения нынешнего обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнания его из древней российской столицы / Писано Московским жителем 1813 г. М., 1813. С. VI; Жаринов Д.А. Впечатления от пожара и мнения современников // Отечественная война и русской обществу. М., 1912. Т. IV. С. 159–160; Ильин-Томич А. Кто придумал русского Сцевола?: К истории патриотического мифа // Родина. 1992. Кн. 6–7. С. 127; Троцкий Н.А. 1812: великий год России. М., 1988. С. 191–192.

6. Снегирев И.М. Речь, о том, что истинное просвещение основывается на благочестии и любви к Отечеству. [М., 1827.]

7. Примечательно, что ополченцев, по словам С.Н. Глинки, также называли «жертвенниками», т.е. пожертвовавшими собой. Подробнее об этом см.: Записки о 1812 году С. Глинки, первого ратника Московского Ополчения. СПб., 1836. С. 44.

8. Снегирев И.М. Падение и восстание Москвы в 1812 году: (Отрывок из воспоминаний о жизни Московского архиепископа Августина) // Прибавления к Московским губернским ведомостям. 1841. № 19. С. 246. Ср.: Ин. 19, 30.

9. Заступничество святых, по мнению И.М. Снегирева, не прекратилось, несмотря даже на поругание храмов, ибо, когда Москву покинули пастыри, митрополит Платон и архиепископ Августин, с нею не расстались московские святители и засвидетельствовали свое пребывание чудесами. См.: Снегирев И.М. Пятидесятилетие 1812 года... С. 209.

10. Снегирев И.М. Жизнь московского митрополита Платона. М., 1856. Ч. 2. С. 53.

11. Снегирев И.М. Падение и восстание Москвы в 1812 году // Прибавления к Московским губернским ведомостям. 1841. № 19. С. 246.

12. Снегирев И.М. Пятидесятилетие 1812 года... С. 208. В современной литературе Наполеон и его армия прямо ассоциировались с нечистой силой. Подробнее об этом см.: Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 годов в сознании современников // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 224–228.

13. Снегирев И.М. Пятидесятилетие 1812 года... С. 212. Ср.: Снегирев И.М. Падение и восстание Москвы в 1812 году // Прибавления к Московским губернским ведомостям. 1841. Т. 20. С. 267. Характер этих связей не был раскрыт в работах И.М. Снегирева.

14. Снегирев И.М. Падение и восстание Москвы в 1812 году // Прибавления к Московским губернским ведомостям. 1841. Кн. 19. С. 242.

15. Снегирев И.М. Ратные подвиги русского духовенства // Ведомости Московской городской полиции. 1854. № 59. С. 501. Выбор сословий обусловлен,

с одной стороны, духовным происхождением Снегиревых и дружественными отношениями их с московскими митрополитами и многими священнослужителями, с другой — всеобщим вниманием к подвигу простых людей. Об этом, например, см.: О подвигах крестьян в борьбе с захватчиками // Московские ведомости. 1813. № 22. С. 613–614; № 23. С. 648–649; № 24. С. 681–682; № 25. С. 719–720.

16. Снегирев И.М. Примеры отечественных добродетелей в 1812 году // Исторический, статистический и географический журнал. 1827. Ч. 3. Кн. 1. С. 78–83; Он же. Пятидесятилетие 1812 года... С. 209–210. В последней статье священник Петр Гаврилов Вельяминов назван Петром Святославовичем.

17. Цит. по: Ильин-Томич А. Кто придумал русского Сцеволу?: К истории патриотического мифа // Родина. 1992. № 6–7. С. 126.

18. Снегирев И.М. Пятидесятилетие 1812 года... С. 218.

19. Воспоминания И.М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 5. Стлб. 542–554.

20. Из записок [протоиерея Петра Симеонова], веденных в Москве 1812 года // Исторический, статический и географический журнал. 1826. Ч. 2. № 2. С. 101–107; Отрывки из жизни московского живописца, протоиерея Петра Семенова / Сообщено И.М. Снегиревым // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1862. Кн. 3. С. 206–211. Эти два текста близки друг другу, но освещают события с разной полнотой и, скорее всего, не соответствуют подлиннику.

21. К вопросу о проблеме взаимоотношения мемуаристики и историографии в XIX в. вплотную подошел в своей последней работе А.Г. Тартаковский «Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века» (М., 1997).

22. Ср.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 150–258.

24. Об обещании Наполеона освобождения крестьян из крепостной зависимости впервые упомянул П.И. Шаликов в кн.: Исторические известия о пребывании французов в Москве. М., 1813. Но практически до 1860-х гг. об этом не писали, хотя намекали. Например, см.: О подвигах крестьян в борьбе с захватчиками // Московские ведомости. 1813. № 25. С. 720.

С.Ю. Шокарев*

**МОСКОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ
УЧАСТНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
(по спискам М.Ю. Барановской)**

Представляется довольно странным, однако, ни в обширной литературе, посвященной истории Отечественной войны 1812 г. и ее мемориальному наследию, ни в библиографии работ по московскому некрополю нет специальных работ, посвященных московскому некрополю героев войны. Ряд указаний о героях Отечественной войны 1812 г., похороненных в Москве, можно найти на страницах «Московского некрополя» В.И. Саитова и Б.Л. Модзалевского [1], «Очерков по истории московских кладбищ» А.Т. Саладина [2], специальных работ по московскому некрополю декабристов [3], книг М.Д. Артамонова о московском некрополе [4]. Вместе с тем специальных исследований на эту тему не существует. Тем большее значение имеет список героев Отечественной войны 1812 г., похороненных в Москве, составленный в конце 1940-х гг. сотрудником Государственного Исторического музея М.Ю. Барановской.

Мария Юрьевна Барановская (1902–1977) – историк, краевед, некрополист, музейный деятель – в 1920–1960-е гг. внесла огромный вклад в дело охраны и описания мемориальных памятников Москвы.

С 1930-х гг. тема московского некрополя стала одной из важнейших в ее творчестве. Мария Юрьевна публикует работы, посвященные истории некрополя и отдельных захоронений [5], составляет описание некрополя Донского монастыря [6]. После войны Мария Юрьевна стала одним из организаторов коллективного труда «Московский некрополь», готовившегося в Институте истории АН СССР под редакцией академика Б.Д. Грекова, но не завершено и не увидевшего свет. Как и труды ее мужа – великого реставратора П.Д. Барановского – в 1930-е гг. многие работы М.Ю. Барановской связаны с практической деятельностью по охране памятников и мемориальных объектов. В 1930-е гг. она принимает активное участие в перезахоронениях могил выдающихся деятелей российской истории и культуры с уничтожавшихся кладбищ.

Не могу не вспомнить в связи с этой стороной деятельности М.Ю. Барановской рассказ Льва Андреевича Ястржембского (1921–2000) —

* **Шокарев Сергей Юрьевич** (Москва) — доцент кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Подмосковный летописец».

москвовед, директора Музея истории города Москвы, соратника и ученика М.Ю. Барановской в деле охраны памятников, занимавшего в 1949–1953 гг. только что учрежденную должность старшего инспектора по охране памятников при Моссовете. Л.А. Ястржембский рассказывал: «Когда переносили прах Гоголя [7], то Мария Юрьевна рыдала. Тогда в толпе кто-то сказал: “А вдова-то как убивается!”». Жизненность этой трогательной и драматической подробности подчеркивается тем, что в 1930-е гг., наряду с перезахоронениями останков видных деятелей, сумели спасти прах своих родных также и немногие родственники погребенных на кладбищах, предназначенных к сносу.

История XIX века занимает особое место в научном творчестве М.Ю. Барановской. И.Л. Андронников говорил, что Мария Юрьевна знает XIX век «в лицо». В связи с подготовкой пушкинской юбилейной выставки 1937 г. она начала работу над темой о героях Бородинского сражения и Отечественной войны 1812 г. Знакомство с И.С. Зильберштейном положило начало изучению ею портретов декабристов. Декабристской теме посвящены обстоятельные работы М.Ю. Барановской 1950–1970-х гг. [8].

В конце 1940–1950-х гг. М.Ю. Барановская вместе с Л.А. Ястржембским и В.В. Сорокиным активно работали над паспортизацией мемориальных зданий и могил, готовили документы для постановки на охрану памятников истории и культуры Москвы [9]. В связи с этой работой ею были подготовлены подробные списки мемориальных зданий и захоронений выдающихся деятелей, погребенных на московских кладбищах. Это объемистая рукопись (машинопись), более 1 000 страниц, состоящая из подплетенных друг к другу различных списков, которая хранится в Музее истории города Москвы. Она не имеет инвентарного номера и не учтена в составе документального фонда музея. Почти половину от общего объема рукописи составляют списки мемориальных зданий («здания, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 года», «здания и места, связанные с революцией 1905 года», «дома, связанные с деятелями науки и общественными деятелями», «здания, фабрики и заводы Москвы, в которых в разное время выступал с речами или присутствовал В.И. Ленин, 1893–1924 годы» и т.д.). Аналогичным образом выстроена очередность списков мемориальных захоронений – первым идет список захоронений некрополя на Красной площади, затем, – «могилы героев Советского Союза», «могилы партийных и революционных деятелей на московских кладбищах», «могилы участников Гражданской войны», «могилы декабристов», «могилы участников Отечественной войны 1812 года на московских кладбищах», «могилы участников Семилетней и Турецкой войн», «могилы деятелей науки XVIII–XIX–XX столетий на московских кладбищах» и т.д.

Особую ценность этим спискам придают два обстоятельства. Во-первых, даже по сравнению с относительно благополучным для московского некрополя периодом 1940–1950-х гг. на настоящее время многие могилы и памятники утрачены. Во-вторых, списки М.Ю. Барановской содержат описания состояния могилы и памятника, порою уникальные. Так, при описании могилы И.Д. Якушкина указано: «Холм (завещал не ставить на своей могиле памятника). Железная решетка. Сохранность плохая». Там же, карандашом, почерком Л.А. Ястржембского приписано: «Установлен памятник – черного гранита колонна, увенчанная урной в 1951 году».

Ниже публикуется список героев Отечественной войны 1812 г., составленный М.Ю. Барановской. Автор позволили себе отказаться от комментариев к списку, полагая, что подобный комментарий, равно как и изучение самой темы – московский некрополь героев Отечественной войны 1812 г. – дело будущих серьезных исследований.

Литература и источники

1. Саитов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. СПб., 1907–1908. Т. I–III.
2. Саладин А.Т. Очерки истории московских кладбищ / Вступ. ст. С.О. Шмидт, комм. С.Ю. Шокарев. М., 1997.
3. Чулков Н.П. Список декабристов погребенных в Москве // Листок краеведа Московской губернии. М., 1925. № 3. Декабрь. С. 30–31; Ястржембский Л.А. Декабристы в Москве. М., 1963. С. 265–278; Жегулевцева А.П. Московский некрополь декабристов // Московский некрополь: История, археология, искусство, охрана. М., 1991. С. 131–144.
4. Артамонов М.Д. Ваганьково. М., 1991; Он же. Введенские горы. М., 1993; Он же. Московский некрополь. М., 1995.
5. Барановская М.Ю. Судьба могилы Веневитинова // Веневитинов Д.В. Полное собрание сочинений. М.; Л. 1934. С. 422–423.
6. В двух томах — рукопись не опубликована.
7. В июне 1931 г.
8. Барановская М.Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954; Она же. Деятельность В.И. Штейнгеля в Москве после Отечественной войны 1812 г. // Декабристы в Москве... С. 243–247; Она же. Портреты декабристов: Альбом. М., 1973; Декабристы в Москве после ссылки // Вопросы и ответы. 1975. № 2 (соавт).
9. Иванова Л.В., Ястржембский Л.А. Барановская Мария Юрьевна. 3 марта 1902 — 7 июня 1977 // Историки и краеведы Москвы: Некрополь: Биобиблиографический справочник. М., 1997. С. 17–18.

Могилы участников Отечественной войны 1812 года на московских кладбищах

№ п/п	Наименование памятника	Краткое описание памятника, дата, сохранность	На чьей территории, или в чьем пользовании находится памятник	Адрес
1	2	3	4	5
1.	АЗБУКИН Василий Андреевич (†1832), родственник В.А. Жуковского, участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, был отличен М.И. Кутузовым.	Рустированная колонна черного полированного гранита, ушедшая в землю. Железная решетка.	Пятницкое кладбище.	
2.	АПРАКСИН Степан Степанович (1757–1827), служил вместе с А.В. Суворовым, один из организаторов Московского ополчения 1812 г. и основатель Московского общества сельского хозяйства.	Памятник разбит.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	
3.	АРСЕНЬЕВ Александр Александрович (1756–1844), участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, после окончания войны принял деятельное участие в восстановлении Москвы.	Колонна черного гранита. Сохранность плохая.	Ваганьково.	
4.	АСЛАНБЕГОВ Богдан Абрамович (1774–1844), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г.	Колонна черного полированного гранита, пересеченная рустом. Урна похищена.	Пятницкое кладбище.	Плита.*

*Вписано карандашом рукой Л.А. Ястржембского.

1	2	3	4	5
5.	БАШИЛОВ Александр Александрович, участник Отечественной войны 1812 г. (совершил ряд подвигов), после окончания войны принял участие в восстановлении Москвы.	Постамент черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Ваганьково.	
6.	БАЗИЛЕВИЧ Александр Иванович (1788–1843), участник Отечественной войны 1812 г. и герой Бородинского сражения, служил на Кавказе при А. П. Ермолове.	Массивная колонна черного гранита, сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
7.	БАРДАКОВ Петр Григорьевич (1757–1821), сподвижник А. В. Суворова, участник Отечественной войны 1812 г., начальник Костромского ополчения.	Памятник похищен.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	Музей, бывший Новодевичий монастырь.
8.	БЕГИЧЕВ Дмитрий Никитич (1786–1855), друг А. С. Грибоедова, участник заграничных походов 1813–1814 гг. (отличия), писатель (романы бытового характера).	Памятник похищен.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	
9.	БЕЛЯЕВ Савва Иванович (1789–1857), служащий (поручик) нижнего земского суда в Малоярославце, гражданский герой Отечественной войны в 1812 г.	Восьмигранная черного полированного гранита колонна с крестом белого мрамора. Сохранность хорошая.	Ваганьково.	
10.	БЕХТЕРЕВ Александр Алексеевич (1795–1849), участник Отечественной войны 1812 г., автор работ по военным вопросам.	Восьмигранная черного полированного гранита колонна с крестом белого мрамора. Сохранность средняя.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	Музей Архитектуры и Кремагорий.

1	2	3	4	5
11.	БОВЕ Иосиф Иванович (1786–1834), участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, архитектор, в 1813 г. был отозван с фронта для восстановления Москвы.	Стелла черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
12.	БОЛТИН Петр Александрович (1756–1820), участник Отечественной войны 1812 г., поручик 4-го пехотного полка Нижегородского ополчения.	Памятник не существует.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	
13.	БУХМЕЙСТЕР Федор Астафьевич (1764–1841), генерал-майор артиллерии, участник Отечественной войны 1812 г.	Колонна серого полированного гранита. Сохранность средняя.	Введенские горы.	
14.	ВЕНЕВИТИНОВ Владимир Петрович (1777–1814), отец поэта Д.В. Веневитинова, участник Отечественной войны 1812 г.	Саркофаг серого песчаника.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
15.	БАШИЛОВ Александр Александрович, участник Отечественной войны 1812 г. (совершил ряд подвигов), после окончания войны принял участие в восстановлении Москвы.	Урна черного полированного гранита. Железная решетка. Сохранность хорошая.		
15.	ВОЕЙКОВ Александр Васильевич, полковник, участник Отечественной войны 1812 г., был ранен, отлучен.	Урна черного полированного гранита. Железная решетка. Сохранность хорошая.		
16.	ВОЛКОНСКИЙ Сергей Александрович (1786–1838), капитан 6-го пехотного полка Московского ополчения, участник Бородинского сражения, в 1814 г. комендант г. Реймса.	Памятник похищен.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	

1	2	3	4	5
17.	ГАГАРИН Федор Федорович (1786–1868), полковник, участник Отечественной войны 1812 г., адъютант П.И. Баграциона, участвовал во многих сражениях за отличие, в которых получил ряд боевых наград.	Памятник не существует. Холм.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	
18.	ГОЛИЦЫН Яков Александрович (ум. 1821), бригадир, участник Отечественной войны 1812 г., ряд военных отличий.	Чугунный обелиск. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
19.	ГУСАКОВСКИЙ Сильвестр Ильич (1784–1857), участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения.	Колонна черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Введенские горы.	
20.	ДАВЫДОВ Денис Васильевич (1784–1839), генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г., знаменитый партизан, поэт и писатель	Массивный постамент черного полированного гранита. Железная решетка. Сохранность хорошая. Установлен бронзовый бюст. Скульптор Е. Рудаков. **.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	Музей, бывший Новодевичий монастырь.
21.	ДАВЫДОВ Дмитрий Сергеевич (1778–1820), секунд-майор, участник Отечественной войны 1812 г.	Стела розового гранита. Сохранность средняя.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
22.	ДАВЫДОВ Лев Васильевич (1792–1848), генерал-майор, брат Дениса Давыдова, участник Бородинского сражения и партизан в отряде своего брата.	Памятник похищен.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	

** Два последних предложения вписаны авторучкой Л. А. Ястржембского.

1	2	3	4	5
23.	ДАВЫДОВ Петр Львович (1782–1842), брат декабриста В.Л. Давыдова, участник Отечественной войны 1812 г.	Массивная плита черного полированного гранита. Железная решетка.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	Музей Архитектуры и Крепостей.
24.	ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ Александр Иванович*** (1788–1836), участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения. Огличия.	Колонна красного гранита, пересеченная рустом. Сохранность хорошая	Старое кладбище бывшего Донского монастыря	Музей Архитектуры.
25.	ДОЛГОРУКИЙ Алексей Николаевич (1750–1816), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения.	Колонна розового полированного гранита, пересеченная рустом. Сохранность средняя.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
26.	ДУНИН Иван Васильевич (убит 1812) накануне Бородинского сражения.	Постамент красного полированного гранита со скульптурой белого мрамора. Сохранность средняя.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
27.	ЕВРЕИНОВ Николай Федорович (1857), участник Отечественной войны 1812 г., автор «Воспоминаний об Отечественной войне 1812 г.».	Постамент черного гранита. Сохранность плохая.	Ваганьково.	
28.	ЕСИПОВ Александр Павлович (1796–1870), участник Отечественной войны 1812 г., героически действовал в Бородинском, Тарутинском и Малоярославском сражениях, Альтюгант М.И. Платова.	Памятник черного полированного гранита. Сохранность плохая.	Ваганьково.	

***Так в рукописи, правильно – Александр Матвеевич.

1	2	3	4	5
29.	ЗАГОСКИН Михаил Николаевич (1789–1852), участник Отечественной войны 1812 г.	Плита серого мрамора. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Ново-девичьего монастыря.	
30.	ИВАНОВ 3-й Степан Емельянович (†1840), генерал-майор. Герой Отечественной войны 1812 г.	Колонна серого гранита. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Пятницкое кладбище.	
31.	ИЛОВАЙСКИЙ Василий Дмитриевич (1788–1860), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г.	Обелиск черного гранита со скульптурой белого мрамора. Скульптура частично разбита.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
32.	КАБЛУКОВ Владимир Иванович (1781–1848), генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения.	Стела черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
33.	КАЛАНТАЕВ Степан Кузьмич (1761–1832), отставной майор, участник Отечественной войны 1812 г. (Московское ополчение).	Гробница серого камня. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
34.	КАЛАЙДОВИЧ Константин Федорович (1792–1832), историк, участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения (Московское ополчение).	Пирамида черного полированного гранита. Сохранность средняя	Ваганьково	
35.	КАЛАЧЕВ Василий Андреевич (1785–1843), отец академика Н. В. Калачева, участник Отечественной войны 1812 г.	Колонна черного полированного гранита, пересеченная рустом. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря	

1	2	3	4	5
36.	КИЗМЕР Иван Иванович (1786–1865), участник Отечественной войны 1812 г., первый комендант Севастополя (1854–1855 гг.).	Кирпичный мавзолей. Сохранность хорошая.	Введенские горы.	
37.	КИСЕЛЕВ Павел Дмитриевич (1788–1872), герой Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, государственный деятель.	Памятник белого мрамора. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
38.	КРАСНОВ Иван Кузьмич (1758–1812), убит французами в начале Бородинского сражения.	Постамент темного гранита. Сохранность средняя.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
39.	ЛАЖЕЧНИКОВ Иван Иванович (1794–1869), писатель, участник Отечественной войны 1812 г.	Стелла черного полированного гранита. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	
40.	ЛЬВОВ Дмитрий Михайлович (1793–1842), участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, отличия, после окончания войны восстанавливал памятники Московского Кремля.	Постамент черного полированного гранита, увенчан бронзовым бюстом. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
41.	ЛЬВОВ Михаил Лаврентьевич (1757–1825), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., командир 3-го пешего полка Калужского ополчения.	Массивная стелла желтого гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря	

1	2	3	4	5
42.	МАКАРОВ Петр Иванович (1791–1847), майор, участник Отечественной войны 1812 г., партизан, героически действовал в партизанских отрядах Дениса Давыдова.	Колонна зеленого полированного гранита, пересеченная рустом. Урна отсутствует. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
43.	МОРКОВ Ираклий Иванович (1753–1828), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, начальник Московского ополчения.	Плита черного гранита. Сохранность хорошая. Плита не сохранилась. Остался только массивный металлический крест.***	Ваганьково.	
44.	МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ Магвей Иванович (1793–1886), участник Отечественной войны и Бородинского сражения.	Стела белого мрамора. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	Музей, бывший Новодевичий монастырь
45.	НАРЫШКИН Григорий Иванович (1790–1835), полковник, участник Отечественной войны 1812 г.	Массивная колонна серого полированного гранита, пересеченная рустом. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
46.	НАРЫШКИН Кирилл Михайлович (†1857), брат декабриста М.М. Нарышкина, участник Отечественной войны 1812 г.	Массивная колонная черного полированного гранита, пересеченная рустом. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	

*** Два последних предложения вписаны карандашом рукой Л.А. Ястржембского.

1	2	3	4	5
47.	НИРОТМОРЦЕВ Андрей Петрович (1776–1827), гвардии подпоручик, участник Отечественной войны 1812 г., подпоручик 1-го пехотного полка Симбирского ополчения.	Рустированная колонна серого полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
48.	ОБОЛЕНСКИЙ Андрей Петрович (1769–1852), полковник Московского ополчения 1812 г., участник Бородинского сражения.	Массивная призма черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
49.	ОБОЛЯНИНОВ Михаил Михайлович (1790–1856) Поручик артиллерии. Участник Отечественной войны 1812 г.	Колонная пересеченная рустом черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
50.	ОРЛОВ Михаил Федорович (1788–1842), герой Отечественной войны 1812 г., заключил условия сдачи Парижа.	Массивная плита черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	Музей, бывший Новодевичий монастырь.
51.	ПАЛЕН Павел Петрович, генерал от кавалерии, герой Отечественной войны 1812 г.	Памятник мрамора темных тонов. Сохранность хорошая.	Введенские горы.	
52.	ПАНИН Александр Никитич (1791–1850), участник Отечественной войны 1812 г., отличился в Бородинском, Тарутинском и Малоярославском сражениях.	Массивная плита черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
53.	ПОЛИВАНОВ Иван Петрович (1773–1848), гражданский герой Отечественной войны 1812 г.	Призма серого полированного гранита. Сохранность плохая.	Ваганьково.	

1	2	3	4	5
54.	ПОЛИВАНОВ Николай Петрович (1771–1839 или 1840), участник штурма Измаила и Отечественной войны 1812 г., имел личную благодарность М.И. Кутузова	Колонна черного полированного гранита. Сохранность плохая.	Ваганьково.	Моссовет.
55.	Сарра Николаевна, монахиня († 1840), была более тридцати лет казначеей Новодевичьего монастыря, в 1812 г. во время оккупации Москвы французами спасла монастырь от взрыва, подготовленного отрядом маршала Даву.	Песчаниковая плита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	
56.	СПИРИДОВЫ Андрей Матвеевич (1789–1847) и Иван Матвеевич (1788–1819), внуки адмирала А.Г. Спиридова, братья декабриста М.М. Спиридова, участники Отечественной войны 1812 г. (Владимирское ополчение).	Массивная высокая пирамида розового полированного гранита. Призма розового полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
57.	СТААЛЬ Карл Густавович (1777–1853), генерал от кавалерии, служил под начальством А.В. Суворова, участник и герой Отечественной войны.	Высокий постамент с крестом белого мрамора. Портрет-барельеф. Железная ограда. Сохранность хорошая.	Введенские горы.	
58.	СТАВРОВСКИЙ Андрей Петрович (1784–1858), участник Отечественной войны и Крымской войны.	Постамент черного гранита. Сохранность плохая.	Даниловское кладбище.	
59.	СТОЛЫПИН Дмитрий Алексеевич (1787–1826), герой Бородинского сражения, брат бабки М.Ю. Лермонтова, командующий корпусом Южной армии, был близок декабристам.	Памятник похищен.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	Музей, бывший Новодевичий монастырь.

1	2	3	4	5
60.	СУШКОВ Николай Васильевич (1796–1871), участник Отечественной войны 1812 г.	Плита черного полированного гранита. Железная решетка. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	
61.	ТАЛЫЗИН Александр Иванович (1847), участник Отечественной войны 1812 г. и герой Бородинского сражения, ряд боевых отличий.	Колонна пересеченная рустом черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
62.	ТАЛЫЗИН Александр Степанович (1795–1858), крестник А.В. Суворова, участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, отличия.	Памятник похищен.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	
63.	ТАЛЫЗИН Федор Иванович (1773–1844), участник и герой Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения.	Стелла серого полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
64.	ТАПТЫКОВ Петр Николаевич (1779–1841), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., ряд отличий.	Усеченная пирамида серого тесанного гранита.	Пятникое кладбище.	
65.	ТЕРСКОЙ Александр Аркадьевич (1791–1856), поручик, участник Отечественной войны 1812 г.	Призма черного полированного гранита. Сохранность средняя.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
66.	ТИМИРЯЗЕВ Иван Семенович (1790–1867), дядя К.А. Тимирязева, генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г., героически действовал в Бородинском и других сражениях, ряд отличий.	Массивная гранитная плита. Сохранность средняя.	Ваганьково.	

1	2	3	4	5
67.	ТИМОФЕЕВ Василий Иванович (1783–1850), генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г. Героически сражался в день Бородинского сражения и совершил ряд подвигов.	Массивный памятник белого мрамора. Сохранность средняя.	Старое кладбище бывшего Ново-девичьего монастыря.	
68.	ТОЛБУЗИН Сергей Иванович (*1855), полковник, участник Отечественной войны 1812 г. Героически сражался в Бородинском сражении.	Обелиск белого камня. Сохранность средняя.	Ваганьково	
69.	ТОЛСТОЙ Александр Васильевич (1770–1823), участник Отечественной войны 1812 г.	Стилизованная урна черного полированного гранита. Железная решетка. Сохранность средняя.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
70.	ТОЛСТОЙ Петр Александрович (1771–1844), участник Отечественной войны 1812 г., отличия.	Памятник похищен.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
71.	ТОЛСТОЙ Федор Иванович (1782–1846), «Американец» – представитель «грибоедовской Москвы», приятель А.С. Пушкина, герой Бородинского сражения (Московское ополчение).	Высокий обелиск серого гранита. Сохранность хорошая.	Ваганьково.	
72.	ТУЦКОВ Сергей Александрович, герой Отечественной войны 1812 г.	Памятник похищен.	Старое кладбище бывшего Ново-девичьего монастыря.	

1	2	3	4	5
73.	ТРУБЕЦКОЙ Сергей Петрович (1790–1860), участник Отечественной войны и Бородинского сражения.	Массивный тимпан черного полированного гранита, увенчан крестом. Железная решетка.	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	Музей, бывший Новодевичий монастырь.
74.	ТУТОЛМИН Иван Акинфиевич (1752–1815), гражданский герой Отечественной войны 1812 г.	Массивный, высокий саркофаг серого мрамора. Сохранность средняя.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
75.	УШАКОВ Алексей Александрович (1776–1849), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г.	Стела черного гранита. Сохранность средняя	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
76.	ФАМИНИЦЫН Петр Егорович (1773–1832), участник Отечественной войны 1812 г. (Московское ополчение).	Пирамида черного гранита. Сохранность средняя	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
77.	ХОТЯИЦЕВ Александр Алексеевич (1791–1868), участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения.	Плита черного гранита. Сохранность плохая.	Ваганьково.	
78.	ХРУЦОВ Иван Алексеевич (1774–1824), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г.	Массивная стилизованная урна черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
79.	ЧЕРКЕСОВ Николай Петрович (1793–1873), генерал от кавалерии, участник Отечественной войны и Бородинского сражения	Глыба черного полированного гранита. В верхней ее части выгравирован орден Георгия. Сохранность хорошая	Ваганьково.	

1	2	3	4	5
80.	ШАХОВСКОЙ Александр Александрович (1777–1846), участник Отечественной войны 1812 г., писатель, драматург.	Доска белого мрамора. Железная решетка. (Доска разбита).*****	Старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.	
81.	ШИПОВ Сергей Павлович (1786–1876), участник Отечественной войны 1812 г., член Союза Благоденствия, но отошел от него.	Массивная гробница черного полированного гранита. Сохранность хорошая.	Старое кладбище бывшего Донского монастыря.	
82.	ЯКУШКИН Иван Дмитриевич (1795–1857), участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения, декабрист.	Холм (завещал не ставить на своей могиле памятника). Железная решетка. Сохранность плохая.	Пятницкое кладбище.	
83.	Братская могила солдат-участников Бородинского сражения.	Восьмигранный, в плане каменный обелиск увенчан граненой главкой с крестом, на высоком каменном пьедестале. Сохранность хорошая.	Дорогомиловское кладбище.	
84.	Памятник французам, убитым в 1812 г.	Обелиск серого гранита. Ограда из четырех пушечных стволов – с цепями. Сохранность хорошая.	Введенские горы.*****	

***** Последнее предложение вписано чернилами рукой М.Ю. Барановской, очевидно, позднее.

***** Ниже таблицы подпись: «Старший научный сотрудник Государственного Исторического музея М. Барановская (М. Барановская)».

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев*

КОМИ АССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ХРОНИКА СОБЫТИЙ (1944–1945 гг.)**

1944***

- Обнаружена газовая залежь на Роздинском газовом месторождении.
- Геолог С.А.Голубев открыл Усинское угольное месторождение.
- Построена первая очередь кирпичного завода в Инте, на котором впервые в СССР в качестве сырья стала использоваться шахтная порода; заложена новая интинская шахта (№ 5).
- Начала работу шахта № 1, заложена шахта № 2 на Кожымском угольном месторождении.
- Пущены первые 9 электровозов на шахтах комбината «Воркутуголь».
- Открыто гужевое движение по дороге Ижма–Ираэль.
- Организованы райпищекombинаты в Железнодорожном, Кожвинском и Усть-Вымском районах.
- В системе Коми респотребсоюза были созданы Айкинская и Печорская межрайбазы.
- Прекратил работу лесозащитный № 1 на Сыктывкарском лесозаводе.
- Начал работу УРС «Печорлеса».
- Открыт электроцех на ремонтно-механическом заводе в Инте, освоивший восстановительный и капитальный ремонт электромоторов и двигателей.
- Закрыт из-за нерентабельности Чутинский нефтепромысел, Нижнечутинское месторождение списали и перестали учитывать.
- Введена в эксплуатацию ГЭС на реке Белой в деревне Республика (современное село Приуральское).

***Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) — доктор исторических наук, академик Академии военно-исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. **Таскаев Михаил Владимирович** (Сыктывкар) — кандидат исторических наук, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация осуществлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

*** Хронику за 1939–1943 гг. см. в Трудах Коми отделения АВИН, вып. 5, 7, 8.

– В поселке при руднике Кожим введены в действие локомотивная электростанция и паросиловое хозяйство Инталага.

– На станции Кожва взамен временных и передвижных источников электроэнергии ввели в эксплуатацию новую локомотивную электростанцию, работающую на угле, с генератором мощностью 30 кВт.

– ГКО принял постановление об установлении тарифных ставок и должностных окладов для работников «Воркутугля» с коэффициентом 1,5, для работников «Интастроа» — 1,3 по сравнению с действующими ставками зарплаты в Подмосковном бассейне.

– Введена новая десятикиловаттная радиовещательная станция в Сыктывкаре, что позволило расширить радиопередачи на всю территорию Коми АССР.

– В Коми АССР В.А. Толмачевым начаты гидрохимические исследования (проводились до 1946 г. включительно).

– В составе Коми базы АН СССР образован сектор геологии.

– Начала работу Северная экспедиция АН СССР, изучавшая природные ресурсы Европейского Северо-Востока СССР. Исследования продолжались до **1950 г.**

– Коми ученый А.С. Сидоров впервые записал на Ижме севернокоми «трудовые песни».

– В Выльгортском опытно-экспериментальном пункте Коми базы АН СССР построили мастерскую, кузницу, 20 парников, заготовили семенной материал для исследований.

– Открылось дошкольное педучилище в Сыктывкаре.

– В Ухте открыт Северо-Печорский (с **1961 г.** — Ухтинский) техникум железнодорожного транспорта.

– В Коми республиканский художественный музей по решению Управления по делам искусства при Совнарком РСФСР переданы полотна художников И.М. Прянишникова, В.Е. Маковского, А.П. Рябушкина, С.В. Иванова.

– Архитектор Мосгипрогора Н.В. Баранов составил новый план застройки города Сыктывкара.

Начало 1944

– «Воркутстрой» преобразован в комбинат «Воркутуголь». Для строительства шахт создано управление шахтного строительства (Шахтострой).

1 января

– Принята на баланс основной деятельности интинская шахта № 4.

– Ликвидирована шахта № 2 на Еджыд-Кыртинском руднике.

5 января

– В Коми драматическом театре впервые для молодежи поставлена пьеса Н. Дьяконова и С. Ермолина «Мужество».

7 января

– Принята в постоянную эксплуатацию (после консервации из-за дефицита электроэнергии) интинская шахта № 1.

10 января

– Подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза С.А. Сердитову, А.И. Черкасову, А.В. Прыгунову.

15 января

– Подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза В.И. Лобанову, П.С. Сафронову, А.А. Демидову.

24 января

– Сержант С.М. Черепанов, призванный в армию из пос. Новый Бор, в бою за д. Поддубье Новгородской области первым в роте поднялся в атаку, увлек за собой бойцов, уничтожил важную огневую точку врага, первым ворвался в деревню, был ранен, после гибели бойцов своего отделения один отбивал контратаки противника, а когда кончились патроны, последней гранатой подорвал себя и группу врагов, пытавшихся схватить его.

Февраль

– Сдан в эксплуатацию третий турбогенератор на Воркутинской ТЭЦ.

8 февраля

– Государственный Комитет Оборона принял постановление «О мероприятиях по развитию добычи угля в Печорском угольном бассейне в 1944 г.».

9 февраля

– Подписан приказ НКВД СССР о передаче с **15 февраля 1944 г.** рудника «Кожимуголь» на баланс управления «Интастрой».

10 февраля

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 39 лучших работников оленеводства награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

15 февраля

– Рудник Кожимуголь принят на баланс «Интастроля».

17 февраля

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 24 рабочих и служащих, особо отличившихся при строительстве водопровода в Сыктывкаре,

награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

19 февраля

– В Интастрое организован Сангородок (лагпункт для больных заключенных).

21 февраля

– Принят указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза И.П. Горчакову.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 10 молодых рабочих-стахановцев Сыктывкара награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

26 февраля

– Присыктывкарский колхоз имени Н.В. Оплеснина призвал собрать средства на строительство танковой колонны. Призыв был поддержан: в колхозе имени Кирова (Сыктывкар) собрали 100 тыс. рублей, в колхозе «Трактор» (Сизябский сельсовет) — 85 тыс. рублей, в колхозе «Комсомолец» (Ижемский район) — свыше 150 тыс. рублей и так далее.

Март

– Младший лейтенант Н.Ф. Гущин, призванный в армию из Серегово во время Уманско-Батошанской наступательной операции первым во главе стрелковой роты форсировал без потерь р. Буг, в бою за румынский г. Бершадь со своими бойцами зашел противнику в тыл и обратил его в бегство, в бою за д. Реча лично уничтожил 15 врагов. В боях против его роты противник потерял убитыми и пленными несколько сотен солдат и офицеров.

– Рабочий день заключенных Инталага уменьшен с 12 до 10 часов.

1–4 марта

– В Сыктывкаре состоялось республиканское совещание передовиков сельского хозяйства, отметившее, что перевыполнены план по хлебозаготовкам, планы обязательных поставок государству картофеля, мяса, молока, шерсти.

6 марта

– Колхоз имени Н.В. Оплеснина получил благодарность председателя ГКО, Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина за сбор средств на строительство танка имени Героя Советского Союза Н.В. Оплеснина.

– А.Е. Чупров из с. Кипиево отличился при переправе через р. Горный Текич, уничтожив боевое охранение противника. **11 марта** он обезвредил огневую позицию врага на подходах к Южному Бугу, взяв в плен унтер-офицера, **13 марта** в числе первых форсировал Южный Буг, захватил и удерживал плацдарм, **17–18 марта** добровольцем вызвался в штурмовую

группу, первой переправлявшуюся через Днестр, в боях уничтожил дзот, расчет противотанковой пушки, взял в плен 7 солдат и 2 унтер-офицеров.

9 марта

– Подписан приказ Наркома внутренних дел СССР о преобразовании управления «Воркутстрой» в комбинат «Воркутуголь» НКВД СССР.

10–11 марта

– Сыктывкарец Н.Н. Габов обеспечил успешную подготовку к переправе через Днестр, выявив уничтоженные затем огневые средства и живую силу противника. **24 марта** он первым с группой разведчиков форсировал Днестр, в бою лично уничтожил 12 врагов и взял в плен четверых, **27 марта** уничтожил в бою 36, ранил 35 и взял в плен 6 солдат противника.

16 марта

– На территории Кожвинского района образован рабочий поселок Инта.
– Образованы рабочие поселки Ярега, Водный, Кажим.

23 марта

– Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза Н.Ф. Гущину.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР поселок Ижма (будущий Сосногорск) отнесен к категории рабочих поселков.

25 марта

– Первая в СССР нефтешахта № 1 на Яреге принята Государственной комиссией в промышленную эксплуатацию.

29 марта

– Из Сыктывдинского района отправлена телеграмма И.В. Сталину. В ней сообщалось, что трудящиеся района внесли из своих личных сбережений в фонд строительства танковых колонн 1 млн. 18 тыс. рублей. Построенная на эти деньги танковая колонна «Сыктывдинский колхозник» была передана в **марте 1945 г.** войскам 2-го Украинского фронта.

Апрель

– Начала издаваться многотиражная газета «Интинский горняк» — орган управления, политотдела и рудничного комитета профсоюза строительства.

1 апреля

– По постановлению Бюро Коми ОК ВКП(б) и СНК Коми АССР «Об обеспечении угольной промышленности крепежным лесом и Северо-Печорской железной дороги дровами...», на срок до 1 октября были мобилизованы 1140 жителей городов, поселков и сельской местности (мужчины от 16 до 55 лет, женщины от 18 до 45 лет) для заготовки, вывозки и разделки крепежного леса и дров; при выполнении месячной выработки разрешалось продавать работникам за наличный расчет 1 кусок мыла,

3 коробка спичек, пол-литра водки, 5 метров хлопчатобумажной ткани и, на выбор, 100 грамм табака или 500 грамм кондитерских изделий ежемесячно.

– Начала выходить газета «За Интинский уголь».

7 апреля

– В газете «За новый Север» опубликована телеграмма И.В. Сталина руководству комбината «Воркутуголь» с благодарностью за деньги, собранные на строительство танковой колонны «Шахтер Воркуты».

12–14 апреля

– Состоялась шестая сессия Верховного Совета Коми АССР первого созыва.

15 апреля

– Совнарком СССР принял постановление № 8153–р о преобразовании Северной базы АН СССР в Коми базу АН СССР с центром в Сыктывкаре.

28 апреля

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР центр Лопьинского сельсовета (Сыктывдинский район) перенесен из деревни Яг-ю в деревню Виль-Мет.

29 апреля

– Центральные ремонтно-механические мастерские Инты стали самостоятельным производственным предприятием.

Май

– В «Интастрое» разработано и введено «Положение о мастерах социалистического труда».

– Сгорела электростанция в Усть-Выми.

1 мая

– В Инте открыт центральный клуб.

3 мая

– В Интастрое создано отделение подготовки кадров. Утверждены штаты учебного комбината.

8 мая

– В Сыктывкаре организовано протезно-ортопедическое предприятие.

Лето 1944

– В соответствии с постановлением Государственного Комитета Оборона от **8 февраля 1944** организован Воркутинский горный техникум.

Июнь

– Немцы сбросили на территорию Коми-Пермяцкого округа десант из 7 коми-пермяков, подготовленных в диверсионной группе «Ульм». Один десантник погиб при приземлении, командир и радист были застрелены членами группы, некоторое время скрывавшимися затем в тайге.

Один человек умер от истощения. Двое были убиты своим товарищем, сдавшимся затем чекистам.

1 июня

– Шахтеры «Воркутстроя» и «Интастроя» объявили фронтовой месячник по добыче сверхпланового угля.

– Завершено строительство шахты №4 на руднике Еджыд-Кырта.

3 июня

– Президиум АН СССР и Совет филиалов и баз АН СССР на основании распоряжения Совнаркома СССР от 15.04.1944 г. приняли распоряжения об организации в Сыктывкаре Коми базы АН СССР с отделами геологии, биологии и сектором гидрологии-гидробиологии. Директором базы назначен академик В.Н.Образцов. Непосредственное руководство организацией и работой базы осуществлял зам. директора базы И.И.Оплеснин.

13 июня

– Мобилизованы на сельхозработы все неработающие члены семей и иждивенцы сотрудников Интастроя от 16 до 55 (мужчины) и 50 (женщины) лет.

25 июня – 25 июля

– Для интинских детей работал пионерский лагерь «Красный Яг».

28 июня

– В Воркуте состоялся митинг шахтеров в связи с отправкой 10 сверхплановых эшелонов угля в Ленинград. На приобретение и отгрузку этого угля воркутинцы внесли 555137 рублей.

Июль

– По решению коми колхозников и постановлением Коми обкома ВКП(б) колхозам Новгородской и Ленинградской областей отправлено 8000 голов крупного рогатого скота и 2000 свиней для восстановления животноводческих ферм.

– Совнарком Коми АССР учредил переходящее Красное знамя для лучшей шахты «Интастроя».

– Заложена шахта № 9 комбината «Интастрой».

1 июля

– Начала работать База Академии наук СССР в Коми АССР (создана на основании распоряжения Совнаркома СССР от 15 апреля 1944 г. и распоряжения по АН СССР от 3 июня 1944 г.).

15–17 июля

– Пленум Коми обкома ВКП(б) обсудил работу местной, пищевой и кооперативной промышленности и определил меры по дальнейшему их развитию. Количество мастерских и цехов в этих отраслях по сравнению с довоенным временем возросло вдвое, удельный вес продукции в това-

рообороте Коми АССР увеличился с 5,6 % в 1940 г. до 31 % в 1944 г. Для нужд армии предприятия выпустили продукцию на сумму свыше 10 млн. рублей.

25 июля

– Организована военизированная горноспасательная служба Интастроля.

27 июля

– На руднике Еджыд-Кырта введен в эксплуатацию энергопоезд мощностью 1000 кВт, доставленный на рудник речным транспортом.

28 июля

– Ленгорсовет учредил переходящее Красное знамя для вручения передовой шахте комбината «Воркутуголь».

30 июля

– Из Сыктывкара выехали эвакуированные преподаватели и студенты Карело-Финского университета.

Август

– Открылась городская больница в Ухте.

– По итогам работы за август 1944 г. коллективу Ухтинского комбината присуждено переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны.

– Пилот В.А. Вронский разыскал и спас заблудившуюся в Удорском районе группу геологов (6 человек).

3 августа

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР «за образцовую работу по изысканию трассы железнодорожной магистрали на участке Кожва–Воркута» 17 работников экспедиции «Лентранспроект» награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

9 августа

– 28-я Невельская стрелковая дивизия награждена орденом Красного знамени за освобождение латвийских городов Ливани и Крустпилса.

19–20 августа

– Сержант М.П. Бочариков, призванный в армию из Инты, в самом начале крупной Яско-Кишиневской операции участвовал в прорыве укрепленного района противника, уничтожил вражеский дот с его гарнизоном, во главе отделения ворвался в расположение противника и захватил важную высоту, которую, несмотря на ранение, удерживал в течение двух дней до подхода подкрепления, возглавив сильно поредевший батальон и отбивая атаки превосходящих сил противника.

25 августа

– лейтенант Г.Ф. Тимушев, уроженец с. Усть-Нем, во главе взвода с боем захватил железнодорожный и шоссейный мост через р. Серет, обес-

печил проход по этой важнейшей переправе танков и артиллерии и содействовал успеху стремительного наступления на Фокшаны в рамках Яско-Кишиневской операции.

– Бюро Коми обкома ВКП(б) обсудило работу базы АН СССР в Коми АССР и отметило необходимость более интенсивного изучения производительных сил республики, ее природных ресурсов, истории, языка и литературы коми народа.

10 сентября

– Пущен в эксплуатацию литейный цех Центральных ремонтно-механических мастерских в Инте.

13 сентября

– Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза Н.Н.Габову, А.Е. Чупрову.

– Бюро Коми обкома ВКП(б) одобрило инициативу машиниста жатки А. Сыскина (колхоз «Красный партизан» Сыктывдинского района), предложившего начать социалистическое соревнование за успешное завершение уборки урожая, и колхозниц М. Поповой, В. Поповой, К. Поточицкой (сельхозартель «Пахарь» Сыктывдинского района), положивших начало движению вязальщиц-тысячниц.

19 сентября

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 58 работников Ухтинского нефтекомбината награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

23 сентября

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 126 работников комбината «Воркутуголь» НКВД СССР награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

– Контора Госбанка доложила Коми обкому ВКП(б), что за 1941–1944 гг. в фонд обороны на танко- и самолетостроение поступило 58 млн. 650 тыс. рублей.

29 сентября

– Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло постановления «О шефстве города Ленинграда над Воркутой» и «О неотложных мерах помощи Воркуте».

1 октября

– В состав Коми базы АН СССР включен на правах отдела Коми научно-исследовательский институт (директор КНИИ, зав. отделом — А.И.Подорова).

– Интинский деревообрабатывающий комбинат стал самостоятельным предприятием.

2 октября

– Начались занятия в Воркутинском горном техникуме; из зачисленных 90 человек прибыли 60.

4 октября

– Старший лейтенант И.П. Горчаков, уроженец с. Пыелдино, оборонявший со своей зенитной батареей плацдарм на западном берегу р. Нарев (в Польше), после отступления пехотных частей удерживал оборону против превосходящих сил противника (танков и пехоты). После того как вышли из строя все орудия, И.П. Горчаков организовал борьбу с танками ручными и противотанковыми гранатами. Всего было уничтожено 7 тяжелых танков, рассеяно и частично уничтожено до батальона вражеской пехоты, плацдарм был удержан до подхода подкреплений.

– Крепильщик шахты № 2 В.И. Погорельский взял обязательство добыть и приобрести на личные сбережения 50 тонн угля, чтобы передать в подарок городу Ленинграду. Этот почин поддержали другие шахтеры Воркуты. 4 ноября газета «Заполярная кочегарка» сообщила, что обязательство выполнено.

5 октября

– Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза С.М. Черепанову.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 63 лучших сплавщика награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

11 октября

– Указами Президиума Верховного Совета Коми АССР организованы Лехтинский, Вездинский и Кожмудорский сельсоветы.

13 октября

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 37 лучших сплавщиков награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

14 октября

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР организован Матяшский сельсовет в составе Прилузского района с центром в населенном пункте Матяш.

15 октября

– Начались занятия в годичной партийной школе при обкоме ВКП(б). Выпуск 70 слушателей состоялся **6 октября 1945 г.**

18 октября

– Получена первая продукция Воркутинского механического завода.

21 октября

– Командир отдельной разведывательной авиаэскадрильи майор В.И. Дончук, призванный в армию из Воркуты, погиб при выполнении разведполета в районе г. Киркенес (в Норвегии). Только весной — осенью 1944 г. он совершил около 300 разведполетов над Норвегией, Ботническим заливом, Баренцевым морем и др., собирая ценные сведения о противнике. Ранее он совершил более 200 боевых вылетов на транспортных самолетах, сбрасывая десант и оружие, эвакуируя раненых партизан, 65 боевых вылетов на бомбардировщике.

25 октября

– Оргбюро ЦК ВКП(б) заслушало отчет секретаря Коми обкома ВКП(б) А.Г.Тараненко, доложившего, что с момента открытия сквозного движения поездов по участку Северо-Печорской магистрали, проходящей по Коми АССР, погружено и перевезено 320 тыс. вагонов с различным грузом, в том числе 150 тыс. вагонов угля, 12200 вагонов нефтепродуктов, 40 тыс. вагонов леса. Принято постановление «О работе Коми обкома партии», в котором говорилось о необходимости улучшения партийно-организационной и массово-политической работы. Пленум Коми обкома ВКП(б) обсудил это постановление **26–28 ноября 1944 г.** и принял его к исполнению.

2 ноября

– Подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза В.И. Дончуку.

4 ноября

– В Воркуту прибыла делегация из Ленинграда.

5 ноября

– Подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза А.А. Шевелеву.

6 ноября

– Сержант А.Г. Хатанзейский из с. Мохчи в группе саперов под огнем противника первым переправился через Дунай, разведал оборону противника и подходы для высадки десанта, первым за своим командиром кинулся в атаку и лично уничтожил 8 врагов, затем переправлял через Дунай десантников и оружие, руководил десантным катером, обеспечив плацдарм для наступления.

9 ноября

– Заложена интинская шахта № 5.

16 ноября

– По решению Президиума АН СССР Совет по производительным силам организовал рабочую группу ученых для координации работ по раз-

работке основ научно-технической политики развития угольно-металлургической базы Северо-Западного экономического района, обеспечению его топливно-энергетическими ресурсами. Важнейшая роль в этом принадлежала угольным месторождениям Коми АССР.

1 декабря

– В Сыктывкаре при горкоме ВКП(б) открыт вечерний университет марксизма-ленинизма с историческим и философским отделениями (действовал до 1958 г.).

– При райкомах партии и политотделах новостроек начали работу 23 заочные восьмимесячные партийные школы.

15–20 декабря

– Состоялась 2-я геологическая конференция Коми АССР. С докладом о нефтепроявлениях в правобережных структурах средней Печоры выступил профессор А.А. Чернов.

16 декабря

– Опубликовано сообщение о награждении орденами и медалями 210 работников Ухткомбината (И.И. Косолапкин, С.Н. Бурдаков, И.А. Липин и другие) за успешное выполнение заданий правительства по освоению Ухтинского района и добыче нефти и газа.

– В Инте шахтер Эйсмوند на проходке просек выполнил норму выработки на 1136%.

20 декабря

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 14 работников НКВД и НКГБ «за успешное выполнение заданий Правительства по обеспечению охраны общественного порядка и государственной безопасности в условиях Великой Отечественной войны» награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР» удостоены А.Я. Кремс, К.Г. Кригер-Войновский, А.П. Ротай, А.А. Чернов.

21 декабря

– Г.Е.Собянин из верхнепечорской д. Шайтановка первым бросился в атаку на штурм укрепленного опорного пункта Гаракас (в Латвии), увлек за собой бойцов, уничтожил два пулеметных расчета противника, первым ворвался на первую и на вторую линию вражеской обороны, вступив в рукопашную схватку с врагом. После гибели командиров возглавил оборону захваченного Гаракаса, отбивая контратаки противника. Погиб 23 декабря на третьи сутки боя.

23 декабря

– В Инте шахтер Шабрыкин выполнил норму выработки на 2153%.

25 декабря

– В Инте забойщик шахты № 4 Жарков выполнил норму выработки на 1535%.

27 декабря

– В Инте шахтер Скученков выполнил норму выработки на 1185%.

1945

– Шахта № 1 в Яреге достигла проектной мощности и стала самой крупной в мире.

– На воркутинских шахтах № 1 и 8 впервые в Печорском угольном бассейне были пущены в эксплуатацию сортировки угля, оборудованные грохотами.

– Организовано Койгородское стройуправление треста «Комилесжелдорстрой». Началось строительство первой в южных районах Коми АССР узкоколейной железной дороги, предназначенной для вывоза леса.

– Организован Усть-Усинский леспромхоз.

– Вступил в строй второй кирпичный завод в Воркуте.

– Основан производственный комбинат «Комиторга», выпускавший одежду, белье, головные уборы, обувь, вино и безалкогольные напитки.

– Организована Сыктывкарская машинно-тракторная мастерская Наркомзема Коми АССР в Больничном городке.

– Начато строительство кирпичного завода в Инте.

– В течение года 50 охотников в Коми АССР выполнили более трех сезонных норм сдачи государству пушнины и получили звание «Лучший охотник СССР»; десятки охотников награждены значками «Отличник охотничьего промысла».

– Открыт лагерный театр в Печоре.

– Коми национальный театр принял участие в смотре национальных театров РСФСР и получил вторую премию.

– По распоряжению Президиума Академии наук СССР в Коми базе АН СССР открылась аспирантура, что позволило улучшить подготовку научных кадров.

– В Воркуте в честь победы в Великой Отечественной войне построен первый в Заполярье бульвар.

– Стала действовать авиаметеорологическая станция в Сыктывкарском аэропорту.

– Открылась политшкола в деревне Муфтюга.

– На базе Сыктывкарской городской поликлиники организован республиканский врачебно-физкультурный центр (предшественник врачебно-физкультурного диспансера).

- Открылся детприемник в поселке Железнодорожный.
- В Сыктывкаре выполнена работа по планировке и посадке зеленых насаждений на Юбилейной (современной Стефановской) площади.

Январь

- В поселке Абезь прошел первый республиканский турнир по шахматам. Чемпионом Коми АССР стал Сахарнов.
- В Инте приступили к строительству 2-й очереди ТЭС.

1 января

- Совнарком Коми АССР объявил конкурс на лучшие произведения коми художественной литературы.

4 января

- В клубе сыктывкарского лесозавода начался городской кинофестиваль для молодежи.

7 января

- В окрестностях Сыктывкара проведена военная игра городских старшеклассников.

15 января

- Подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза А.Д.Данилову.

– На предприятиях Воркуты состоялись митинги, посвященные присуждению коллективу комбината «Воркутуголь» переходящего Красного знамени Государственного Комитета Оборона за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании в декабре 1944 г.

18 января

- Государственный Комитет Оборона принял постановление «О мероприятиях по развитию добычи угля и новом шахтном строительстве в Печорском бассейне в 1945 г.»

– Заложена интинская шахта № 10 проектной мощностью 100 тыс. тонн угля в год.

19 января

- Совнарком Коми АССР принял постановление «Об организации добровольного охотничьего общества» (ныне — Коми республиканское общество охотников и рыболовов).

20 января

- Ленгорисполком учредил переходящее Красное знамя для вручения передовой шахте «Интастроля».

23 января

- Впервые в Коми АССР 34 женщины, родившие и воспитавшие пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами

«Материнская слава» II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

24 января

– В Ленинград приехала делегация горняков «Интастроля», которая привезла в дар городу добытый сверх плана уголь.

7 февраля

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР 209 стахановцев предприятий лесной промышленности за стахановскую работу на заготовке и вывозке леса для нужд оборонной промышленности награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

– Подписан приказ НКВД СССР № 1-2120 о выселении немцев из пограничных районов Прибалтики, Молдавии, Белоруссии, Украины; позднее в том же году были подписаны и другие приказы о выселении немцев с находившихся под оккупацией территорий СССР на восток. Часть их была направлена на поселение в Коми АССР. К концу 1945 г. количество немцев в республике увеличилось в 4,5 раза (2325 семей, 7378 человек). Переселение немцев в Коми АССР продолжалось и в первой половине 1946 г.

10 февраля

– 158 женщин, родивших и воспитавших пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» I, II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

18 февраля

– Проведен комсомольско-профсоюзный лыжный кросс в Коми АССР. В Сыктывкаре в нем приняло участие 1500 лыжников.

23 февраля

– Подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза М.Д. Никишину.

28 февраля

– 190 женщин, родивших и воспитавших пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» I, II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

Весна 1945

– Недалеко от Сыктывкара открыт лагерь № 367 для немецких военнопленных, переведенный вскоре в Усть-Вымлаг.

Март

– Создано общество охотников при Управлении по делам охотничьих хозяйств Совнаркома Коми АССР.

– Воркутинский энергокомбинат переименован в Энергоуправление комбината «Воркутуголь».

5 марта

– Началось бурение разведочной скважины на р. Нибель.

– Открылась 14-я республиканская спартакиада зимнего спорта в Сыктывкаре. Участвовала 21 команда из 7 районов. Прошли соревнования по лыжным гонкам, лыжным эстафетам, слалому, скоростному спуску с горы, конькобежному спорту, хоккею.

9 марта

– В Сыктывкаре завершилось республиканское совещание передовиков сельского хозяйства, по окончании которого были проведены конные беговые и оленьи гоночные соревнования. В конных бегах приняли участие рысаки госконюшни Наркомзема Коми АССР, совхоза НКВД и колхозов Сторожевского и Усть-Вымского районов, победили лошади Наркомзема. В оленьих гонках участвовали олени колхозов Усть-Цилемского, Кожвинского и Ижемского районов.

10 марта

– 86 женщин, родивших и воспитавших пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» I, II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

– На сцене Коми драмтеатра впервые поставлена пьеса Н. Дьяконова и С. Ермолина «Война луньяс».

11 марта

– Бюро Коми обкома ВКП(б) одобрило опыт работы сквозной поточной бригады колхозников сельхозартели «Пионер» Корткеросского района, работавшей на лесозаготовках и добившейся высоких производственных показателей, и предложило внедрять этот опыт во всех лесоучастках.

– В рамках смотра национальных театров РСФСР специальная комиссия из Москвы в Сыктывкаре смотрела постановки коми театров. Коми драмтеатр показывал три спектакля, в том числе «Слугу двух господ» К. Гольдони на коми языке (в роли Труффальдино из Бергамо Н.М. Дьяконов).

13 марта

– Газета «Комсомольская правда» сообщила, что пилот Иван Шаня и штурман Фролов спасли 22 геологоразведчика, проводивших поиски нефти в Усть-Куломском районе Коми АССР и отрезанных снежной бурей от находившейся в 250 км базы снабжения. Летчики после длительных поисков обнаружили временный лагерь геологов и в течение трех дней 11 раз сбрасывали туда продовольствие.

15 марта

– Бюро Коми обкома ВКП(б) подвело итоги республиканского смотра политико-просветительных учреждений, отметило оживление агитационно-массовой и кружковой работы.

16 марта

– ГКО постановил форсировать эксплуатационное и разведочное бурение на нефть и газ на Верхней Ижме.

20 марта

– 57 женщин, родивших и воспитавших пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

22 марта

– Прошел смотр художественной самодеятельности школ ФЗО и ремесленных училищ Коми АССР.

24 марта

– Подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза М.П. Бочарикову, Г.Ф. Тимушеву, А.Г. Хатанзейскому.

25 марта

– Прошли конные бега на стадионе Сыктывкара.

27 марта

– 232 женщины, родившие и воспитавшие пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» I, II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

28 марта

– Состоялся слет тимуровских команд Сыктывкара.

29 марта

– Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР присвоены почетные звания «Народный артист Коми АССР» Н.М. Дьяконову, С.И. Ермолину, Г.А. Мирскому, Н.Н. Шамраеву; «Заслуженный артист Коми АССР» — С.А. Волгину, К.К. Иммонену, Н.Я. Каменеву, Н.А. Киселеву, Т.П. Карендовой, Н.М. Колокольникову, Ю.И. Оботуровой, Г.П. Сидоровой, Н.А. Сурковой, С.С. Ростиславиной; 16 работников театрального искусства награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

Апрель

– На реке Антонида-ель у Воркуты обнаружен источник минеральной воды (класс воды типа «Ессентуки № 8»).

1 апреля

– Введен стандарт зольности углей интинских шахт.

7 апреля

– Вновь открыт Ухтинский горно-нефтяной техникум.

11 апреля

– 138 женщин, родивших и воспитавших пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» I, II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

18 апреля

– 161 женщина, родившая и воспитавшая пятерых и более детей, награждена Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» I, II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

23 апреля

– 164 женщины, родившие и воспитавшие пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» I, II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

26 апреля

– 156 женщин, родивших и воспитавших пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» I, II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени.

– Организовано местное радиовещание для населения Интинского комплекса строительства.

29 апреля

– 165 женщин, родивших и воспитавших пятерых и более детей, награждены Президиумом Верховного Совета Коми АССР от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами «Материнская слава» I, II и III степени и медалями «Медаль материнства» I и II степени. На следующий день награды получила еще 191 женщина, в мае — 553, в июне — 381, в июле — 302, в августе — 466, в сентябре — 278...

Май

– В Пожеге построен дегтекуренный завод мощностью 3 тонны дегтя в месяц.

– В Инте построен гараж с цехом по ремонту машин.

– В Воркуте заложен бульвар Победы.

– В поселке Вожаэль прошел шахматный турнир треста «Устьвымлес».

1 мая

– Заложена интинская шахта № 10 (вертикальная).

9 мая

– По воспоминаниям очевидцев, рано утром, когда в Сыктывкаре узнали об окончании войны, горожане высыпали на улицы, обнимались, поздравляя друг друга с Победой. Многие жители города поспешили на телеграф, чтобы отправить родным и близким поздравительные телеграммы, выстроилась огромная очередь. На всех предприятиях и организациях республики состоялись многочисленные митинги, посвященные победоносному завершению Великой Отечественной войны. С войны не вернулись около 58 тысяч воинов из Коми АССР, отдавших жизнь за Родину.

16 мая

– Построен мост и открыто движение через р. Угольную в Инте.

21 мая

– Президиум Верховного Совета Коми АССР впервые обратился к Президиуму Верховного Совета РСФСР с ходатайством присвоить почетное звание «Мать-героиня» Г.А. Артеевой из Усть-Ухтинского сельсовета, А.Д. Васильевой из Нювчима, У.Н. Денисовой из Колвинского сельсовета, М.И. Подоровой из Нившерского сельсовета, К.А. Поповой из Усть-Ильчского сельсовета, Т.П. Филипповой из Мошьюгского сельсовета, А.С. Юдиной из Троицко-Печорского сельсовета, М.А. Юркиной из села Слободы под Сыктывкарком.

25 мая

– Заложена шахта № 13 производительностью 150 тыс. тонн угля в год.

Лето 1945

– Два отряда комплексной экспедиции из Москвы под руководством этнографа В.Н. Белицер и археолога А.В. Збруевой и при поддержке директора республиканского краеведческого музея П.Д. Степанова провели в Коми АССР первые с 1920-х гг. археологическую и этнографическую разведки.

– В Сыктывкаре состоялась тематическая художественная выставка «Коми народ в Великой Отечественной войне».

– Состоялись гастроли воркутинского лагерного театра в Абези — первые гастроли театра за пределами Воркуты.

Июнь

– Начато производство гончарной посуды из белой глины в поселке Нювчим.

– Проведена массовая посадка деревьев и кустарников в Сыктывкаре. Посажено 1000 корней березы, тополя, боярки, сибирки. Только на улицах Бабушкина и Советской посажено около 400 деревьев.

1 июня

– Интинский кирпичный завод стал самостоятельным предприятием.

10 июня

– Велогонки в Сыктывкаре завершили летний комсомольско-профсоюзный кросс.

13 июня

– Интинский Второй район переименован во Второе рудоуправление.

15 июня

– Бюро Коми обкома ВКП(б) обсудило работу наркомата социального обеспечения Коми АССР по обучению, трудоустройству и материально-бытовому обслуживанию инвалидов Великой Отечественной войны. В народном хозяйстве республики работали 4546 инвалидов войны.

– Вновь открыт стадион «Динамо» в Сыктывкаре. На его восстановление было выделено 100 тыс. рублей.

– Заложена интинская шахта № 14.

22 июня

– Окончено строительство трансформаторной станции на Водном промысле. **29 июня** станция введена в эксплуатацию.

24 июня

– На первой глубокой разведочной скважине на реке Нибель (левый приток Печоры) получен газовый фонтан; открыто крупное Нибельское газовое месторождение.

25 июня

– В связи с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 мая 1943 г. о передаче Безбожниковского сельсовета из Летского района Коми АССР в Мурашинский район Кировской области Президиум Верховного Совета Коми АССР утвердил новую границу между Коми АССР и Кировской областью.

29 июня

– Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза Г.Е. Собянину.

Июль

– Архитектор М.И.Фрог составил проект реконструкции Красной площади в Сыктывкаре, за который получил благодарность правительства Коми АССР и 10000 рублей премии. Предполагалось установить на площади «Колонну Победы» высотой 30 м, бюсты Героев Советского Союза, обращенные к колонне и к скульптурам Ленина и Сталина, пилоны с цитатами из произведений Сталина, два монумента в виде знамен и др.

5 июля

– Бюро Коми обкома ВКП(б) и Совнарком Коми АССР утвердили мероприятия по организованному приему, трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию демобилизованных. Созданы районные комиссии, выделены помещения для размещения прибывших, продукты питания и транспорт.

7 июля

– Указ Верховного Совета СССР об амнистии заключенных, осужденных по уголовным статьям. Предписывалось принимать освободившихся на работу по месту отбытия заключения.

16 июля

– Самолет С-2, летевший по маршруту Сыктывкар–Ухта, сбился с пути и приземлился в городе Соликамске Пермской области.

17–19 июля

– Состоялась шестая сессия Верховного Совета Коми АССР первого созыва. Депутаты направили приветственную телеграмму «Генералиссимусу Советского Союза товарищу Сталину» в связи с Победой в Великой Отечественной войне. Председателем Презиума 19 июля избран И.А. Рочев.

20 июля

– Введена в строй локомотивная станция райкомхоза в Айкино.
– Президиум Верховного Совета Коми АССР отклонил ходатайство исполкома Усть-Усинского райсовета о разделении Колвинского сельсовета на Колвинский и Макарсакский «ввиду малочисленности населения».

22–23 июля

– В Сыктывкаре прошли гастроли Вологодской филармонии.

27 июля

– Самолет С-2, летевший по маршруту Сыктывкар–Киров–Горький–Москва, потерял ориентировку и вместо Кирова и Горького полетел в сторону Костромы. Пилот восстановил ориентировку только после посадки в районе Галича и опроса местного населения.

29 июля

– На пристань Сыктывкара прибыл первый пароход с демобилизованными фронтовиками.

29 июля–5 августа

– В Ухте прошла спартакиада динамовских организаций по летним видам спорта.

Август

– В Сыктывкаре началась реконструкция Красной площади, на которой в последующее время была построена новая правительственная трибуна, рядом с которой на высоких пьедесталах стояли скульптуры Ленина и Сталина.

1 августа

– Издан Указ о льготах для работников Крайнего Севера и приравненных к нему местностей, распространившийся на приезжих «вербованных» рабочих, заключивших срочные трудовые договоры. Им полагались оплата «подъемных» для обустройства на новом месте, оплата проезда всей семьи к месту жительства, оплата проезда к месту отдыха и обратно (раз в 3 года), дополнительный оплачиваемый отпуск, северные надбавки и др. Местное население этих льгот не имело и получало за аналогичную работу значительно меньшую зарплату, чем «вербованные» рабочие.

– Интинские Центральные ремонтно-механические мастерские переименованы в Ремонтно-механический завод.

12–20 августа

– Состоялась республиканская спартакиада по летним видам спорта. Участвовали ДСО «Медик», «Трудовые резервы», «Динамо», «Большевик» и другие.

13 августа

– Главный старшина М.А. Бабиков из Усть-Цильмы высадился в составе десанта в г. Сейсин (Корея), с боем очистил от противника порт и вышел к важным мостам через р. Сусентхен. Несмотря на ранение, М.А. Бабиков, отбив контратаку противника, поднял в атаку свой взвод и захватил автомобильный мост. 14–15 августа десантники вели ожесточенные бои в городе, обороняли порт до подхода морской пехоты.

5 сентября

– В республике прошли многочисленные митинги в связи с капитуляцией Японии (3 сентября) и окончанием Второй мировой войны.

14 сентября

– Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Герой Советского Союза М.А. Бабикову.

15 сентября

– Завершено строительство здания для лагерного музыкально-драматического театра в Воркуте.

25 сентября–5 октября

– В Воркуте прошел 2-й республиканский шахматный турнир. Чемпионом Коми АССР вновь стал Сахарнов.

28 сентября

– Издан приказ по Интастрою о введении с 1 октября 1945 премирования рабочих и служащих.

29 сентября

– Бюро Коми обкома ВКП(б) приняло постановление о проекте пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства Коми АССР

на 1946–1950 гг., в котором предусматривалось значительное увеличение производства продукции в угольной, лесной, нефтяной, газосажевой промышленности, подъем урожайности сельхозкультур, восстановление поголовья скота в колхозах и совхозах.

– Бюро Коми обкома ВКП(б) обсудило работу педагогического и учительского институтов, решило обратиться в ЦК ВКП(б) и Наркомпрос РСФСР с просьбой о направлении в Коми АССР специалистов-педагогов для руководства кафедрами литературы, математики, иностранных языков, марксизма-ленинизма. Вскоре в пединститут прибыла группа квалифицированных преподавателей.

– Бюро Коми обкома ВКП(б) решило обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой об увеличении тиража республиканских газет в связи с ростом населения Коми АССР. Тираж газеты «За новый Север» вскоре был увеличен до 15 тыс. экземпляров, газеты «Ворлэдзысь» — до 12 тыс. экземпляров.

Октябрь

– В Сыктывкар поступил 20-местный самолет «Дуглас» для прямых рейсов в Москву.

– Начались гастроли концертной группы ансамбля песни и пляски НКВД СССР по городам и поселкам Коми АССР. В октябре–декабре концерты были даны на Севжелдорстрое в Ухте, Абези, Инте и Воркуте.

– Вышел на экраны документальный киножурнал «Инта» ленинградской студии (оператор В.И. Сеницын).

– В Воркуте закончено строительство новой городской бани.

– В Воркуте начато строительство стадиона «Динамо».

25 октября

– На сцене Коми драмтеатра впервые поставлена пьеса Н.М. Дьяконова «Герой», посвященная подвигу Героя Советского Союза Н.В. Оплеснина.

Ноябрь

– В Сыктывкаре и райцентрах проведены слеты передовиков сельского хозяйства и сельскохозяйственные выставки для обобщения и внедрения передового опыта колхозного и совхозного производства.

– Ухтинский филиал республиканского драмтеатра переведен в Инту для культурного обслуживания Кедрового Шора и Красного Яга.

– Поставлена первая в Сыктывкаре музыкальная комедия «Раскинулось море широко».

Начало ноября

– В Ярегской нефтешахте начали работать первые электровозы «Лилипут» для вывоза горной породы.

– Сдана в эксплуатацию новая турбина на Воркутинской ТЭЦ-1.

1 ноября

– Введена в эксплуатацию первая электростанция в селе Кослан.

3 ноября

– Начала действовать электроустановка в селе Летка.

18 ноября

– Постановлением Совнаркома СССР официально введены и утверждены понятия «Крайний Север» и «Районы, приравненные к Крайнему Северу», определен перечень территорий, входящих в их состав. В соответствии с этим постановлением на территории Коми АССР были выделены первоначально только местности, приравненные к Крайнему Северу (все северные и восточные районы республики).

28 ноября

– Бюро Коми обкома ВКП(б) обсудило тяжелую ситуацию с жильем, сложившуюся в Печорском угольном бассейне вследствие быстрого роста промышленности и населения в городах и поселках.

29 ноября

– Президиум Верховного Совета Коми АССР постановил преобразовать поселок четвертого района г. Воркуты в рабочий поселок Октябрьский, поселок второго района г. Воркуты в рабочий поселок Ленинградский; подчинить Октябрьскому поссовету поселки шахт № 5, 6, 7, 12, 14, 16, 29, 30, 9-е отделение Печстроя и поселок кирпичного завода Карьер; Ленинградскому поссовету — поселки шахт № 2, 2бис, 3, 4, поселок кирпичного завода, ремонтно-механический завод № 2 и лесозавод № 2. Постановление подлежало утверждению Президиумом Верховного Совета РСФСР, что и было сделано в 1946 г., но в конечном итоге поселок второго района получил название Горняцкий.

– Президиум Верховного Совета Коми АССР постановил отнести населенный пункт Ошкурья Усть-Усинского района к категории рабочих поселков и подчинить Ошкурьюнскому поссовету населенный пункты Полекурья и затон техфлота Печрекути. Постановление утверждено Президиумом Верховного Совета РСФСР в 1946 г.

– Президиум Верховного Совета Коми АССР постановил отнести населенный пункт Усть-Воркута Воркутинского (в то время писали Воркутского) горсовета к категории рабочих поселков и подчинить Усть-Воркутскому поссовету деревни Никит, Тит, Елец, Сейдавом, Ошвер, Евсевань, совхоз Лёк Воркута, населенный пункт Сангородок. Президиум Верховного Совета РСФСР в 1946 г. отказал в образовании рабочего поселка, но согласился создать поссовет на правах сельсовета.

– Президиум Верховного Совета Коми АССР по ходатайству Воркутинского горсовета постановил преобразовать населенный пункт Халь-

мер-Ю в рабочий поселок, образовать там поссовет и подчинить его Воркутинскому горсовету. Однако Президиум Верховного Совета РСФСР не утвердил это постановление. Поселок Хальмер-Ю располагался на территории Ненецкого национального округа, но строился силами комбината «Воркутуголь».

Декабрь

- Художник В. Поляков закончил серию из 30 рисунков «Воркута».
- В Инте на территории кирпичного завода построен гипсовый завод.

1 декабря

– Игрушечная мастерская артели «Северный кустарь» в Сыктывкаре освоила выпуск новых елочных игрушек: Дедов Морозов, Снегурочек, картонных домиков, груш и прочего.

19 декабря

– Бюро Коми обкома ВКП(б) обратилось к трактористам, комбайнерам, всем работникам МТС с призывом включиться в социалистическое соревнование за своевременный и качественный ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин и поддержать инициативу коллектива Старомышинской МТС Краснодарского края, выступившего с предложением о проведении образцовой подготовки к весеннему севу.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Жмодиков Ю.Л. «За Отечество» или... (о мотивах вступления в ополчение в эпоху 1812 года).....	3
Тотфалушин В.П. Саратовское ополчение 1812 года: историографические мифы и реальность	8
Целорунго Д.Г. Социальный и антропологический облик рекрутов российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года.....	15
Накропин В.В. Участие А.П. Ермолова в войнах с наполеоновской Францией 1805–1815 годов (краткий источниковедческий обзор) .	24
Филиппова А.А. Эпоха Наполеона. Жизнь А.С. Грибоедова.....	44
Рязанов А.М. Голицыны — участники Отечественной войны 1812 года	52
Цеглеев Э.А. Провинция как структурный компонент системы Российской империи в эпоху наполеоновских войн (на примере Вятской губернии).....	58
Захарова М.Е. О патриотизме российского провинциального общества во время Отечественной войны 1812 года.....	66
Балакшин Р.А. Вологодские губернаторы — участники Отечественной войны 1812 года.....	75
Семенничева Е.В. Княжеский род Вадбольских в русской военной истории.....	85
Демидова Е.Л. Эпоха наполеоновского нашествия в усть-сысольских документах	91
Колтовой Е.Ф. Книга памяти Отечественной войны 1812 года. Северяне — участники Бородинского сражения 24, 25 и 26 августа 1812 года.....	100
Смирнов А.А. Москва в эпоху наполеоновского нашествия.....	106
Земцов В.Н. Наполеон в Москве: исторический сюжет на фоне локальной истории и микроистории	151
Смирнова А.Г. «Пожар способствовал ей много к украшенью...». Восстановление и реконструкция Москвы после пожара 1812 года	156

Кубрик А.Д. Заявления москвичей о наречении фамилиями как проявление повседневной жизни эпохи наполеоновского нашествия	172
Топычканов А.В. Современник нашествия Наполеона, историк-москвовед И.М. Снегирев о первопрестольной	181
Шокарев С.Ю. Московский некрополь участников Отечественной войны 1812 года (по спискам М.Ю. Барановской).....	188

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми АССР в годы Второй мировой войны: хроника событий (1944–1945 гг.).....	205
--	-----

ISBN 978-5-89606-487-9

Научное издание

**ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Выпуск 9

Рекомендовано к изданию
Президиумом Коми отделения
Академии военно-исторических наук

Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 12,9. Усл. печ. л. 14,5.
Тираж 100. Заказ № 3.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»,
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36.